

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8

ИСТОРИЯ

№ 4 • 2020 • ИЮЛЬ–АВГУСТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Аксаньян К.Э. К вопросу о статусе городских воеводских назначений в конце XV — начале XVII в. (по разрядным записям назначений в Великие Луки)	3
Козлова Н.В. «Милостыню давать... в гошпитали и в другие таковыя подобныя места»: древнерусское нищелюбие и благотворительность нового времени в завещаниях князя Б.И. Курякина (1727 г.) и графа Г.И. Головкина (1729 г.)	17
Ларюшкин О.В. Состав поручительства московских купцов иноэтничного происхождения (середина XVIII — середина XIX в.)	29
Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Особенности научного мировоззрения М.М. Хвостова	56
Кузьмин И.Д. Планы и перспективы сближения с Францией в политике фашистской Италии в начале 1935 г.	75
Струкова П.Э. Историко-культурные предпосылки создания района Большого залива в Южном Китае	88
Селунская Н.Б. «Спасение от забвения...»: репрезентация прошлого в источниках исторической памяти	114
Коваль В.Ю. Проблемы изучения древо-земляной фортификации средневекового Смоленска	132
Юденкова Т.В. «Эра передвижников»: взгляд из XXI в.	161
Салиенко А.П. Роман А. Бартэна «Творчество» (1952) как пример идеологического манипулирования и догматического подхода к искусству	187

CONTENTS

A k s a n i a n K.E. On the Issue of the Status of <i>Voivoda</i> Assignments to Cities in the Late 15th — early 17th Centuries (on the Basis of Appointments to Velikiye Luki in the Razriad Books)	3
K o z l o v a N.V. “To Give Alms... to Hospitals and Other Suchlike Places”: Old Russian Love for the Poor and the Charity of the Modern Period in the Testaments of Prince B.I. Kurakin (1727) and Count G.I. Golovkin (1729).	17
L a r y u s h k i n O.V. Quarantee Composition of Moscow Merchants of Foreign Ethnic Origin in the Mid-18th — Mid-19th Centuries	29
N o v i k o v M.V., P e r f i l o v a T.B. Formation of M.M. Khvostov’s Scientific World View.	56
K u z m i n D.I. Plans and Prospects for Rapprochement with France in the Politics of the Fascist Italy at the Beginning of 1935.	75
S t r u k o v a P.E. Historical and Cultural Background for Creation of the Greater Bay Area in South China.	88
S e l u n s k a y a N.B. “Salvation from Oblivion...”: Representation of the Past in Sources of Historical Memory	114
K o v a l V.Yu. Problems of Studying the Earth-and-timber Fortifications of the Medieval Smolensk	132
Y u d e n k o v a T.V. “The Era of the Wanderers (Peredvizhniki)”: a Twenty-first Century Look	161
S a l i e n k o A.P. A. Barten’s Novel <i>Tvorchestvo</i> (Creativity, 1952) as an Example of Ideological Manipulation and Dogmatic Approach to the Art	187

К.Э. Аксаян

**К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ГОРОДОВЫХ ВОЕВОДСКИХ
НАЗНАЧЕНИЙ В КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XVII в.
(ПО РАЗРЯДНЫМ ЗАПИСЯМ НАЗНАЧЕНИЙ
В ВЕЛИКИЕ ЛУКИ)**

K.E. Aksanian

**ON THE ISSUE OF THE STATUS OF VOIVODA ASSIGNMENTS
TO CITIES IN THE LATE 15th — EARLY 17th CENTURIES
(ON THE BASIS OF APPOINTMENTS TO VELIKIYE LUKI IN
THE RAZRIAD BOOKS)**

Аннотация. В статье анализируются возможности использования Разрядных книг при выяснении местнической «честь» городских воеводских назначений. В условиях постоянного ведения Россией активных боевых действий в XVI в. городские воеводские назначения могли служить важным преимуществом в местнических спорах, давали значительный воеводский опыт. Можно предположить, что в связи с изменениями тактической и стратегической обстановки «неформальный» статус, «статус чести» городских воеводских назначений также менялся. Анализ документов Разрядного приказа в ряде случаев позволяет выявить динамику «статуса чести» воеводских назначений в конкретные города в разные периоды. Назначение в один и тот же город на одну и ту же воеводскую позицию в разное время и в разных условиях может быть интерпретировано как карьерный рост либо как форма опалы. В качестве примера выбран город Великие Луки, чья значимость менялась в период с конца XV до начала XVII в. и куда назначались воеводы, получавшие разный (в широких пределах) статус в воеводской иерархии. В работе очерчен круг воевод, получавших назначение в Великие Луки в указанный период, охарактеризованы их местнический статус и их позиция в воеводской иерархии. Выявляются периоды, когда в город активно назначались воеводы. Сделан вывод о корреляции между частотой воеводских назначений в город и положением на русско-литовском пограничье. Подчеркивается рост «статусности» и востребованности назначаемых в город воевод в периоды обострения дипломатических от-

* Аксаян Карен Эдуардович, ведущий специалист отдела информационной политики исторического факультета МГУ, соискатель кафедры источниковедения МГУ имени М.В. Ломоносова

Aksanian Karen Eduardovich, Senior Specialist, Information Policy Department and Postgraduate Student, Department of Source Studies of Russian and Soviet History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-916-567-62-40; akskaren1992@gmail.com

ношений и введения активных боевых действий. Были также сделаны предположения о влиянии иных причин на динамику «статуса чести» города. Анализируется влияние городского назначения в Великие Луки на карьеру ряда представителей русской военно-политической элиты. Подчеркивается необходимость учитывать «неформальный» статус города в конкретный момент в биографических исследованиях представителей русской военно-политической элиты конца XV — начала XVII в.

Ключевые слова: Разрядные книги, Разрядный приказ, местничество, Великие Луки, командный состав русской армии, воеводы.

Abstract. The article explores the possibilities of using the Books of Ranks (razriad) to identify the “honor” of precedence of city voivodeship appointments. In the context of the constant active warfare conducted by Russia in the 16th century, city voivoda appointments could give an important advantage in the precedence disputes and provided significant voivodeship experience. It can be assumed that in connection with changes in the tactical and strategic situation, the “informal” status, “honor status” of city voivodeship appointments also changed. The analysis of the documents of the Razriad Department in a number of cases makes it possible to reveal the dynamics of the “honor status” of voivodeship appointments to specific cities in different periods. An appointment to the same city for the same voivodeship position at different times and in different conditions can be interpreted as career advancement or as a form of disgrace. The author chose the example of the city of Velikiye Luki: its importance changed from the late 15th to the early 17th century and the voivodas appointed there received different (within very wide limits) status in the voivodeship hierarchy. The work defines the circle of voivodas who were appointed to Velikiye Luki during this period and characterizes their status in the frames of mestnichestvo system and their position in the voivodeship hierarchy. It also identifies the periods of greatest activity when governors of the city were appointed. Conclusion is made about the correlation between the frequency of voivodeship appointments to the city and the situation on the Russian-Lithuanian border. The author indicates the growth of “status” and the demand for governors appointed to the city during periods of exacerbation of diplomatic relations and the conduct of active hostilities. Suggestions are also made about the influence of other reasons on the dynamics of the “honor status” of the city. The author analyzes the influence of city appointments in Velikiye Luki on the careers of a number of representatives of the Russian military-political elite. The article also emphasizes the need to take into account the “informal” status of the city at a particular moment when doing biographical studies of representatives of the Russian military-political elite of the late fifteenth — early seventeenth centuries.

Keywords: The Books of Ranks (Razriad Books), Razriad Department, Mestnichestvo, Velikiye Luki, command staff of the Russian army, voivodas.

* * *

В XVI в. Россия вела многочисленные войны, зачастую — на нескольких направлениях одновременно. Созданное за относительно короткий период Иваном III и Василием III Русское государство

вынуждено было противостоять внешним врагам, обеспокоенным подобным усилением, и решать внутренние проблемы, связанные с организацией эффективного управления территориями. В этих условиях воеводские назначения в города имели особую важность, т.к. воеводы занимались не только военной, но и административной деятельностью. Именно поэтому городские воеводские назначения были важным компонентом в служилых карьерах представителей русской аристократии XVI в. Назначения в крупнейшие и важнейшие города-крепости могли служить существенным приобретением для статуса рода в местнической иерархии. Неудивительно, что подобные назначения вызвали местнические тяжбы: сохранились известия о спорах не только между воеводами в одном городе, но и о спорах между воеводами разных городов. В этом случае один воевода считал, что получил «невместное» назначение по отношению к сопернику, назначенному в город, чей местнический статус был выше.

Центральная власть старалась пресекать подобные споры. Однако разряды сообщают как минимум о двух эпизодах, свидетельствующих о наличии «иерархии» городов во второй половине XVI в. Эпизоды эти датируются 1554 и 1597 гг.¹ В первом случае царь объявил безместие в Казани и Свияжске. Во втором случае С.Ф. Сабуров, посланный в Смоленск с жалованием для служилых людей, бил челом на князя П.И. Буйносова, посланного в Новгород. Свои претензии он обосновал следующим образом: «Новгород Великой пишетца в титуле наперед Смоленска». В этой «неформальной иерархии» высшую ступень занимали важнейшие пограничные города: Новгород, Псков, Смоленск, Казань и — относительно недолго — Свияжск. Назначение в такие города недостаточно знатного человека было невозможным — оно вызвало бы недовольство аристократической верхушки и городских дворянских корпораций, между которыми тоже случались местнические споры².

Но был ли неизменным статус остальных городов, куда с различной регулярностью разряжались воеводы? Подобное представляется маловероятным. Роль и статус городов-крепостей должны были меняться в зависимости от военной обстановки, от того, как Москва оценивала их стратегическую значимость. Менялись они и в связи с экономической и политической ситуацией — прежде передовые форпосты по мере расширения территории страны могли терять свое оборонительное значение³.

¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. М., 1978. С. 472; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. М., 1989. С. 146.

² Эскин Ю.М. Очерки истории местничества. М., 2009. С. 263, 350, 351.

³ Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011. С. 63.

Определение статуса города в различные периоды позволяет не только уточнить его значение в тех или иных военных конфликтах, но и может быть использовано в просопографических исследованиях при реконструкции биографий представителей русской служилой аристократии, а также в исследованиях по политической истории. Назначения в один и тот же город могут быть оценены по-разному, в зависимости от статуса «чести» воеводских постов в данном городе на протяжении конкретного периода. Анализ места города в «неформальной» иерархии чести на основе разрядных источников позволит более точно реконструировать биографии представителей русской правящей элиты XVI в.

Отметим, что биографии представителей русской военно-служилой аристократии, несмотря на внимание, которое такие исследователи, как Д.М. Володихин, Н.С. Борисов, В.В. Каргалов и ряд других уделяли в последние годы биографическим исследованиям, изучены недостаточно полно⁴.

Задачей данной статьи является анализ возможностей Разрядных книг при выяснении неформального статуса городских воеводских назначений. В качестве примера был взят город Великие Луки за период с конца XV в., когда город был присоединен к Москве, до начала Смутного времени, когда военная машина Русского царства перестает работать в «штатном режиме»⁵. Находившийся в пограничье город должен был менять свой статус в зависимости от внешнеполитической обстановки, и эти изменения должны были получить отражение в статусе воеводских назначений. Так, членов Думы и представителей наиболее знатных семейств редко назначали на малозначимые посты, за исключением первых карьерных шагов. Таким образом, анализ воеводских назначений в Великие Луки способ проявить эволюцию «статуса» города в общей системе воеводских назначений.

Великие Луки, находившиеся в некотором отдалении от пограничных крепостей, играли важную роль в оборонительной системе Русского государства. Находясь на приблизительно равном расстоянии от Смоленска и Пскова, город выступал опорной базой для войска, которое могло быть переброшено на помощь этим важ-

⁴ Володихин Д.М. Русский Воеводский корпус от опричнины до семибоярщины. Очерки истории. М., 2015. С. 6–8; Борисов Н.С. Русские полководцы XII–XVI вв. М., 1993; Каргалов В.В. Московские воеводы XVI–XVII вв. М., 2006; Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992; Корзинин А.Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). М.; СПб., 2016; Белов Н.В. Неизвестное боевое назначение князей Петра Щенятева и Андрея Курбского // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. М., 2019.

⁵ Володихин Д.М. Русский Воеводский корпус от опричнины до семибоярщины. С. 80; Пенской В.В. Военное дело Московского государства. М., 2018. С. 8.

нейшим городам или на помощь пограничным крепостям: Велижу, Себежу, Невелю.

Впервые в разрядах Великие Луки упоминается в 1493 г., когда в город было послано войско под командованием князя Д.А. Пенко Ярославского, считавшегося старшим среди многочисленных Ярославских князей⁶. Первым же упоминаемым наместником был князь В.И. Янов-Ростовский в 1500 г., который ходил из города в поход на Литву. В 1507–1508 гг. из Великих Лук ходили в Литву соединения во главе с боярином Г.Ф. Челядниным и князем Д.В. Щеней. Все эти назначения связаны с активными боевыми действиями во время русско-литовских войн. Вероятно, перерывы между городовыми назначениями объясняются большим количеством лакун в разрядах, характерных для записей в период до середины XVI в. В промежутки между указанными назначениями туда могли посылаться не столь знатные воеводы, что не нашло отражения в Разрядных книгах⁷.

Следующий раз в разрядах город появляется в 1513 г. в связи с началом новой войны с Литвой, когда из Великих Лук под Брянск ходило войско под командованием князя В.С. Одоевского. В следующем году в Великих Луках находился князь В.В. Шуйский-Немой, «отпускавший» в набеги других воевод и лично возглавлявший полевые соединения. Князь пробыл в городе больше года и осуществлял руководство на участке «литовского фронта» к северу от Смоленска. После перевода князя Шуйского в Смоленск в Великих Луках будут последовательно стоять с войсками окольничий И.Г. Морозов и боярин князь А.Д. Ростовский⁸. В начальный период войны город играл важнейшую роль в организации походов на Литву и имел стратегическую важность в подготовке ударов, необходимых для взятия и удержания Смоленска. Именно этим обуславливается высочайший статус лиц, назначаемых как в город, так и руководивших войсками, собиравшихся в нем.

Во время литовского набега 1515 г. в Великие Луки «воеводы не поспели», что привело к сожжению городского посада, однако не сказалось на статусе направляемых в город воевод: наместниками были расписаны И. Колычев и И.С. Морозов. В этот момент в городе дважды собирались войска под формальным командованием царевичей Василия и сменившего его Федора Меликдаировичей, старшим государевым воеводой в их присутствии был князь А.В. Ростовский, реально управлявший войсками. В 1517 г. А.В. Ростовский вновь

⁶ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI вв. М., 1988. С. 92.

⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 34, 58, 98, 101.

⁸ Там же. С. 124, 134, 140, 142.

возглавляет расположенное в городе войско. В 1518 г. он же, будучи новгородским наместником, какое-то время находился в Великих Луках вместе городским наместником окольничим М.В. Тучковым Морозовым. Именно в период его пребывания в Великих Луках из города в неудачный поход под Полоцк ходил князь В.В. Немой-Шуйский. В 1519 г. из города ходило в набег к Полоцку небольшое войско во главе с князем И.А. Буйносовым-Ростовским. В 1520 г. в Великих Луках на воеводстве вновь находился князь А.В. Ростовский⁹. После окончания войны город пропадает из разрядов на девять лет.

Со взятием Смоленска Великие Луки не потеряли своего значения. Город по-прежнему был точкой сбора войск, ходивших в походы на северо-восточные районы Литвы. Сохранил он и свою оборонительную функцию. Пребывание в городе мобильного войска позволяло прикрыть границу от Опочки до Смоленска и быстро реагировать как на набеги литовских войск, так и на крупномасштабные походы. Об этом свидетельствует то, что в город и войска, базировавшиеся в нем, назначались лица, составляющие основу русского воеводского корпуса своего времени. Князья В.В. Шуйский и А.В. Ростовский были в числе наиболее знатных и востребованных полководцев среди тех, кому при Василии III поручали командование самостоятельными полевыми соединениями. И.А. Колычев был одним из двух воевод, происходивших из старомосковского боярства, которых регулярно назначали на посты первых полковых воевод в период правления Василия III¹⁰.

Отметим, что в указанный период разряды не всегда разделяют городских воевод и воевод, возглавлявших войска, сосредотачивавшихся в городе. Это затрудняет подсчет именно городских назначений. С уверенностью можно говорить о шести подобных случаях. Можно предположить, что часть записей разряды не сохранили, и таких случаев могло быть больше. Вероятно, командующие полевыми соединениями, собиравшимися в городе, временно принимали на себя функции городского воеводы.

В 1529 г. наместником в Великие Луки был расписан окольничий князь А.П. Великий-Шастунов¹¹. В качестве наместника его сменил М.В. Морозов¹². Можно предполагать связь этих назначений с решением споров о межевании земель с Литвой¹³. В июле 1534 г. город

⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 145, 151, 153, 155, 165, 166, 170, 175.

¹⁰ Володихин Д.М. Ведущие русские полководцы времен Василия III // Русь, Россия: Средневековые и Новое время. Вып. 6. М., 2019. С. 102.

¹¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 211.

¹² Зимин А.А. Указ. соч. С. 240.

¹³ Кром М.М. Стародубская война. 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 20.

вновь становится центром сосредоточения войск в связи с новой войной. Воеводой «за городом» был расписан боярин князь А.Д. Ростовский, а наместником в городе служил Ю.Д. Шеин. Последний указан в этой должности и в 1536 г. Вероятно, он находился в городе непрерывно. Важность и «честь» города временно возросла: Юрий Дмитриевич позднее станет окольным, а вторым воеводой в городе был расписан с боярским чином А.Н. Бутурлин¹⁴. Их сил, очевидно, было недостаточно, поэтому «за городом на Луках» находились еще князь А.А. Аленкин и наместник Луцкий князь Д.Ф. Палецкий¹⁵. Многочисленность воевод, а значит и гарнизона города, может быть объяснена опасностью удара литовских войск, т.к. в апреле того же года состоялся неудачный поход литовцев на расположенный недалеко Себеж. Возможно, рать находившаяся «за городом», была оперативным резервом, который мог быть переброшен на отражение удара литовцев или на усиление войск, отправлявшихся в набег на литовские земли¹⁶.

Период активных назначений в Великие Луки во время Стародубской войны примечателен тем, что в разрядах четко разделяют городского воеводу наместника Ю.Д. Шеина и воевод «за городом». Юрий Дмитриевич и два его брата занимали высокое положение, позже они дослужатся до боярства, но отнести их к числу наиболее востребованных воевод нельзя¹⁷. Можно предположить, что город играл важную роль именно как база для мобильного русского корпуса, но удара на этом направлении русское командование не ждало, что и обусловило отправку сюда не самого опытного воеводы. Расчет оказался верен — нам неизвестно о литовских набегах в эту войну, которые достигли бы города.

Следующие 26 лет до начала Ливонской войны назначения воевод в город не отражены в Разрядных книгах. Вновь в разрядах он появляется зимой 1560/1561 гг.: «с Лук Великих» в поход на Литовские земли ходило небольшое соединение из трех полков с тремя воеводами под командованием И.М. Канбарова. О направленности рейда на разорение вражеских территорий говорит упоминание об участии в походе «ногайских людей»¹⁸. Это позволяет предположить, что город был отправной точкой для войска, но в самом городе И.М. Канбаров не воеводствовал.

¹⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 248.

¹⁵ Там же. С. 263.

¹⁶ В это время князь И.И. Барбашин совершил удачный поход из Велижа, сжег посад Витебска и взял большой «полон» См.: Кром М.М. Указ. соч. С. 71.

¹⁷ Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011. С. 77.

¹⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 85.

В 1562 г. в Великих Луках «годовали» боярин П.В. Морозов и окольничий В.Д. Данилов. В этот период город служил базой для развертывания войска, шедшего в поход на Литву. «На Луках» находились татары во главе с Симеоном Касаевичем и полки шести русских воевод, под предводительством бояр князей И.И. Турунтая Пронского и А.М. Курбского¹⁹. Маловероятно, что все эти силы сумели разместиться в городе. Видимо, формулировка «на Луках» означает, что город был центром сбора и снабжения войск, располагавшихся в округе. Часть сил, которые возглавил князь А.М. Курбский, приняла участие в сражении под Невелем²⁰. О том, что город выступал местом сбора мобильных соединений, которые в дальнейшем могли быть переброшены в необходимом направлении, говорит и тот факт, что в 1562 г. Великие Луки стали базой для еще одного войска, во главе с князем М.Ф. Прозоровским²¹.

Применительно к 1561–1562 гг. разряды содержат упоминание, что в городе на воеводстве пребывали А.Б. Ступишин и князь С.И. Коркодинов, но составитель был неуверен в точности своих сведений и оставил помету: «о луцких справитца с иными разрядами». Отсутствие этой записи в других Разрядных книгах не означает ошибочность вышеуказанной росписи. Но с конца 1562 г. Великие Луки готовились стать местом сбора царского войска в походе на Полоцк. Представляется маловероятным, что относительно малозаметному военачальнику А.Б. Ступишину поручили такую ответственную задачу, как подготовку крепости к организации снабжения этого важного похода. Можно предположить, что если это назначение и имело место, то в 1561 г.

После взятия Полоцка в 1563 г. царь на обратном пути вновь остановился в Великих Луках, где расписал городских воевод. Здесь были оставлены боярин И.М. Воронцов и Ф.И. Салтыков. Судя по всему, они пробыли там не очень долго, потому что уже в июле воеводами были расписаны боярин князь А.И. Ногтев-Суздальский и князь П.Д. Щепин-Оболенский. Тогда в городе формировалось войско под командованием царевича Ибака и князя И.Ф. Мстиславского, в котором князь А.И. Ногтев-Суздальский возглавил сторожевой полк. В результате, осенью 1563 г. воеводами в Великих Луках стали князь И.А. Шуйский, князь Г.П. Звенигородский и А.М. Старов. Во время их воеводства была составлена роспись, согласно которой город должен был стать базой развертывания войска из пяти полков

¹⁹ Там же. С. 106.

²⁰ Пенской В.В. Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562–1570. М., 2019. С. 72.

²¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 108.

во главе с боярином князем И.Ф. Мстиславским. В Москве всерьез опасались крупного удара литовцев на Полоцк или на Великие Луки и дальнейшей осады, о чем говорит составление росписи войска, куда должны были прийти «в сход» воеводы пограничных городов. Войско должны были возглавить знатнейшие люди царства: князья И.Д. Бельской и И.Ф. Мстиславские. Опасения были обоснованны: в сентябре 1564 г. войско под командованием князя И.Д. Бельского, при номинальном старшинстве царя Шигалея и татарских царевичей, наспех двинулось из Вязьмы к Великим Лукам, получив донесение, что «литовские люди» идут на город²². Когда оно прибыло к городу 7 октября, выяснилось, что литовцы начали неудачную осаду Полоцка.

Осенью того же 1564 г. из Великих Лук выступила армия под командованием Симеона Касаевича и князя И.И. Пронского, взявшая городок Озерище. В феврале 1565 г. воевода Великих Лук князь И.А. Шуйский лично возглавил соединение из трех полков, направленное против литовского удара на Красный городок. В марте 1565 г. на место князя И.А. Шуйского был назначен князь А.И. Ярославов-Оболенский, который, однако, пробыл на воеводстве недолго — не позднее сентября единственным воеводой в Великих Луках будет указан боярин князь П.С. Серебряный-Оболенский. А в 1566–1567 гг. на воеводстве в Великих Луках будет князь П.И. Татев²³.

Осенью 1567 г. в Великих Луках вновь было развернуто войско прикрытия во главе с князем И.А. Шуйским, после получения известий о погоне литовского войска за русским послом Ф.И. Умным-Колычевым²⁴. В это время на воеводстве в городе уже находился боярин князь И.И. Пронский. Зимой 1567–1568 гг. «по литовским вестям на Великие Луки» было направлено небольшое опричное войско во главе с князем Д.И. Хворостининым.

В августе 1569 г. на воеводстве в Великих Луках служили И.И. Очин-Плещеев и М.Б. Блудов, а в 1570–1571 гг. М.Б. Чоглоков. Смена воевод, возможно, была связана с тем, что 24 июня 1570 г. было заключено перемирие с Речью Посполитой. Эти назначения, в то же время, отражают смену статуса посылаемых в город воевод.

В 1573–1574 гг. в Великих Луках находился стрелецкий голова рязанец Г.В. Коробьин. Отсутствие упоминаний о воеводах в этот год позволяет предположить, что именно он выполнял функции городского воеводы. В 1574 г. в город был послан Ф.М. Ласкирев, который оставался на воеводстве до 1577–1578 гг. В конце своего воеводства ему было расписано подкрепление под командованием

²² Там же. С. 139, 145, 152, 157, 164.

²³ Там же. С. 170, 171, 176, 192, 215.

²⁴ Там же. С. 226; Пенской В.В. Указ. соч. С. 278.

А.В. Плещеева, который был послан «на Луки да на Невель»²⁵. Все эти годы на «западном фронте» наблюдалось относительное затишье. Обе указанные персоны довольно невысоко стояли в местнической иерархии.

С февраля 1578 г. в Великих Луках на воеводстве находился И.С. Злобин, пробывший в городе не меньше года²⁶. Неудачи 1578 г. и начало походов Стефана Батория привели к тому, что роль города вновь возросла, что сказалось на статусе воевод. Зимой 1579/1780 гг. на воеводстве здесь недолго находился князь В.Д. Хилков, который должен был возглавлять полки, шедшие «в сход» на случай прихода войска Стефана Батория. В этот момент город вновь становится одним из центров сбора войск, которые должны были реагировать на наступление поляков. В этот период в крепости находился и князь М.Ф. Кашин, который упоминается среди воевод, направленных «в сход» к боярину князю И.П. Шуйскому²⁷.

В 1580 г. на «годовании» в Великих Луках было расписано большое число воевод: князь Ф.И. Лыков-Оболенский, князь М.Ф. Кашин, Ю.И. Оксаков, В.И. Бобрищев-Пушкин и В.П. Измайлов. Им в прибавку был послан И.В. Большой Воейков с головами и отряд стрельцов. Этот разряд вызвал ряд местнических челобитных со стороны князя Кашина и Василия Пушкина. Именно названный командный состав оборонял город против Стефана Батория и потерпел поражение²⁸.

Разрядные книги фиксируют 12 городских воеводских назначений в период Ливонской войны. В подсчет не включены: во-первых, назначения А.Б. Ступишина и А.Г. Коробина, чье городское воеводство вызывает сомнения, во-вторых, назначения воевод в полевые соединения, которые собирались в городе. Можно предполагать, что в ряде случаев подобного рода полковые воеводы на короткий срок брали на себя обязанности городских воевод, но подобные назначения нельзя отнести непосредственно к городским.

В первые годы войны Великие Луки находились вдали от театра боевых действий, поэтому воеводы в город не расписывались. Ситуация меняется в 1561–1562 гг., когда, начиная с боярина П.В. Морозова, туда начинают назначаться лица, стоящие весьма высоко в местнической иерархии. В период 1562–1567 гг. город имел особую стратегическую важность, поэтому на воеводство туда назначаются преимущественно члены Боярской думы: П.В. Морозов, И.М. Воронцов, князья А.И. Ногтев-Суздальский и П.С. Серебряный. Все эти

²⁵ Там же. С. 237, 242, 251, 273, 369, 397, 432, 433.

²⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. М., 1984. С. 39, 66.

²⁷ Там же. С. 127, 132.

²⁸ Там же. С. 142, 160, 167.

люди входили в достаточно узкий круг лиц, которых можно отнести к воеводской «элите», составлявшей «костяк» воеводского корпуса²⁹. Из тенденции выбиваются три назначения: князей И.А. Шуйского, А.И. Ярославова-Оболенского и П.И. Татёва, не имевших в момент назначения боярского чина. Но надо учесть, что князь И.А. Шуйский обладал выдающейся знатностью, а боярский чин он получит к концу десятилетия³⁰. Что касается А.И. Ярославова-Оболенского, то он пробыл на воеводстве совсем недолго, вероятно, не больше трех месяцев. Назначение же князя П.И. Татёва следует считать рубежом, после которого статус назначаемых в город воевод начнет снижаться. Позднее Петр Иванович дослужится до боярства, но в момент назначения он не имел серьезного воеводского опыта и уступал вышеназванным персонам в знатности.

С назначением И.И. Очин-Плещеева тенденция к падению места города в воеводской иерархии продолжилась: представитель старомосковского боярского рода, он обладал солидным боевым опытом, был востребованным опричным воеводой, но уступал в знатности воеводам, назначавшимся ранее³¹. Следующие десять лет на воеводство в город будут назначаться лица, чье место в местнической и воеводской иерархиях будет значительно ниже: М.Б. Чеглоков, Ф.М. Ласкирев и И.С. Злобин не относились к числу востребованных воевод и не принадлежали к верхам русской аристократии³². Для них подобное назначение было местническим козырем и могло свидетельствовать скорее о прогрессе в воеводских карьерах.

Ситуация меняется с активизацией военных действий на русско-литовском пограничье. Князь В.Д. Хилков превосходил воевод предыдущего десятилетия в знатности и в опытности: его отец имел боярский чин, до которого в конце жизни дослужится и сам Василий Дмитриевич³³. То же можно сказать и о князе Ф.И. Лыкове-Оболенском.

После возвращения Великих Лук России по итогам Ям-Запольского мира в 1582 г. воеводами сюда были отправлены М.И. Головин и А.Ф. Загряжский³⁴. В 1583 г. в город был расписан князь Б.В. Гагарин, задержавшийся на три года. В 1585 г. гарнизон города

²⁹ Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. С. 64–66.

³⁰ Абрамович Г.В. Князья Шуйские и русский трон. Ленинград, 1991. С. 109.

³¹ Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. С. 167.

³² Зимин А.А. Указ. соч. С. 241, 275.

³³ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 18, 64, 72.

³⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. С. 126, 134, 138, 142, 220.

усилили, а в помощь князю прислали князя Ф.И. Кривоборского, М. Бурцева и «для городского дела» служившего здесь ранее е А.Ф. Загряжского³⁵. Усиление было связано с обострением русско-польских отношений и возможной войной. Отметим, что князья Гагарины относились к «периферийной» части русской аристократии, а князь Богдан Васильевич не был заметным полководцем³⁶.

В июле 1586 г. воевод переменяли, в город назначили окольного И.И. Сабурова с головой Б.П. Благим³⁷. Ивана Ивановича нельзя отнести к числу наиболее востребованных воевод, но назначение окольного свидетельствует о возрастании важности города в период продолжающегося обострения русско-польских отношений.

Следующие 11 лет разряды не фиксируют назначения в Великие Луки. С июля 1597 по март 1598 г. на воеводстве находился И.М. Карамышев. После его отъезда в городе остался голова Б.С. Лихарев, который пробудет там минимум три года³⁸. В 1602 г. на воеводстве находились князья И.Ф. Оболенский-Телица и А.К. Шаховской³⁹.

В период после окончания Ливонской войны разряды фиксируют семь городских назначений. Среди городских воевод наиболее знатными следует признать М.П. Головина и И.И. Сабурова, отправка которых в Великие Луки была связана со стратегической обстановкой, но они не относились к числу наиболее востребованных воевод. Что касается остальных воевод, то для них назначение в Великие Луки было показателем роста авторитета в воеводской среде. Исключения составляет князь И.Ф. Оболенский-Телица, чье положение в воеводской иерархии остается неясным.

Таким образом, мы проследили корреляцию между значением крепости в текущей стратегической обстановке и знатностью назначаемых туда воевод. Как мы убедились, эта корреляция касалась не только наиболее крупных и важных городов-крепостей. На протяжении первых двух третей XVI в. в период войн с Литвой на воеводство в Великие Луки регулярно расписывались лица из числа наиболее знатных и востребованных полководцев государства. Падение статуса воевод в городе в 1570-е гг. связано, вероятно, с тремя факторами. Во-первых, взятие Полоцка и укрепление пограничных крепостей снизили его значимость как пограничной крепости. Во-вторых, перенос активных боевых действий севернее, в Ливонию

³⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2. М., 1987. С. 13, 31, 61.

³⁶ Володихин Д.М. Русский Воеводский корпус от опричнины до семибоярщины. Очерки истории. М., 2015. С. 52.

³⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2. С. 13, 31, 61, 89.

³⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 12, 94.

³⁹ Там же. С. 134; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I. М., 1975. С. 197.

также понижал значение крепости, расположенной значительно южнее. В-третьих, военная машина русского государства в середине 1570-х гг. уже испытывала значительные трудности с формированием нескольких крупных полевых соединений одновременно и с поддержанием крупных гарнизонов, способных на самостоятельные действия в поле. А существовавшая корреляция между количеством подчиненных сил и статусом командующего не позволяла назначать в слабо укомплектованные Великие Луки первостатейную знать, обладавшую воеводским талантом. Ситуация временно изменилась в 1579–1580 гг. в связи с походами Стефана Батория, когда Великие Луки стали важным оборонительным центром: статус отправляемых в город воевод вырос, как и их количество. Однако после возвращения города Русскому государству тенденция продолжилась, и лица, чей статус мог быть сопоставим со статусом ранее назначаемых воевод-аристократов, вплоть до начала Смутного времени назначения в город не получали.

Изменения «неформального статуса» и места того или иного города необходимо учитывать при реконструкции служилых биографий представителей русской аристократии XVI в., для анализа того, насколько подобное назначение могло укладываться в логику изменений их служебного статуса. Назначение в город с временно повышенным статусом воеводских назначений могло свидетельствовать о карьерном росте, а обратная ситуация — говорить о падении влияния воеводы в воинской среде. Проанализировать изменения этого «неформального статуса» позволяют данные Разрядных книг, которые дают возможность сопоставить частоту назначений и статус других воевод, получавших подобные назначения.

References

- Abramovich G.V. *Knyaz'ya Shuyskiye i russkiy tron* [Princes Shuisky and the Russian Throne]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1991. 189 p.
- Eskin Yu.M. *Ocherki istorii mestnichestva* [Essays on the History of Mestnichestvo]. Moscow: Kvadriga, 2009. 512 p.
- Krom M.M. *Starodubskaya voyna. 1534–1537. Iz istorii rusko-litovskikh otnosheniy* [The War of Starodub. 1534–1537. From the History of Russian-Lithuanian Relations]. Moscow: Rubezhi XXI, 2008. 140 p.
- Pavlov A.P. *Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove* [The Tsar's Court and the Political Struggle under Boris Godunov]. Saint Petersburg: Nauka, 1992. 278 p.
- Penskoy V.V. *Polotskaya voyna. Ocherki istorii rusko-litovskogo protivostoyaniya vremen Ivana Groznogo. 1562–1570* [The Polotsk War. Essays on the History of the Russian-Lithuanian Confrontation during the Time of Ivan the Terrible. 1562–1570]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2019. 460 p.

Penskoy V.V. *Voyennoye delo Moskovskogo gosudarstva* [Military Affairs of the Moscow State]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2018. 351 p.

Volodikhin D.M. *Russkiy voyevodskiy korpus ot oprichniny do semiboyarshchiny. Ocherki istorii* [Russian Voivodeship Corps from Oprichnina to the Seven-Boyars. Essays on History]. Moscow: RISI, 2015. 148 p.

Volodikhin D.M. *Sotsial'nyy sostav russkogo voyevodskogo korpusa pri Ivane IV* [The Social Composition of the Russian Voivodeship Corps under Ivan IV]. Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2011. 296 p.

Volodikhin D.M. *Vedushchiye russkiye polkovodtsy vremen Vasiliya III* [Leading Russian Generals of the Times of Vasily III] // *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus, Russia: the Middle Ages and Modern Period]. Is. 6: *Shestyye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova* [The Sixth Readings in Memory of Academician L.V. Milov]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019. P. 100–104.

Zimin A.A. *Formirovaniye boyarskoy aristokratii v Rossii* [The Formation of the Boyar Aristocracy in Russia]. Moscow: Nauka, 1988. 350 p.

Поступила в редакцию
15 ноября 2019 г.

Н.В. Козлова

**«МИЛОСТЫНЮ ДАВАТЬ... В ГОСПИТАЛИ И В ДРУГИЯ
ТАКОВЫЯ ПОДОБНЫЯ МЕСТА»: ДРЕВНЕРУССКОЕ
НИЩЕЛЮБИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НОВОГО
ВРЕМЕНИ В ЗАВЕЩАНИЯХ КНЯЗЯ Б.И. КУРАКИНА (1727 г.)
И ГРАФА Г.И. ГОЛОВКИНА (1729 г.)**

N.V. Kozlova

**“TO GIVE ALMS... TO HOSPITALS AND OTHER
SUCHLIKE PLACES”: OLD RUSSIAN LOVE FOR THE POOR
AND THE CHARITY OF THE MODERN PERIOD IN THE
TESTAMENTS OF PRINCE B.I. KURAKIN (1727)
AND COUNT G.I. GOLOVKIN (1729)**

Аннотация. В первой четверти XVIII в. по инициативе Петра I создается система военно-госпитальных учреждений и поощряется их организация частными лицами. Этот призыв нашел отклик среди чиновной знати и воплотился в завещаниях известного петровского дипломата князя Б.И. Куракина (1727 г.) и первого российского государственного канцлера графа Г.И. Головкина (1729 г.). В подробном регламенте, приложенном к завещанию, Б.И. Куракин прописал не только штат служителей госпиталя, который наряду с церковью следовало построить в Москве, состав выдаваемой инвалидам и персоналу пищи и одежды, но и уклад их жизни. Определялась также сумма, необходимая для строительства и содержания московской больницы-богадельни, и источник ее обретения, в том числе за счет процентов с капитала, размещенного в заграничных банках. Г.И. Головкин в своем завещании также описывает главным образом то, как следует содержать больничную церковь и госпиталь в серпуховском Высоцком монастыре, где покоем прах его родителей и где он наказал похоронить себя. Впервые осуществленное сравнение текстов двух завещаний в части, касающейся благотворительной деятельности, высветило как общие черты древнерусского благочестия, присущего этим представителям политической элиты петровского времени, так и различия в проявлении усвоенного ими

* Козлова Наталья Вадимовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kozlova Natalia Vadimovna, Doctor in History, Professor, Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7- 495-939-54-40; kozlova.n.v.i@gmail.com

европеизма. Сознание и государственного канцлера Головкина, не покидавшего Россию, и князя Куракина, в соответствии с характером службы значительно более европеизированного, по-прежнему определялось религиозным мировоззрением. Проявлением его была забота о поминальных службах и храмостроительство. У Куракина они дополнялись перепоручением взятого на себя перед иконой Николая Чудотворца обета, угрозами Страшного суда и проклятиями в адрес наследника в случае невыполнения его воли. В обоих завещаниях церковная благотворительность и древнехристианское нищелюбие, характерные для древнерусского благочестия, сочетались с формами и целями благотворительности Нового времени. Ее воплощением стали обозначенные примером верховной власти рационально обустроенные больницы-богадельни.

Ключевые слова: политическая элита, госпитали, богадельни, духовные завещания, поминовение души, церковная благотворительность.

Abstract. In the first quarter of the 18th century, on the initiative of Peter I, a system of military hospital institutions was created and their organization by private individuals was encouraged. This appeal received endorsement from the bureaucratic nobility and was embodied in the testaments of the famous Petrine diplomat, Prince B.I. Kurakin (1727), and the first Russian State Chancellor, Count G.I. Golovkin (1729). In the detailed regulations attached to his last will, B.I. Kurakin not only delineated the structure of the staff of the hospital, which, along with the church, was to be built in Moscow, the composition of meals and clothing given to the patients and staff, but also outlined their way of life. Besides, the will designated the amount of money required for the construction and maintenance of the Moscow almshouse-hospital, and the source of its acquisition, including interest on capital placed in foreign banks. G.I. Golovkin's testament also mainly describes how to maintain the hospital church and the hospital in Vysotsky monastery in Serpukhov, where his parents' remains rested and where he bequeathed to bury himself. The unprecedented comparison of the texts of the two wills with regard to charitable activities has highlighted both the common features of Old Russian piety inherent in these representatives of the political elite of Peter's time, and the differences in the manifestation of the Europeanism they had adopted. The mentalities of both State Chancellor Golovkin, who never left Russia, and Prince Kurakin, much more Europeanized in accordance with the nature of his service, were still determined by their religious worldview. The latter manifested itself in the concern for memorial services and church building. In addition, Kurakin's will transferred the vow taken upon himself in front of the icon of Nicholas the Wonderworker to his heir, under the threat of curses and punishment on the day of the Last Judgment if the deceased's will had not been fulfilled. In both testaments, church benevolence and ancient Christian love for the poor, characteristic of Old Russian piety, were combined with the forms and goals of the charity of the modern period. Its embodiment were the prudently equipped hospitals-almshouses, initiated by the example of the supreme power.

Keywords: political elite, hospitals, almshouses, last wills, commemoration of the departed, church charity.

В Петровское время свойственный власти патрональный тип отношений с обществом отводил монарху роль Отца Отечества, обладающего неограниченными властными полномочиями над своим государством и подобно отцу семейства наставляющего своих подданных. При этом обозначенная верховной властью инициатива и предложенная ею же модель ее реализации в той или иной сфере общественной жизни становилась для подданных и, в первую очередь для политической элиты, своеобразным руководством к действию. Одним из подтверждений этому может служить организация богаделен-лечебниц представителями чиновных верхов России петровского и послепетровского времени. Практика создания таких «шпитален», зафиксированная в ряде духовных завещаний, ориентировалась на опыт организации на государственном уровне военно-госпитальных лечебных учреждений. Наряду с богадельнями они являли собой альтернативную форму древнехристианского нищелюбия, в допетровскую эпоху реализуемого в виде ручной милостыни, отныне запрещенной.

Отдельные примеры организации помощи раненым и больным воинам известны с начала XVII в. Первый приемный покой для раненых, по сведениям историка медицины Н.Я. Новомбергского, был устроен еще в 1612 г. монахами Троице-Сергиева монастыря¹. При царе Алексее Михайловиче в 1657 г. возникло что-то вроде временного военного госпиталя, развернутого вблизи мест боевых сражений. Началом же истории военно-госпитальных организаций Н.Я. Новомбергский считает 1678 г., когда на разных подворьях Москвы по почину правительства были размещены сотни солдат и стрельцов, тяжело раненных под Чигирином в период русско-турецкой войны. Для их осмотра и лечения привлекались не только полковые врачи, но доктора и лекари Аптекарского приказа, вольнопрактикующие и даже лекари из пленных².

В Петровское время идеи организации военно-госпитальных учреждений, которые в предшествующий период лишь были намечены, получили дальнейшее развитие и обрели новые формы. Они реализовались в системе постоянных («непременных») госпиталей. В 1707 г. для лечения больных и раненых военнослужащих, а также приказных служителей по указу Петра I в Москве на левом берегу р. Яузы под Немецкой слободой был открыт первый в России стационарный госпиталь, рассчитанный на 200 пациентов. При нем

¹ Новомбергский Н.Я. Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907. С. 287.

² Там же. С. 287–289.

имелась Медицинская школа, анатомический театр, аптека, сад и аптекарский огород³. Благодаря усилиям его директора лейб-медика Н.Л. Бидлоо госпиталь в Москве превратился в первоклассное лечебное и учебное заведение. В последующие годы по его образцу были созданы военно-морской (1715) и военно-сухопутной (1717) госпитали в Санкт-Петербурге, госпитали в Кронштадте (1720), Ревеле (1720), Казани (1722), Таврове (1724), Астрахани (1725), позднее в Архангельске (1733). Одновременно были организованы сотни полковых и гарнизонных госпиталей.

Средства на их содержание выделяла казна, привлекая различные источники финансирования. Использовались, например, сборы за написание венечных памятей о заключаемом браке, а также пошлыны, собираемые с лиц, определяемых секретарями и дьяками в государственные учреждения⁴. Но и общество призывалось к организации учреждений призрения, а также поощрялась передача частными лицами денег в «гошпитали и другия таковыя подобныя места»⁵. Инициатива верховной власти по учреждению госпиталей стала своеобразным примером, у которого нашлись последователи.

Об этом свидетельствуют духовные завещания двух представителей петровской политической элиты. Одно из них принадлежит видному дипломату князю Борису Ивановичу Куракину и было написано в Париже за два месяца до смерти в 1727 г., другое — первому российскому государственному канцлеру графу Гаврииле Ивановичу Головкину, составлено за пять лет до кончины в 1729 г. Оба завещания, различающиеся в деталях, схожи по смыслу и содержанию: они включают подробные указания наследникам относительно строительства церкви и при ней «шпиталя».

Обещание построить в Москве церковь во имя Николая Чудотворца и при ней госпиталь («шпиталь») князь Б.И. Куракин когда-то («пред многими годами») дал перед иконой этого особо почитаемого святого, стоявшей в часовне на Покровской улице при богадельне близ Ильинских ворот. За разными службами и долгим пребыванием на дипломатическом посту за границей Куракин не успел при жизни исполнить свой обет. О том, что это его угнетало и тревожило, свидетельствует настоятельное обращение к наследникам исполнить его обещание в точности под угрозой проклятия и

³ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 258–273.

⁴ ПСЗ-1. Т. V. № 2821; Горчаков М. Монастырский приказ (1649–1725 г.). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. С. 240.

⁵ ПСЗ-1. Т. VI. № 3676.

ответа «пред престолом Божиим»⁶. Основная часть завещания графа Головкина также представляет собой записку о том, как следует в Серпуховском Высоцком монастыре, где покоем прах его родителей и где он наказал похоронить себя, содержать «больнишную церковь и шпиталь».

Завещание князя Куракина, опубликованное еще П. Бартевым в 1893 г., известно давно, а завещательное письмо графа Головкина, а точнее его крепостная запись, опубликована недавно, и прежде в сочетании с духовной Куракина не рассматривалась. Не акцентировалось внимание и на подробности регламента, приложенного к завещанию Куракина, в котором князь детально прописал обеспечение постояльцев и персонала госпиталей. При сравнении двух текстов не только обрисовываются условия содержания инвалидов и бытовые подробности жизни в благотворительных учреждениях нового типа, но и возникает возможность высветить некоторые особенности характера и уклада жизни каждого из двух представителей петровской чиновной знати. Удастся также лучше понять переплетение в личностях эпохи черт традиционной русской культуры, базировавшейся на религиозном сознании, и культуры нового времени, формировавшейся под влиянием западноевропейских идей⁷.

В обоих завещаниях решается вопрос о судьбе служителей (у Куракина) и дворовых людей (у Головкина). По распоряжению князя все находившиеся в услужении люди по выдаче им «не в зачёт» годового жалованья отпускались. В свою очередь Г.И. Головкин лишь предоставлял возможность «людям», находившимся в его московских⁸ и

⁶ Духовная князя Бориса Ивановича Куракина // Русский архив. 1893. Кн. 1. С. 149–158. См. также: Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX в.). СПб., 2007. С. 152–153.

⁷ Обстоятельства возникновения крепостной записи завещания Г.И. Головкина, как уже рассмотренные при публикации текста, в данной статье не затрагиваются. См.: Козлова Н.В. «Завещаю детям моим... в Высоцком монастыре больницу с церковию по вышеписанному неотменно содержать». Крепостная запись завещательного письма графа Г.И. Головкина. 1734 г. // Исторический архив. 2020. № 1. С. 181–192.

⁸ Головкиным в Москве принадлежало несколько дворов. В Пречистенской части в районе церкви Воскресения Христова Старого находился двор, которым до 1714 г. владели граф Г.И. Головкин и его сын Михаил Гаврилович. Соседний двор принадлежал графу Александру Гавриловичу Головкину. Еще один двор у Гавриила Ивановича находился в приходе церкви свщм. Власия Чудотворца в Конюшках, недалеко от Арбата в Староконюшенном переулке. Г.И. Головкин как владелец этого двора назван не только в Переписи московских дворов 1716 г., но и в Переписной книге Москвы 1738–1742 гг., т.е. уже после смерти канцлера. См.: Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896. С. 33, 43; Переписная книга города Москвы 1738–1742 годов. Т. I. М., 1881. С. 33, 615.

санкт-петербургских домах⁹, возможность жить по их выбору за одним из сыновей, «а неволею их не брать». Эти указания в некоторой степени отражают разный уклад домашней жизни двух вельмож. В Москве, по словам князя Куракина, «ныне наших домов нет», а петербургский дом и заграничная жизнь петровского дипломата устраивалась служителями, находившимися на жалованье. Дворы же графа Головкина в двух столицах по обычаю наполнялись крепостной дворней, которую в отличие от кабальных холопов, обычно отпускаемых после смерти хозяина на волю, передавали наследникам.

Оба завещателя, как и полагалось в духовных, обеспокоились устройством своих душ и душ своих предков. Основным же средством успокоения души после смерти признавалась молитва о прощении грехов и душевном спасении умершего, молитва живых за мертвых. Гавриил Иванович предписал проводить в Высоцком монастыре «над гробами родителей» ежегодные поминальные службы. Их обеспечению служили ежегодно выделяемые денежные суммы и поставляемые продукты (церковное вино, пшеничная мука на просфоры и воск на свечи). Не забыты были и архимандрит с братиею, которым в качестве «корма» в сентябре и в январе посылались по три рубля и на стол вино, пиво, свежая и соленая рыба, пшеничная и ржаная мука, коровье масло¹⁰.

В духовной Б.И. Куракина эти сюжеты были прописаны более подробно и обстоятельно. Завещая похоронить себя в Чудовом монастыре «при ногах отца моего (князя Ивана Григорьевича. — Н.К.) и матери моей» (княгини Феодосии Алексеевны, урожденной Одоевской. — Н.К.), где также были могилы бабки княгини Ульяны Ивановны; первой жены Куракина княгини Ксении Федоровны Лопухиной (родной сестры царицы Евдокии Федоровны) и младшего брата Ивана Ивановича, князь Куракин предназначил в монастырь вклад в 1 тыс. руб. на ежегодное «поминовение соборное дважды по каждом»: в день их тезоименитства и в день погребения «звать архимандрита, чтобы собором служил обедню и панахиду, и тот день на стол давать по пяти рублей, ... да по вся субботы посылаются кутыи

⁹ В Санкт-Петербурге Г.И. Головкин владел несколькими дворами. Канцлер упомянут уже в подворной описи Городского (Петербургского) острова 1713 г. в перечне 20 «важнейших распорядителей и царедворцев», владения которых располагались по берегу Большой Невы и Малой Невки. Двухэтажный каменный дом «великого канцлера» на набережной Большой Невы соседствовал с домами И.И. Ржевского, «князь папы» Н.М. Зотова, тайного советника П.П. Шафирова и сибирского губернатора князя М.П. Гагарина. На Васильевском острове в 1720-х гг. каменный трехэтажный на подвалах дом Г.И. Головкина находился на месте, где ныне стоит здание Академии художеств (дом № 17). В 1756 г. он был передан под театр Ф. Волкову. См.: *Николаева М.В.* Санкт-Петербург Петра I: история дворовладений — застройка и застройщики. М., 2014. С. 226, 633–636, 640.

¹⁰ *Козлова Н.В.* «Завещаю детям моим...». С. 188.

в Чудов монастырь и по гривне на панахиду». Таким же образом следовало устраивать поминальные службы и по самому Борису Ивановичу, выдавая в Чудов монастырь в день его тезоименитства на стол по 10 руб., а в день погребения по 5 руб. «И сие имеет продолжаться неотменно во вся дни живота сына моего и его наследников и сукцессоров¹¹ дома нашего под заветом так твердым, чтобы не лишены быть моего благословения». Поминальные службы назначались также в Богоявленский, Ново-Спасский и Троице-Сергиев монастыри над прахом погребенных там родственников¹².

В этом контексте учреждение больниц и при них церковей являлось для Б.И. Куракина и Г.И. Головкина не только следованием примеру государя, при котором прошла почти вся их служба, но и проявлением традиционного древнерусского благочестия. Монастырская больница в Высоцком монастыре предназначалась графом Головкиным для 12 «братьев», обслуживание которых возлагалось на старосту, надсмотрщика, «у запасов» хлебника, и двух поваров; штат больничной церкви включал священника и дьячка. У князя Куракина, согласно завещанию, причт церкви, построенной «с всякою доброю архитектурою и магнифиценциею¹³», составляли два священника, дьякон и пономарь, все (кроме пономаря) имели собственные покои и кабинеты. Индивидуальные «каморы» «с кроватью, столами, стулами и со всякою проприетою¹⁴» были и у 12 «шпиталистов». Особое внимание князь обращал на устройство «постели», они должны были быть так устроены, «как бы мне самому иметь». Из хозяйственных построек упоминаются теплый погреб и ледник.

Управление «шпиталя» вручалось комиссару, он же ведал закупками к столу провианта, а для приготовления еды в поварне состояли два повара и поваренок. Черную работу по дому и в саду, а также уход за убогими осуществляли 4 работника. Комиссару выделялись отдельные покои с кабинетом, а поварам, поваренку и работникам давали 3 покоя. «Каморы» должны были располагаться «в месте самом хорошем», быть с окнами, выходящими на улицу или в сад, и обставлены мебелью на европейский манер (стульями, столами, шкафами), «так, чтобы ноблеман были», т.е. по-дворянски. Такое обустройство личных покоев постояльцев было ориентировано на внешнюю репрезентацию социального попечения об отставных офицерах и предусматривало возможность принимать в них приезжающих «чужестранных». Текст завещания Б.И. Куракина, насыщенный словами италияязычной транслитерации, как и детально

¹¹ Сукцессор (successore, *итал.*) — преемник.

¹² Духовная князя Бориса Ивановича Куракина. С. 150–151.

¹³ Магнифиценция (magnificentia, *лат.*) — великолепие, роскошь.

¹⁴ Проприета (propriety, *итал.*) — свойство.

обозначенные элементы быта и уклада жизни постояльцев госпиталя, свидетельствуют о том, что западноевропейская культура для петровского дипломата стала органичной частью его менталитета. Относительно внутреннего распорядка жизни «шпиталистов», людей старых или раненых, среди которых не должно быть молодых гуляк, «чтоб чинили дебошъ», Куракин предписал лишь обязательность ежедневного посещения церковных служб и определение во внутреннем «регуле» времени возвращения в «шпиталь» с прогулок.

Г.И. Головкин в своем завещании, не заостряя внимание на этих вопросах, подробно в деталях расписал продуктивное и денежное обеспечение больничных постояльцев, церковнослужителей и обслуживающего персонала. В росписи содержится перечень разнообразных продуктов: масла коровьего и конопляного, семени конопляного, муки или солода на квас, гороха, с точным указанием количества (в мерах сыпучих тел или веса) и цены каждого продукта с итоговыми подсчетами на 14 человек. К масленице выдавались по 100 яиц на каждого, в год по два осетра и по ведру вина на человека, с учетом воскресных дней и церковных праздников, а в январе каждому по рублю. В Рождественский и Великий посты к столу полагались соленья (капуста, огурцы, грибы, редька), летом же свежие огурцы и капуста. Для хранения хлебных запасов, рыбы, масла и прочих продуктов предусматривались кладовая и погреб. За сохранностью продуктов и выдачей их к трапезе наблюдал староста.

Так же подробно Головкин перечисляет одежду и обувь, полотенца и платки, выдаваемые постояльцам, посуду деревянную, медную и железную (для приготовления пищи) с точным расчетом стоимости в год на одного человека и итоговой суммы. Столь же детально он расписал, сколько привозить дров в две палаты и на поварню, сколько лучин, сальных свечей на зиму, сколько ежегодно в церковь поставлять воска на свечи, ладана, вина церковного и по какой цене, с непрерывным итоговым подсчетом.

В отличие от своего современника графа Головкина князь Куракин в общих чертах обозначил характер скоромной (мясо и птица), и постной (рыба свежая и соленая) пищи «шпиталистов» и служителей, а также питья — пиво, по праздникам и воскресным дням «вареные меды» и ежедневно перед обедом и ужином крепкое («двойное») вино «по нашему обычаю, по препорции», а для служителей-монахов — квас и «простое вино». Всей посуде и ложкам полагалось быть оловянными, предусматривались вилки и ножи. А в поставке в госпитальной трапезной должны были размещаться кумганы¹⁵, кружки оловянные и другая стеклянная посуда «доволь-

¹⁵ Кумган — металлический кувшин с носиком, ручкой и крышкой, для пива или кваса.

ное число»¹⁶. Одежду (кафтан летний и зимний, рубахи, платки, две пары башмаков, летом шляпа, а зимой шапка) следовало носить «до износу», лишь потом выдавалась новая. Подумал князь и о создании для церковников и постояльцев индивидуальных удобств. В каждом покое следовало иметь кумган с оловянной лоханью для умывания и по полотенцу («по долгой салфетке») для «утирания лица и рук», по два подсвечника медных, а также чернильницу. В штате госпиталя предусматривался также цирюльник, который бы «надзирал больных ... и лечил».

Годовой размер жалованья, и то приблизительный, Б.И. Куракин определил только для священников — по 15–20 руб., «а ежели дешевле можно сыскать, то и лучше». Остальным же, дьякону и прочим, «по препорции», а комиссару определить, чтоб было «пристойно».

Другого принципа, как и во всем, придерживался Г.И. Головкин. Он точно указал размер денежного вознаграждения священнику (10 руб.), дьячку (5 руб.), поварам (3–5 руб.), старосте (3 руб.), надсмотрщику (5 руб.). Мирским служителям, помимо денег, полагалось также платье и натуральные продукты (мука, крупа, соль, ветчина), всего на сумму в 32 руб. 14 алтын 4 деньги.

Завершала все перечисления и подсчеты следующая запись: «Всего священнику, и дьячку, и двенатцети братом, и четырем чело- веком сослужителем в год имется деньгами за все двести тринадцать рублей три алтына четыре деньги». Такая детальность и скрупулез- ность при определении не только статей расходов на содержание монастырской больницы с церковью, состава выдаваемой постояль- цам и персоналу пищи и одежды, но и точной, до деньги, стоимости каждого продукта и предмета с выведением общей суммы затрат, как нельзя лучше высвечивает образ первого российского канцлера. Современники и потомки по-разному характеризовали и оценивали его государственную деятельность и личные качества. Но абсолютно все, одни со снисхождением к слабостям великого человека, а другие и с едкой иронией, отмечали присущую графу скупость, делавшую его, по словам камер-юнкера Ф.В. Берхгольца, похожим на Мольерова Гарпагона¹⁷. Скарედность канцлера тем более бросалась в глаза, что контрастировала с его огромным богатством, включавшим десятки тысяч крепостных крестьян, обширные земельные владения, Ка- менный остров в Петербурге, дома в двух столицах и подмосковный дворец в селе Коньково.

¹⁶ Духовная князя Бориса Ивановича Куракина. С. 157.

¹⁷ Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-й год. Часть первая. 1721-й год. Изд. 2-е. М., 1858. С. 86; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого. С портретами их. Часть первая. М., 1812. С. 180–181.

Однако на свою семью и родных граф Головкин-старший средств не жалел. При выдаче дочерей замуж он выделил им богатое приданое, исчисляемое десятками тысяч рублей, и вдобавок щедро наградил каждую в своем завещании, не обделив и 5-летнего внука Петра и незамужних внучек¹⁸. Имущественное состояние канцлера включало не только недвижимую собственность, но и крупные наличные денежные суммы.

Любопытно, что деньги эти у графа хранились в «подголовнике», а также в большом сундуке, в отличие от князя Бориса Ивановича Куракина, который держал наличные средства в зарубежных банках. На устроение в Москве «шпиталя» и при нем церкви князь определил 20 тыс. руб., «а ежели того мало» — 30 тыс. руб. В отличие от графа Головкина, скрупулезно прописавшего цены и стоимость всех продуктов и статей расхода на больницу, Куракин, не вдаваясь в такие мелочи, на содержание госпиталя приказал сыну ежегодно выделять «из дому» князя 1600 руб. (в 7,5 раз больше, чем у Головкина), «также и припасов, по препорции, всяких». Этой суммой полагалось обеспечивать 12 дворян «или из других пород», «токмо бы из офицерства». За отсутствием таковых можно было принимать и солдат, но непременно «из шляхетства». Если возможно, то «надлежит прибавить шпиталистов столько, сколько можно теми помянутыми деньгами и припасами содержать будет во всяком довольстве». Точно определялся источник средств, необходимых для содержания московской больницы-богадельни. О нем становится известно из дополнения к духовной, в котором излагались некоторые нюансы использования процентов («интересов») с капитала князя в России и за рубежом.

Так, из имеющегося в Англии капитала в 11 тыс. фунтов стерлингов проценты («интерес») в размере 600 фунтов предназначались «к содержанию убогих»; из них половина суммы в 300 фунтов употреблялась «в чужестранных краях», а другую половину, что составляло около 1200 руб., следовало переводить в Москву в дом князя и употреблять на те же цели. Недостающие 400 руб. до назначенной им общей ежегодной суммы должен давать сын из домовых доходов. Наследник также обязывался выполнять все выплаты в определенном завещателем размере и «пристойное число припасов» в случае пропажи английского капитала или невозможности его перевода в Россию¹⁹. Как видно, постоянная жизнь за границей сделала для князя привычным использование европейских финансовых инструментов.

Анализ завещательного письма Г.И. Головкина наводит на мысль, что точные расчеты суммы, необходимой для содержания

¹⁸ Подробнее см.: Козлова Н.В. «Завещаю детям моим...». С. 188.

¹⁹ Духовная князя Бориса Ивановича Куракина. С. 154.

монастырской больницы и церкви, были им произведены не только в силу присущей ему бережливости, но и для того, чтобы подвигнуть наследников всё исполнить точно и содержать «без всякого умаления или убавки». Особенно убедительной должна была стать последняя фраза в завещании: «...ибо я столько нажил и вам оставляю, что сей вам убыток по моему завещанию невелик»²⁰. С этим утверждением государственного канцлера трудно не согласиться.

Итак, как и во многих других случаях, вектор социального при- зрения и формы его реализации задавались верховной властью. Примеры следования им демонстрируют духовные завещания представителей политической элиты петровского и послепетров- ского общества. В прилагаемой к ним Записке и Регламенте детально прописывались бытовые условия жизни призреваемых, размер их денежного содержания и обеспечения. Такая регламентация, харак- терная для законодательных установлений самодержавной власти, как следует из завещательных писем Б.И. Куракина и Г.И. Головкина, воспроизводилась и на уровне властных отношений внутри отдель- ных социальных общностей. Подробная детализация разных сторон внутренней жизни социальных учреждений, создаваемых по их пове- лению, была привычна для крупных землевладельцев-вотчинников, каковыми они являлись, и опиралась на опыт вотчинных инструкций, составлявшихся для вотчинной администрации и крестьян. В этом отношении к рассмотренным Регламенту и Записке по своему типу примыкает и Завет, или инструкция, написанная в 1713 г. «своею властною рукою» фельдмаршалом графом Борисом Петровичем Шереметевым. При устройении в своей слободе Борисовке женского Богородицкого Тихвинского монастыря он во всех подробностях прописал правила, по которым монахини должны были жить и управ- ляться. Они касались не только порядка хозяйственной экономики, но и норм поведения «сестер»²¹.

В то же время Регламент князя Куракина и Записка графа Голов- кина при схожести общих черт имеют ряд отличий. Они отражают особенности характеров и свойств личности их авторов и рисуют большую или меньшую приверженность традиционному или евро- пейскому укладу русской жизни²².

²⁰ См.: Козлова Н.В. «Завещаю детям моим...». С.

²¹ Шереметев С.Д. Богородицкий Тихвинский монастырь Курской губернии, основанный фельдмаршалом графом Б.П. Шереметевым. 1713–1913. М., 1914. С. 5–13. См. Также: Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 26–27.

²² Больница, учрежденная по завещанию графа Г.И. Головкина, существовала и в начале царствования Екатерины II. Согласно описи Высоцкого монастыря, составленной при учреждении штатов в 1763 г., в ней находились 22 инвалида, отставные офицеры и рядовые. Причт больничной церкви во имя Похвалы

References

Gorchakov M. *Monastyrskiy prikaz (1649–1725 g.). Opyt istoriko-yuridicheskogo issledovaniya* [Monastery Department (1649–1725). A Case of Historical and Legal Research]. Saint Petersburg: Tipografiya A. Transhelya, 1868. 452 p.

Kovrigina V.A. *Nemetskaya sloboda Moskvy i yeye zhiteli v kontse XVII — pervoy chetverti XVIII v.* [German Settlement in Moscow and Its Inhabitants in the Late 17th — First Quarter of the 18th Century]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr, 1998. 440 p.

Kozlova N.V. “Zaveshchayu detem moim... v Vysotskom monastyre bol’nitsu s tserkoviyu po vyshepisannomu neotmenno sodержat”. *Krepostnaya zapis’ zaveshchatel’nogo pis’mа графа G.I. Golovkina. 1734 g.* [“I Bequeath to My Children... in the Vysotsky Monastery, at All Times to Maintain a Hospital with a Church according to the Above”. Title Deed of the Testamentary Letter of Count Gavriil Ivanovich Golovkin. 1734] // *Istoricheskii arkhiv*. 2020. № 1. P. 181–192.

Nikolayeva M.V. *Sankt-Peterburg Petra I: istoriya dvorovladieny — zastroyka i zastroyshchiki* [Saint Petersburg of Peter I. History of Households: Buildings and Developers]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2014. 1000 p.

Novombergskiy N.Ya. *Vrachebnoye stroyeniye v dopetrovskoy Rusi* [Building of Hospitals in Pre-Petrine Russia]. Tomsk: Parovaya tipolitografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela, 1907. 504 p.

Serpukhovskoy Vysotskiy monastyr’ [Serpukhov Vysotky Monastery] // *Drevo. Otkrytaya pravoslavnaya entsiklopediya* [Drevo. Open Orthodox Encyclopedia]. — URL: <https://drevo-info.ru/articles/13631.html>

Sheremetev S.D. *Bogoroditskiy Tikhvinskiy monastyr’ Kurskoy gubernii, osnovanny feldmarshalom grafom B.P. Sheremetevym. 1713–1913* [Virgin Tikhvin Monastery in Kursk Province, Founded by Field Marshal Count B.P. Sheremetev. 1713–1913]. Moscow: Sinodal’naya tipografiya, 1914. 336 p.

Sokolov A.R. *Blagotvoritel’nost’ v Rossii kak mekhanizm vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII — konets XIX v.)* [Charity in Russia as a Mechanism of Interaction between Society and the State (Early 18th — Late 19th Centuries)]. 3rd ed. Saint Petersburg: Liki Rossii, 2007. 656 p.

Поступила в редакцию
10 января 2020 г.

Пресвятой Богородицы состоял из семи чел. Храм Николая Чудотворца в Москве на Новой Басманной и при нем богадельня для 15 престарелых офицеров-инвалидов войн были построены сыном петровского дипломата А.Б. Куракиным в 1742 г. Богадельня (Странноприимный дом) закрыта после революции 1917 г., а храм разрушен в 1930-х гг. См.: Серпуховской Высоцкий монастырь // *Древо. Открытая православная энциклопедия*. — URL: <https://drevo-info.ru/articles/13631.html> (дата обращения: 10.09.2019).

О.В. Ларюшкин^{*}

**СОСТАВ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА МОСКОВСКИХ
КУПЦОВ ИНОЭТНИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
(СЕРЕДИНА XVIII — СЕРЕДИНА XIX вв.)**

O.V. Laryushkin

**GUARANTEE COMPOSITION OF MOSCOW
MERCHANTS OF FOREIGN ETHNIC ORIGIN
IN THE MID-18th — MID-19th CENTURIES**

Аннотация. Предметом данного исследования является состав поручительства, который представляет отдельный аспект деловых взаимоотношений у иностранцев, состоявших в московском гильдейском купечестве с середины XVIII до середины XIX в. Поручители — это несколько лиц из местного купечества, гарантирующие экономическую состоятельность (в том числе своевременную ежегодную уплату процентов с капиталов), а также отсутствие «штрафов и подозрений» у вступающего в купеческую гильдию. Подобная проблема впервые рассматривается в отечественной историографии. Автор вводит в научный оборот целый комплекс архивных материалов, состоящий из дел о причислении в московское купечество лиц иноэтничного происхождения. Для проведения данного исследования потребовалось изучить около восьмисот прошений и рапортов о причислении в московское купечество. Целью исследования является выявление преобладающих тенденций взаимоотношений по национальному признаку у причисленных к купечеству лиц иноэтничного происхождения, которые могли выражаться в выборе поручителем либо лиц из своей этноконфессиональной среды, либо из местных купцов «великорусского» происхождения. Данные тенденции рассматриваются отдельно по каждой представленной в московском купечестве национальной группе и изучаются в сравнении. Например, у французской, армяно-григорианской и мусульманской (представленной татарами, бухарцами и персами) общин была очень высокой степень поручительств, в которых фигурировали их соотечественники, в то время как у немцев и греков данная тенденция была выражена слабее. Соответственно, предпочтение выбора поручительств из местного купечества у последних было заметнее, чем у первых. Изучение поручительств позволило обнаружить наличие земляческих связей у купцов итальянского,

^{*} Ларюшкин Олег Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Laryushkin Oleg Viktorovich, PhD Candidate in History, Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

laryushkin@yandex.ru

швейцарского, британского, цыганского происхождения. На основе этих данных выявлена и проанализирована деловая взаимосвязь между разными национальными и конфессиональными группами, представленными в московском купечестве, которая нередко объяснялась однородным предметом торговли. Автором также представлена типологизация состава поручителей по национальным признакам по четырем группам.

Ключевые слова: московское гильдейское купечество, поручители, иностранцы в Российской империи, национальная группа, деловые взаимосвязи, конфессии.

Abstract. The subject of this study is the guarantee composition, which was a separate aspect of business relations of the foreigners, members of the Moscow guild merchant society in the mid-18th — mid-19th centuries. Guarantors were some of the local merchants, guaranteeing economic solvency (including timely annual payment of interest on capital), as well as the absence of “fines and suspicions” regarding those entering the merchant guild. This problem is being considered for the first time in the national historiography. The author introduces into scholarly discourse an entire complex of archival materials, which consists of the cases of entering the Moscow merchant status by persons of foreign ethnic origin. This study is based on the analysis of ca. 800 petitions and reports on ranking among the Moscow merchants. The objective of the study is to identify the prevailing trends in relations on the basis of nationality between the persons of foreign ethnic origin who had been classified as merchants, and this could be revealed in the choice of the guarantor either among their ethno-religious community or among local merchants of “Great Russian” origin. These trends are considered separately for each national group, represented in the Moscow merchant society, and compared with each other. For example, the French, Armenian-Gregorian and Muslim (Tatars, Bukharians and Persians) communities had very high percentage of guarantees, involving their compatriots, while Germans and Greeks demonstrated a weaker tendency in this regard. Accordingly, the latter preference for choosing guarantors from the local merchants was more noticeable than among the former. The study of guarantees revealed that merchants of Italian, Swiss, British, and Gypsy origin had compatriot ties. On the basis of these data, the author analyzes business relationship between different national and confessional groups represented in the Moscow merchant society. This relationship was often explained by the fact that they traded the homogeneous goods. The author also suggests a four-group typology of guarantee composition according to national characteristics.

Keywords: Moscow guild merchants, guarantors, foreigners in the Russian Empire, national group, business relations, confessions.

* * *

Москва XVIII–XIX вв. являлась важным торгово-промышленным центром Российской империи, несмотря на утрату административного значения в связи с переносом столицы на берега Невы. Москва привлекала торговых иноземцев еще со Средневековья. Например, в XIV в. здесь существовала корпорация сурожан — куп-

цов итальянского и греческого происхождения. Первые британские купцы проникают в Москву при Иване IV. В середине XVII столетия активно развивались взаимоотношения с голландскими и немецкими (в особенности гамбургскими) купцами. В Москве существовал ряд этноконфессиональных центров, таких как: Немецкая слобода, объединявшая всех западноевропейцев как лютеранского, так и католического вероисповедания; Татарская слобода, в которой проживали не только татары (хотя они представляли этническое ядро слободы), но и представители других народов, исповедующих ислам; Грузинская слобода, сформировавшаяся в 20-е гг. XVIII в. к северо-западу от Москвы, в селе Воскресенском¹, основу которой составляла грузинская аристократия, иммигрировавшая вместе с царем Вахтангом VI, но являвшаяся также и центром сосредоточенного проживания армянских купцов.

Для некоторых иностранных купцов пребывание в Москве было лишь кратковременным этапом в их торговых операциях. Другие вели торговую деятельность в Москве долгосрочно, порой на протяжении всей жизни. Однако политика меркантилизма, проводимая в Российской империи еще с середины XVII в., препятствовала розничной торговле иностранцев. Некоторые из них вели ее тайно, из-за чего местные торговцы «терпели убытки». В 1743 г. Сенату удалось добиться компромисса с иностранным купечеством путем записи последних в местное «мещанство» (под этим термином следует понимать всё посадское население, в том числе и торгующее) с разрешением ведения розничной торговли².

Официально термин «купец» в отношении торгового населения применялся с 1785 г. Жалованная грамота Екатерины II городам юридически оформила трехгильдейскую купеческую организацию. Иностранцам разрешалось вступать в купечество российских городов как «вечно», т.е. с принятием российского подданства, так и «временно», т.е. при сохранении иностранного подданства, но при условии уплаты процента с объявленного капитала. Однако с 1807 г. стало возможным лишь вступление в «вечное» купечество. В связи с нарастанием конфликта с наполеоновской Францией и «борьбой против революционной заразы», необходимо было усилить контроль над вступавшими в российское купечество европейцами. В 1806–1808 гг. был издан ряд указов³, согласно которым иностранцы, прибывшие с подвластных французскому правительству территорий (в том

¹ Ватейшвили Д.Л. Грузия и европейские страны. Очерки истории взаимоотношений XIII–XIX вв. М., 2006. С. 67.

² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1 (ПСЗ-1). Т. XI. № 8757. С. 854–857.

³ ПСЗ-1. Т. XXIX. Л. 884. № 22731; № 22418; № 22533.

числе из королевства Итальянского, Генуи, королевства Неаполитанского, Голландии, германских государственных образований), а также все французские подданные, прибывшие в Россию в 1793 г. и позже, обязаны были принять российское подданство с клятвенным обещанием, что они не поддерживают отношения с французским правительством. Иностранцы, вступившие в купечество, но еще не принявшие российское подданство, должны были в течение шести месяцев со дня обнародования Манифеста 1 января 1807 г. принять его либо уволиться из купечества⁴. Таким образом, только российский подданный мог состоять в гильдейском купечестве. Данное положение закрепилось и спустя 20 лет, при Николае I⁵. В отношении иностранных подданных, занятых в торгово-промышленной сфере, правительство Александра I в 1807 г. установило статус «гостей» и «заезжих купцов», которые в 1824 г. дополнились рядом уточнений, минимизировавших их контакт с внутренним российским рынком путем запрета торговли с купцами 3 гильдии.

Таким образом, все эти меры способствовали интеграции торгово-промышленных иностранцев в купеческую сословную организацию Российской империи. В этой связи представляет интерес изучение вопроса взаимосвязей купцов иноэтничного происхождения как с местной средой, так и внутри своей этноконфессиональной среды. Установление максимально полного круга общения каждого вступившего в московское купечество иностранца не представляется возможным ввиду фрагментарности источниковой базы по данному вопросу. Подобные аспекты можно было бы рассмотреть при наличии богатого эпистолярного массива документов, мемуаров. Однако биографии московских купцов можно реконструировать, главным образом, по делам о причислении в купечество, книгам объявленных капиталов, ревизским сказкам, приговорам московского купеческого общества, а также по церковным документам, таким как метрические книги и исповедные ведомости, в которых те или иные аспекты биографии купцов представлены фрагментарно. Лишь при комплексном изучении данные источники позволяют воссоздать биографию купца, а также выявить круг его общения.

Применимо к данному предмету исследования наиболее важными следует считать дела о вступлении иностранцев в московское купечество. Самые ранние из них, около трех десятков дел, за период с 40 гг. по начало 80 гг. XVIII в. хранятся в фонде Главного Магистрата в РГАДА⁶. Деятельность первых западноевропейцев, вступивших в московское купечество в период с середины по 80 гг. XVIII в., ис-

⁴ Там же. № 22418.

⁵ ПСЗ-2. Т. I. № 121. С. 182.

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 291. Оп. 1.

следована А.В. Дёмкиным⁷ и В.Н. Захаровым⁸. Более поздние дела о вступлении хранятся в фондах Городового магистрата и Купеческого отделения дома московского градского общества⁹. Материалы указанных дел за период с 1801 по 1809 г. дублируют наряды о вступлении в купечество на каждый год¹⁰. Наиболее полный свод аналогичных записей представлен в «Деле о причислении в московское купечество иностранцев», включающее полный список вступивших в московское купечество иностранцев и «российских инородцев» за период с 1795 по 1831 г.¹¹ Записи, содержащиеся в данном документе, дублируют сведения из более 600 отдельных прошений и рапортов о вступлении в купечество. Дела о причислении иностранцев в купечество сохранились не полностью, т.к. в ревизских сказках (в особенности, в третьей и четвертой) фигурируют некоторые купцы иноэтничного происхождения, упоминающиеся впервые.

Данный свод дел отчасти позволяет определить круг общения вступающих в московское купечество лиц иноэтничного происхождения. Помимо указаний о происхождении или месте последнего проживания иностранца, сведений о предмете торговли и суммы капитала, в них содержались также сведения о лицах, поручившихся за вступающего в купечество. Каждый вступающий должен был подтвердить отсутствие штрафов и подозрений за подписью нескольких лиц. Кроме того, необходимо было заручиться свидетельством нескольких (двух-трех) купцов о своевременной ежегодной уплате процентов с капиталов. Данные лица назывались поручителями. В случае, если вступающий в купечество не мог произвести уплату податей, вся материальная ответственность возлагалась на них. В связи с этим надо полагать, что поручителем мог быть человек, достаточно хорошо знающий вступавшего в купечество и уверенный в его экономической состоятельности. Анализ и систематизация данных о поручительствах помогут определить признаки существования национальных общин, а также оценить уровень взаимодействия их представителей с местным населением.

⁷ Дёмкин А.В. Купечество в России XVIII века. Формирование городских купеческих сообществ и торгово-промышленный отход. Очерки. М., 1996.

⁸ Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле в XVIII в. М., 2005. С. 357–398.

⁹ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 32 (Городовой магистрат, период с 1782 по 1805 гг.); Ф. 2 (отделение московского купеческого общества, период с 1805 по 1862 гг.).

¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 2. Д. 55–60; Ф. 2. Оп. 1. Д. 9–11, 13–21, 26–28, 30–33, 39–48.

¹¹ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124 (в архивной описи фигурирует с ошибочным названием «Книги объявленных капиталов купечества 3-й гильдии Басманной слободы 1796 г.»).

Изучение поручительства в контексте данного исследования предполагает не только выявление состава поручителей у отдельного купца, но и поиск лиц, за которых поручился данный купец. Состав поручительства купца не отражает весь круг его общения. Он может ограничиваться лишь одним человеком, а может составлять десяток. Целью нашего исследования является выявление тенденций во взаимоотношениях как с местным «природно русским» купечеством, так и внутри этноконфессиональной общины; как по всем купцам иноэтничного происхождения, так и по отдельным национальным группам. Поручительства в делах о записи в купечество являются не единственными идентификаторами круга общения лиц иностранного происхождения. Например, в записях метрических книг инославных церквей содержатся сведения о восприемниках у крестившихся детей иноверцев. Но эти данные имеют больше отношение к семейно-родственным связям, в то время как поручительство при записи в купечество отражает взаимосвязи в деловой сфере. Связи между купцами могли проявляться также и в назначении душеприказчиков в завещаниях. Данная тема ранее исследовалась Н.В. Козловой¹². Тема же поручительств практически не представлена в отечественной историографии.

Для данного исследования были изучены дела о причислении в московское купечество лиц за период с 1744 по 1840 г. Выбор ранней хронологической границы связан с первым известным нам делом о вступлении в московское купечество иностранца, немца Акима Кранфельта¹³. Выбор верхней хронологической рамки, 1840 г., обусловлен тем, что в более поздних делах о вступлении в московское купечество состав поручителей не фиксировался. Таким образом, в нашем распоряжении есть сведения о составе поручительств лиц различных национальностей, вступивших за почти вековой период. Всего их вступило 1171 человек, из которых 155 купцов имели временный статус (гости). В большинстве случаев их пребывание в Москве было кратковременным, и поручительства со стороны местного купечества им не требовалось. Из оставшихся 1016 купцов нам известны сведения о составе поручительства у 77 % (или 768 купцов).

Изучение материалов поручительств позволяет рассмотреть проблему наличия и особенностей национальных общин в Москве, а также ответить на вопрос, можно ли исследовать данную проблему только в конфессиональном ракурсе, или этническое самосознание также влияло на выбор поручителей. В особенности этот вопрос был бы интересен при рассмотрении поручительств у немногочисленных

¹² Козлова Н.В. Семья и отношения родства московского купечества XVIII в. // Вестник РГНФ. 2002. № 4.

¹³ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 930.

итальянских, британских, швейцарских, голландских уроженцев. Общеизвестно, что в Москве существовали следующие общины: лютеранская, представленная в основном немцами; католическая, костяк которой составляли французы; мусульманская, состоящая в основном из татар; армяно-григорианская, представленная грузинами и армянами. Также в Москве проживали греки и цыгане, которые, будучи православными по вероисповеданию, сохраняли этнические черты. Немногочисленные представители остальных народов, вероятно, тяготели к представителям более многочисленных единоверцев.

Немцы являлись самой многочисленной национальной общиной в Москве, и их пребывание широко освещено в отечественной историографии¹⁴. В составе поручительства 195 из 309 купцов немецкого происхождения (63 %) фигурируют их соотечественники, в 192 поручительствах — купцы русского происхождения. В 17 %, или у 53 вступивших в московское купечество немцев, поручителями были французы, в 14 случаях (по 4,5 %) — итальянцы и англичане, у 13 — швейцарцы, у восьми — шведы, у семерых — голландцы, по четыре поручительства, в которых фигурируют евреи и греки, по два — армяне и «венгерские уроженцы», по одному — перс и датчанин (см. табл.).

При изучении поручительств, в которых выступали купцы русского происхождения, следует обращать внимание на повторные упоминания их фамилий в качестве поручителей у других иностранцев, вступающих в московское купечество. 36 из 192 русских купцов, поручившихся за немцев, упоминаются в составе поручительства неоднократно. Например, у И.Г. Гассе при вступлении в купечество в 1824 г. поручителями были купцы 2 гильдии А.О. Брюшков и М.Ф. Жеребин¹⁵, которые в свою очередь поручались — первый в 1819 г. за швейцарца С. Перре¹⁶, второй — в 1824 г. за австрийских немцев О.И. Бауера¹⁷ и П.Я. Петца.¹⁸ Купец И.В. Четвериков был поручителем у немцев Е. Флорье¹⁹, П. Шлейдена²⁰, П. Гипенера²¹,

¹⁴ Денингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004; Немцы в Москве. Международная научно-историческая конференция, посвященная 850-летию Москвы. М., 1997; Московские немцы: четыре века с Россией. М., 1999; Немцы в общественной и культурной жизни Москвы. XVI — начало XX вв. (материалы международной научной конференции, 15–16 февраля 1999 г.). М., 1999; и др.

¹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 162.

¹⁶ Там же. Л. 150.

¹⁷ Там же. Л. 161.

¹⁸ Там же. Л. 169.

¹⁹ Там же. Л. 144 Об.

²⁰ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2012.

²¹ Там же. Д. 2061.

К. Реймана²², К. Шуберта²³. Все они были заняты производством и сбытом суконных изделий. Чаще всего такие «поручители-рецидивисты» из местного купечества вели крупную торговлю, в том числе на международном уровне и были связаны с крупными западноевропейскими фирмами, представители которых, вступая в купечество российских городов, были посредниками в торговле с российским купечеством.

В ряде случаев у немцев состав поручительства был полностью французским. Ревельский уроженец купец 1 гильдии И.И. Капобус поручался за французов И. Боларда²⁴ и М. Рениера²⁵. У немца М. Яге, вступившего в 1800 г. поручителями были французы И. Татон (виноторговец) и И. Блюм (торг «разным товаром»)²⁶; у Х.Г. Краузе, производившего торг в «фряжских погребах», — И. Готье-Дюфайе, И.А. Боллард²⁷, у немца И. Отте — О.М. Д'Изарн и И.И. Пейрон²⁸. У прусской уроженки П. Дефортиссон поручителями были упомянутый И.И. Готье-Дюфайе и итальянец, торговец картинами Ж. Негри²⁹. Купец 1 гильдии немец К.Я. Мелли был поручителем у коммерсантов британского происхождения — у именитого купца И. Мейбома³⁰ и вдовы знаменитого владельца фарфорового завода С.Ф. Гарднер³¹.

Нередко среди поручителей французского происхождения у немцев встречаются жители г. Страсбурга в Лотарингии, расположенного на границе с Германией. Например, за уроженцев Страсбурга Х. Дреера³² и Ф. Куртеннера³³ поручился немец К. Левкин.

Также связь с французами наблюдается у немцев, проживавших в землях, расположенных в Австро-Венгрии, в частности в Богемии. Здесь, помимо торговых связей, вероятно, имело значение и единство вероисповедания, принадлежность к католической общине. Например, у австрийца Е.Ф. Кайзера³⁴ был полностью французский состав поручительства: за него поручились К. Мессонье и П. Шмит (уроженец Страсбурга), сам же он поручился за уроженца Русальона П.И. Мон-

²² ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 175 Об.

²³ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2384.

²⁴ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 4491.

²⁵ Там же. Д. 5822.

²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 397 Оп. 1. Д. 124. Л. 35 об.

²⁷ Там же. Л. 48.

²⁸ Там же. Л. 140 Об.

²⁹ Там же. Л. 150 Об.

³⁰ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 2406.

³¹ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 44.

³² ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 1812.

³³ Там же. Д. 3767.

³⁴ Там же. Д. 3775.

тания³⁵ и венгерского уроженца В. Делафада³⁶, который имел также французский состав поручительства. Кроме того, в доме у Е. Кайзера в конце XVIII — начале XIX в. проживал ряд купцов французского происхождения (И.И. Готье-Дюфайе, П. Петен, Ф. Ризе, И. Сосье).

Состоявшие в московском купечестве евреи были связаны с немецкой общиной. Здесь следует сделать оговорку об их вероисповедании. В составе московского купечества в изучаемый период было лишь трое евреев, исповедовавших иудаизм: Е.Г. Янкелевич, Г. Израилевич, М.Г. Герш. Они не долго пребывали в купечестве, с 1788 по 1791 г. Московское купеческое общество было настроено против них и подало прошение московскому генерал-губернатору, в котором отмечались нарушения в торговых операциях еврейских купцов. Их выдворили из Москвы, а нашумевшее дело способствовало изданию указа 23 декабря 1791 г., послужившего началом процессу формирования в Российской империи черты еврейской оседлости³⁷. Лица иудейского вероисповедания на протяжении более семи десятков лет с момента издания указа не могли покинуть черту оседлости и вступать в купечество «внутренних» российских городов. На крещеных евреев (не только православных, но католиков и протестантов в том числе) эта мера не распространялась. И данные состава поручительств также свидетельствуют об их тяготении к немецкой среде. Немецкий состав поручительства был у крещеного в лютеранство еврея А.И. Якобсона, торговавшего «разными товарами» на Кузнецком мосту: это братья А.И. и С.И. Кони, и И.К. Шеффер³⁸. Немецкий состав поручительства наблюдался и у крещеных в православие евреев. У православного еврея, уроженца Могилевского наместничества П.М. Рожанского, вступившего в 1793 г. в московское купечество, одним из поручителей был купец 1 гильдии немецкого происхождения Матвея Яковлев Кунен³⁹; у уроженца Кёнигсберга А.В.Бера — немец Науш Христиан Богданов⁴⁰; у митавского еврея, владельца шерстоткацкой фабрики М. Лохмана было двое поручителей из немцев — торговец сукном Г. Меркли и книготорговец Ф. Элцнер⁴¹. По крайней мере, М. Лохман и А. Бер были уроженцами Остзейской губернии, в которой проживало много немцев, и, вероятно, им удалось сохранить земляческие

³⁵ Там же. Д. 5072.

³⁶ Там же. Д. 5910.

³⁷ *Фельдман Д.З.* Спорное дело 1790 года: о положении еврейских купцов в Москве (из архива А.А. Безбородко) // *Вестник архивиста*. 2006. № 6. С. 98; ПСЗ-1. Т. XXIII. № 17006; см. также: ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 74. Л. 107.

³⁸ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1829.

³⁹ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 6939.

⁴⁰ Там же. Д. 7463.

⁴¹ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 176 Об.

связи. Поляк А.А. Гивартовский, торгующий разными товарами, был поручителем у торговца шелком немецкого происхождения Р. Ревель⁴² и француза кондитера Ж. Люке⁴³. В делах о вступлении в московское купечество некоторых представителей православных народов среди поручителей также фигурируют немцы. Валах Ф.И. Мараров в 1804 г. поручался за немца И.Б. Феттера⁴⁴. У «новокрещеного» поляка Семена Петрова, одним из поручителей был немец Е.И. Лейхт⁴⁵. Среди поручителей серба виноторговца Г.И. Терлаича в 1796 г. были немец К. Линке, содержавший аптеку, и француз Ш. Мессонье, производивший торг дамскими уборами⁴⁶. У вступившей во 2 гильдию купечества уроженки Франкфурта-на Майне Д. Бибер поручителем был грек купец 1 гильдии, торговец пушниной И.К. Ленже⁴⁷; его соотечественник, купец 1 гильдии Д. К. Караиванов — у немки Е.Ф. Кених⁴⁸; грек А. Кола — у немца И.Г. Гунста⁴⁹; торговец пушниной Х.Д. Спиридонов — у цесарского немца Г. Палчевского⁵⁰.

В отдельных случаях у немцев связь через поручительство наблюдается даже с представителями восточных этносов с идентичным предметом торговли. Мекленбургский уроженец, торговавший «дамскими головными уборами», К.-Ф. Эрих в 1826 г. был поручителем у перса, торговца шальями С. Усейнова⁵¹. Армянин И. Аракелов вместе с прусским уроженцем Я. Дюлонгом в начале XIX в. владели торговым домом «Дюлонг и Аракелов»⁵². Упомянутый И. Аракелов был также поручителем у немца Я.Я. Белифельда в 1808 г.⁵³

Таким образом, немецкая община, как одна из самых многочисленных национальных общин в Москве, имела деловые связи с представителями иных национальностей и конфессий.

Достаточно многочисленной национальной группой в составе московского купечества были и французы. Исследователь французского землячества в России В.С. Ржеуцкий наблюдает у французских коммерсантов высокую степень ассоциативности, национальной

⁴² ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3668.

⁴³ Там же. Д. 3639.

⁴⁴ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 2. Д. 59. Л. 31; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 61 об.

⁴⁵ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 8343.

⁴⁶ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 4417; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 7.

⁴⁷ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 8254.

⁴⁸ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 105; Ф. 32. Оп. 11. Д. 136; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 52.

⁴⁹ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 107.

⁵⁰ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 7680; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 131.

⁵¹ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 174.

⁵² ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 9489.

⁵³ Там же. Д. 5033; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 99.

замкнутости (проявляющейся в стремлении вести дела с соотечественниками и в маритальном поведении (браки заключаются среди своих)⁵⁴. Исследователь подчеркивает натянутость отношений французских и московских купцов уже в 1780-е гг.: последние были недовольны возможностью французов торговать в Москве «в разных местах любыми товарами», а также неуплатой ими десятой части капитала — меры, отмененной еще при Елизавете Петровне⁵⁵. Сведения о составе поручительства подтверждают данные тенденции. У большинства фигурируют соотечественники — в 71 % (или в 134 из 188 поручительств). Доля купцов русского и немецкого происхождения примерно одинакова — 37 % (или в 70 случаях) и 39 % (в 73) соответственно. Но, сравнивая у французов и немцев удельный вес поручительств, в которых были представлены русские купцы, окажется, что у последних он был существенно выше (у немцев 192 (62 %), у французов — 70 (37 %)), и в то же время доля французов в составе поручительства немцев была существенно ниже, чем доля последних в составе поручительств французов (53 француза у немцев (17 %), 70 немцев — у вступавших в купечество французов (37 %)). Эти данные свидетельствуют о достаточной замкнутости делового круга общения купцов французского происхождения. Однако доля итальянцев и швейцарцев в поручительствах французов была выше, чем у немцев: 18 итальянцев в поручительствах у французов (9,5 %) и 14 итальянцев (4,5 %) у немцев; швейцарцы фигурируют у 14 французов (6,5 %), у немцев в 13 поручительствах (4,5 %) (см. табл.). Объясняется этот факт, вероятно, единством вероисповедания.

У некоторых французов состав поручительства был полностью представлен лицами других национальных групп. У уроженца Страсбурга (француза по подданству, но немца по происхождению), владельца музыкального магазина Х. Дреера при вступлении в купечество в 1786 г. это были немцы К. Левкин и А. Блазиус⁵⁶; сам он поручился за швейцарца К.Л. Графа⁵⁷. Поручителями Р. Руа были итальянец А. Пентарелли, немцы Г. Рейнсдорп (владелец музыкального магазина) и К. Линке (торг разными товарами)⁵⁸. У француза из Саарбрика, владельца мебельного магазина Г. Изенбека (вероятно немца по происхождению) поручителями были швейцарец М. Вебер, немец К.П. Ленгольд, (владелец музыкаль-

⁵⁴ Ржеуцкий В. С. История французского землячества в России в XVIII — начале XIX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003 С. 14.

⁵⁵ Ржеуцкий В.С. Французская колония в Москве в царствование Екатерины II // Россия и Франция XVIII–XX вв. М., 2003.С. 47.

⁵⁶ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 1812.

⁵⁷ ЦГА Москвы. Ф. 397 Оп. 1. Д. 124. Л. 143.

⁵⁸ Там же. Л. 25 Об.

Соотношение численности поручителей и поручаемых по национальным группам

Число вступивших в московское купечество лиц с известным составом поручительства	Всего	Национальное происхождение поручителей и поручаемых																	
		русские	немцы	французы	итальянцы	британцы	швейцарцы	шведы	голландцы	евреи	греки	армяне	грузины	венгры	датчане	цыгане	татары	персы	бухарцы
Немцы	309	192	195	53	14	14	13	8	7	4	4	2		2	1				
Французы	188	70	73	134	18	7	14	9	9		5				1				
Итальянцы	34	18	14	8	20		1	1			1		1						
Швейцарцы	22	17	12	5		1	7	2											
Британцы	22	14	14	5		10			1										
Голландцы	11	7	9	5	1	1													
Шведы	5	4	5	1	1		1												
Датчане	4	2	2	1			1			1									
Венгерские уроженцы	2																		
Греки	64	56	3	3	2						3	1	3	1	1				
Цыгане	11	4									6					8			

Число вступивших в московское купечество лиц с известным составом поруательства	Национальное происхождение поручителей и поручаемых														
	Всего	русские	немцы	французы	итальянцы	британцы	швейцарцы	шведы	голландцы	евреи	греки	армяне	грузины	венгры	датчане
Армяне	24	16	1								2	14	4		
Грузины	8	6								3	3	2	3		
Бухарцы	7	3										3			
Персы	11	8	1									5			
Татары	10	7										1			
Поляки	9	9	1												
Евреи	7		4												
Другие (изначально право- славные или приняв- шие православие: валахи, молдаване, калмыки и др.)	20	20													
Всего	768														

ного магазина)⁵⁹, а сам Г. Изенбек поручился за немца И. Юрша (комиссионер)⁶⁰. У Е. Дежуж, вступившей в 1811 г., поручителями были англичанин В.Е. Бутлер (владелец справочной конторы) и немец А.И. Кони⁶¹; у виноторговца Ж. Делапре — немец С. Лейб и итальянец И. Педотти⁶²; у К.И.Дебошон — немец Ф.М. Бранденбург (банкир), его соотечественник А. Гизетти (маклер) и голландец А.А. Стольте⁶³. Последний был поручителем у вступившего в 1826 г. француза Н.И. Лефевра, а другим его поручителем был англичанин, В.Е. Бутлер⁶⁴. Поручителями М. Дефрена, торговца сукном, были упомянутый Ф.М. Бранденбург и А.К. Претр (владелец купоросного завода)⁶⁵. Разнообразным по национальному составу был состав поручительства у парфюмера Л. Буйе — немец А.А. Гизетти, грек Н.М. Почимади (торг разным товаром) и итальянец Ж. Негри (торговец картинами)⁶⁶.

Тема существования итальянской купеческой общины в Москве совершенно не раскрыта в историографии. Дело в том, что эта община не отличалась ярко выраженными признаками, как, например, французская или немецкая. Итальянцы не имели в Москве мест сосредоточенного проживания, как купцы татарского происхождения или армяне и грузины. Однако в приговорах московского купеческого общества начала XIX в. можно встретить упоминание об итальянских купцах, из числа которых избирались гласные в шестигласную городскую думу от иностранцев (наравне с немцами, французами и греками)⁶⁷. В большинстве их поручительств, в 59 % (или в 20 из 34), встречаются соотечественники. Русские купцы упоминаются среди поручителей у каждого второго вступающего в купечество итальянца — 53 % (или в 18 из 34). Единоверные с ними французы фигурировали лишь в восьми поручительствах, в то время как немцы почти в два раза больше — в 14 случаях (см. табл.). В.Н. Захаров объясняет тяготение ряда итальянцев к немецкой общине тем, что многие коммерсанты из Италии и Франции попадали в Россию через ганзейские города, а также тем, что последние осуществляли торго-

⁵⁹ ЦГА Москвы. Ф.32. Оп. 11. Д. 4975; Ф. 397 Оп. 1. Д. 124. Л. 98 Об.

⁶⁰ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124.Л. 108 Об.

⁶¹ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 9714; Ф. 397 Оп. 1. Д. 124. Л. 139.

⁶² ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп.1 . Д. 124. Л. 167.

⁶³ Там же. Л. 167 Об.

⁶⁴ Там же. Л. 169.

⁶⁵ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2180; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 173.

⁶⁶ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 151 об. — 153.

⁶⁷ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 66. С. 97–98.

вое посредничество между итальянцами и восточноевропейским рынком⁶⁸.

Есть также единичные упоминания швейцарцев, шведов, греков, грузин, поляков в составе поручительства итальянцев. У П.Ф. Контю, содержавшего гостинцу, поручителями были грек Ю.Ю. Янков (торговец пушниной) и баварский уроженец А.М. Горнштейнер (торговец табаком)⁶⁹. За австрийца польского происхождения, кондитера В.В. Товарицкого, вступившего в купечество в 1823 г., поручился итальянец И. Дотти (владелец табачной лавки)⁷⁰. Среди поручителей итальянца Антона Гамботи (владелец табачной фабрики), причисленного в московское купечество в 1787 г., упомянуты представители пяти национальностей: двое русских — А.Л. Шемшуров и А.В. Булавошников, французы Я. Барнье, К. Ганневард⁷¹; сам же А. Гамботи в 1796 г. поручился за француза А.К. Балтуса⁷², в 1801 г. — за француза же П. Пимпаре⁷³; в 1796 г. — за итальянца Л. Депендри («торг мрамором»)⁷⁴, в 1797 г. за немца Г. Ландграфа⁷⁵, в 1784 г. — за грузина И.Я. Наврозова.

У швейцарцев соотечественники фигурируют в семи из 22 (или 32 %) записей о поручительстве. Купец 1 гильдии, уроженец города Ирбе Л. Буржуа в 1804 г. поручился за купца 3 гильдии Я. Крапа (владелец конфетной лавки)⁷⁶. У вступившего в 1814 г. во 2 гильдию цюрихского уроженца М. Шейхцера поручителем был его соотечественник купец 1 гильдии И.Л. Буркгард⁷⁷. Виноторговец С.Д. Перре в 1827 г. был поручителем у своего соотечественника и также вино-торговца Ф. Бартолета⁷⁸. За вступившего в 1820 г. в 3 гильдию Д. Кардея поручился его соотечественник виноторговец Л. Граф⁷⁹. В 17 из 22 поручительств швейцарских купцов выступают русские купцы. У 11 человек в поручителях и среди поручаемых фигурируют немцы, а французы представлены лишь в четырех случаях, в двух — шведы и один англичанин (см. табл.).

⁶⁸ Захаров В.Н. Общины иностранных купцов в России в XVIII в. // Экономическая история: ежегодник. М., 2010. С. 23.

⁶⁹ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 8785; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 135.

⁷⁰ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 158 об.

⁷¹ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 1744.

⁷² ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 4611, 5495; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 12.

⁷³ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 44 об.

⁷⁴ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 6772.

⁷⁵ Там же. Д. 672.

⁷⁶ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 13104; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 74 об.

⁷⁷ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 145 об.

⁷⁸ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2266; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 175 об.

⁷⁹ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 151.

Британское купечество пользовалось рядом льгот по сравнению с купцами других стран, торговавших в России. В.Н. Захаров выделяет среди остальных европейцев отдельную британскую торговую общину, действовавшую в России XVII–XVIII в., которую помимо торговых льгот отличала от других замкнутость семейно-родственных связей⁸⁰. А.В. Дёмкин упоминает так называемую «Британскую факторию», или ассоциацию британских купцов, проживавших в Петербурге⁸¹. В бытовом смысле британцы чувствовали себя гораздо комфортнее в балтийских портовых городах, среди немецкого купечества⁸². Отчасти по причине того, что британское купечество пользовалось «особым» положением среди других национальных групп, для которых вступление в гильдейское купечество являлось вынужденной экономической мерой, отчасти из-за предпочтения в проживании в портовых, прежде всего балтийских городах, британцы в составе московского купечества не были столь многочисленны, как немцы или французы.

Почти у половины из них (10 из 22) в качестве поручителей выступали соотечественники. Купец 1 гильдии, торговавший суконными изделиями, Р. Дэвис в 1796 г. поручился за своего соотечественника, купца 2 гильдии, торговавшего оптическими инструментами, Т. Пристлей⁸³, который в 1809 г. поручился за Д. Бутлера⁸⁴ и в 1817 г. — за Дж. Говарда⁸⁵ (оба состояли в купечестве 3 гильдии и вели торг разными товарами). Вторым поручителем у Дж. Говарда был его соотечественник первостатейный купец И.Р. Пикерсгиль. Купец 2 гильдии Дж.Леве (торг разным товаром) в 1823 г. поручился за шотландского уроженца, купца 1 гильдии А. Мерелиза (торговец сукном)⁸⁶, а в 1826 г. — за своего однофамильца или родственника А. Леве⁸⁷. Купец 1 гильдии Дж.-С.Джаксон (торговец лошадьми) в 1825 г. поручился за купца 1 гильдии А.Я. Колли. Большинство британцев было занято производством и торговлей суконными изделиями и состояло в первых двух гильдиях. Наблюдается также их связь с немецкой общиной — у 11 из них в составе поручителей фигурировали немцы (см. табл.). В.Н. Захаровым установлен факт активного взаимодействия остзейских немцев с британской общиной, которое выражалось во вступлении в общину немцев с целью получения

⁸⁰ Захаров В.Н. Общины иностранных купцов в России... С. 27.

⁸¹ Дёмкин А.В. Британское купечество в России XVIII века. М., 1991. С. 30.

⁸² Там же. С. 31.

⁸³ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 8 Об.

⁸⁴ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 7157; Ф. 397 Оп. 1. Д. 124. Л. 122.

⁸⁵ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 148.

⁸⁶ Там же. Л. 159.

⁸⁷ Там же. Л. 173 об.

торговых льгот⁸⁸. Французы фигурируют в четырех поручительствах у британцев, голландцы — в двух.

Рассмотренные ниже представители различных западноевропейских национальностей имели признаки общины. У французов, немцев и итальянцев они были четко выражены, что подтверждается преобладанием поручительств, в которых фигурируют их соотечественники. Британцы и швейцарцы имели слабо выраженные признаки, поскольку поручительства со стороны их же соотечественников составляли меньше половины (45 и 32 %).

Представители остальных западноевропейских национальностей были малочисленны. Нам известно об 11 поручительствах голландцев, пяти шведов, четырех датчан, двух венгров. Ни у одного из них не было соотечественников среди поручителей. Все они примыкали к более крупным, единомерным с ними, национальным общинам.

У 9 из 11 голландских уроженцев, вступивших в московское купечество (В. Янсен, И. Щох, А.Х. Шумахер, Н. и И. Пети, И. Брамер, А.Х. Стольте, В. Розенштраух, Я.А. фон дер Флит, И. фон дер Гейст, В. Гейденгейм) поручителями фигурируют немцы, русские — в семи поручительствах, французы — в пяти, итальянцы и англичане — по одному. У маастрихтского уроженца Николая Пети (содержатель кофейни) поручителями в 1800 г. были двое русских купцов, Н.И. Малютин и И.Я. Стрелков, при повторной записи в 1807 г. — баварец А.М. Горнштейнер и итальянец И. Нолчини (парфюмер)⁸⁹. Сам же Н. Пети был поручителем у французов В.А. Форсевиля (виноторговец)⁹⁰, в 1805 г. — у Ж. Клермонта (торг дамскими головными уборами)⁹¹, в 1806 — у А. Дерансарда⁹². Тем не менее, только у двоих купцов состав поручительства был полностью русским — у В. Гейденгейма⁹³ и у В.И. Розенштрауха⁹⁴. Еще в четырех случаях в составе поручительства были французы и в двух случаях — итальянцы. В целом, голландцы больше тяготели к немецкой лютеранской общине. В.Н. Захаров также заметил активную взаимосвязь голландской и немецкой общин, причем не только на деловом уровне, но и на уровне семейно-родственных отношений, а также отсутствие различий в отношении них со стороны российского правительства⁹⁵.

⁸⁸ Захаров В.Н. Общины иностранных купцов в России... С. 17.

⁸⁹ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124.Л. 29, 112 об.

⁹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 1851; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124.Л. 64.

⁹¹ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 1840; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124..Л. 65.

⁹² ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 79.

⁹³ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2960.

⁹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 397 Оп. 1. Д. 124. Л. 146.

⁹⁵ Захаров В.Н. Общины иностранных купцов в России... С. 22.

Тяготение купцов шведского происхождения к лютеранской общине и как следствие выбор поручителей из немцев также очевидны. В пяти известных нам поручительствах шведов выступали купцы немецкого происхождения. Русские фигурируют в четырех делах о записи в купечество. Наиболее разнообразен национальный состав поручительства у стокгольмского уроженца, причисленного в 1796 г. в московское купечество, А.И. Бекерса (торговец сукном). Его поручителями при первоначальной записи были двое русских купцов М.П. Стафрин и П. Иванов⁹⁶; при повторной записи в 1801 г. — немцы Ф. Диттель и Ф. Паули и француз И. Готье-Дюфайе⁹⁷. Сам А.И. Бекерс был поручителем у швейцарца Д.Л. Мессонье⁹⁸ и итальянца Ж. Негри⁹⁹.

Среди четырех датчан с известным составом поручительства земляческих связей не наблюдается. У двоих из них поручителями выступали немцы, в двух случаях — русские, в одном случае француз. Наиболее разнообразен состав поручительства у М.-Д. Гейдеман: при первоначальной ее записи поручителями были немцы Г. Рейнсдорп и Т. Кин¹⁰⁰; при повторной в 1808 г. — швейцарец М. Вебер и грек А. Кола¹⁰¹.

Автором представленного исследования было опубликовано две статьи, посвященные деятельности купцов греческого происхождения в Москве, где вопрос о составе поручительства также был рассмотрен¹⁰². У более половины из них (56 %, или 36 из 64) в составе поручительства фигурируют соотечественники, что также подтверждает наличие земляческих связей. Тем не менее, связь с местной московской купеческой средой была еще значительней. У 88 % греков (или 56 из 64) среди поручителей фигурируют купцы русского происхождения. Некоторые из них довольно часто выступали поручителями у греков. Например, имя купца Данилы Семеновича Липенского, торговавшего пушниной в Большом ветошном ряду, фигурирует в семи поручительствах, и не только у тех купцов греческого происхождения, которые, как и сам Липенский, были заняты торговлей пушниной (Г.М. Ве-

⁹⁶ ЦГА Москвы. Ф. 397 Оп. 1. Д. 124. Л. 6 об.

⁹⁷ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 2261; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 66 об.

⁹⁸ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 14 об.

⁹⁹ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 5930.

¹⁰⁰ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 29 об.

¹⁰¹ Там же. Л. 97 об.

¹⁰² Ларюшкин О.В. Греки в составе московского купечества (1782–1811 гг.): интеграция в русскую среду // Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки. 2014. № 3. С. 82–87; Он же. Московские купцы греческого происхождения: роль в торговой и общественной жизни города (70-е гг. XVIII в. — середина XIX вв.). // Материалы международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (8–9 октября 2019 г.) История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М., 2019. С. 69–82

нецианов¹⁰³, Г.А. Янков¹⁰⁴, Е.И. Деларов¹⁰⁵, С.Д. Спиридонов¹⁰⁶), но и у виноторговцев (Т. Хаджиянин¹⁰⁷, С.Ф. Чикарах¹⁰⁸, Т.С. Зограф¹⁰⁹). У ряда других греческих купцов — Я.Ф. Тумазаки¹¹⁰, Ф.И. Попова¹¹¹, С.Ю. Быкова — поручителем был купец Т.Д. Шевалдышев. Основным предметом торговой деятельности указанных купцов являлась гастрономия, содержание кофейных и кондитерских лавок в доме купца Шевалдышева. Есть также единичные упоминания фамилий греческих купцов в поручительствах западноевропейцев. Например, грек А. Коло был поручителем у датчанки М.Д. Гейдеман¹¹² и немца И. Гунста¹¹³; С.Д. Спиридонов — у австрийца Г. Палчевского в 1810¹¹⁴, Д.К. Кара-Иванов — у немки Е.Ф. Кених¹¹⁵; виноторговец И.И. Стамати — у француза И. Перона¹¹⁶ и венгерского уроженца Й. Костовича¹¹⁷; Н.М. Почимади — у француза Л. Буйе¹¹⁸; М.П. Псалида — у французов Л. Манрада¹¹⁹ и Л. Бросье¹²⁰.

Также наблюдается связь греков с армяно-григорианской общиной. В нескольких случаях греки выступали поручителями у московских купцов армянского и грузинского происхождения: Г.М. Венецианов — у Агамало Таинова¹²¹; Г.М. Янков — у П.С. Зураева¹²² (оба производили торг в ветошном ряду); М.П. Псалида был поручителем у армянина Огостаноса Герасимова¹²³, грек Ф.В. Полиповский в 1803 г. поручился за армянина «из астраханских жителей» П.С. Шагинова¹²⁴.

¹⁰³ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 2. Д. 60. Л. 22–24; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 59 об.

¹⁰⁴ ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 18. Д. 61. Л. 367–367 об. № 178.

¹⁰⁵ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 3532.

¹⁰⁶ Там же. Д. 5839.

¹⁰⁷ Там же. Оп. 3. Д. 1486.

¹⁰⁸ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 30.

¹⁰⁹ Там же. Л. 35.

¹¹⁰ Там же. Л. 14.

¹¹¹ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 221; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 52 об.

¹¹² ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 97 об.

¹¹³ Там же. Л. 107.

¹¹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 7680; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 131.

¹¹⁵ ЦГА Москва. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 105; Ф. 32. Оп. 11. Д. 136; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 52.

¹¹⁶ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 69.

¹¹⁷ Там же. Л. 66.

¹¹⁸ Там же. Л. 151 об. — 153.

¹¹⁹ Там же. Л. 58.

¹²⁰ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 1832; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 65 об.

¹²¹ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 414.

¹²² ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 3145.

¹²³ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 2756; Ф. 397. Оп. 1. Д. 125. Л. 356 об.

¹²⁴ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 1204; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 58.

Существование армянской и грузинской общин Москвы отражено в историографии¹²⁵. В контексте данной темы их следует рассматривать в одной группе, поскольку грузины и армяне в XVIII–XIX вв. проживали сосредоточенно, на Пресне. Они являются представителями одной конфессии — армяно-григорианской, достаточно близкой к официальной Русской православной церкви. Известен состав поручительств у 24 армян и у 8 грузин. В 72 % (23 из 32) дел о записи в купечество поручителями выступали соотечественники (см. табл.). Примерно такой же удельный вес русских купцов был представлен в составе поручительства. Некоторые фамилии русских купцов неоднократно встречаются в качестве поручителей у армян. Например, купец 3 гильдии Садовой Большой слободы И.А. Пичугин был поручителем у армян Якова и Сагала Моисеева¹²⁶ и Я.Б. Сагинова¹²⁷. Большинство московских армян были заняты сбытом шелка и турецких шалей. Вероятно, упомянутый Пичугин был занят тем же.

Наблюдается также связь купцов армянского и грузинского происхождения с мусульманами. Очевидно, взаимосвязь эта объяснялась однородным предметом торговли, а именно шелковой продукции, а также шалей. У астраханского армянина А.К. Красильникова одним из поручителей был торговец шальями татарин Макай Абдулов¹²⁸. У предполагаемого его родственника М.Г. Красильникова был практически полностью мусульманский состав поручительства. За него поручились татарин А. Курамшин и бухарец Д. Абдулин¹²⁹. Сам Красильников был поручителем у бухарцев М. Юсуфова¹³⁰, Н. Валибаева¹³¹, персов М. Алихана¹³², А. Марданова¹³³, А. Хасанова¹³⁴, Н. Абдулаева¹³⁵ и М. Мамедова¹³⁶. В составе его поручительства фигурирует лишь

¹²⁵ *Амирьянц И.А.* Армяне Москвы // Москва: Народы и религии. М., 1997. С. 135; *Ананян Ж., Хачатурян В.* Армянские общины России. Ереван, 1993; *Ватейшвили Д.Л.* Грузия и европейские страны. Очерки истории взаимоотношений XIII–XIX вв. М., 2006. С. 57; *Григорьян А.В.* Из истории армянской колонии Москвы // Этнические группы в городах европейской части России (формирование, динамика, расселение). М., 1987. С. 49–58; *Мурадян С.* Армянское Ваганьковское кладбище (к 200 летию со дня основания). Ереван, 2007.

¹²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 84 об., 85.

¹²⁷ Там же. Л. 85.

¹²⁸ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 758.

¹²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 2. Д. 58. Л. 34; Оп. 1. Д. 124. Л. 63 об.

¹³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 124. Л. 139 об.

¹³¹ Там же. Л. 140.

¹³² ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 5154; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 102 об.

¹³³ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 4981; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 103.

¹³⁴ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 126.

¹³⁵ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 9413; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 138 об.

¹³⁶ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 4. Д. 20. Л. 13 (№ 134); Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 94 об.

один его соотечественник, Огостанос Герасимов¹³⁷. Поручителем армянина, астраханского именитого гражданина А. Калустова был бухарец Заривжан Амиров¹³⁸.

Мусульмане в составе московского купечества были представлены тремя национальными группами, а именно татарами, персами и бухарцами. Если в среде западноевропейцев конфессиональный контекст не был значительно выражен, и мы рассматривали группу купцов итальянского происхождения отдельно от французов, то при исследовании указанных восточных народов, проживавших в Москве, национальная принадлежность отходит на второй план, уступая место общности вероисповедания. Д.З. Хайретдинов определяет выходцев из Поволжья, Касимова, Крыма, Астрахани как этническое ядро мусульманской общины, отдельными вкраплениями которой выступали выходцы из Бухары и других районов Средней Азии — в основном купцы, обустроивавшиеся здесь совместно с татарами и с их помощью¹³⁹. Однако при этом Д.З. Хайретдинов отмечает, что только купцы из Персии стремились к изолированному поселению от основной массы столичных мусульман¹⁴⁰.

Всего нам известно о составе поручительства 28 московских купцов-мусульман. У 25 (90 %) из них в составе поручительства представлены их же единовверцы, при этом доля соотечественников у представителей каждой национальной группы невысока. Только у шести из 10 татар среди поручителей представлены их же земляки, в то время как у 11 персов соотечественники фигурируют лишь в четырех случаях, а у бухарцев — всего в одном (торговец шелком Девлет Абдулин в 1811 г. поручился за торговца шальями Мартаира мир Юсуфова)¹⁴¹. Таким образом, внутри мусульманской общины взаимосвязь внутри каждой из трех национальных групп не была столь заметна, как например, у французской и итальянской купеческих общин, представители которых были католиками по вероисповеданию. В данном случае вероисповедание являлось гораздо более консолидирующим фактором для представленных национальных групп, чем для представителей других конфессий. Кроме того, все мусульмане проживали сосредоточенно в Татарской слободе в Замоскворечье и в первой половине XIX в., в то время как представители других национальных общин на тот момент уже селились в Москве дисперсно. Особый предмет торговли также объединял разнона-

¹³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 5815; Ф. 397. Оп. 1. Д. 125. Л. 356 об.

¹³⁸ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 6185; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 15 об.

¹³⁹ Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX века. Нижний Новгород, 2002. С. 102.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 139 об.

циональных купцов мусульманского вероисповедания. Большая их часть была занята торговлей «шалями и платками». Причем татары изначально выступали посредниками между русским и бухарско-персидским рынками, сбывая привозные «азиатские товары»: персидские, бухарские, шелковые и бумажные ткани, а также овчинные тулупы¹⁴². Уроженец г. Малмыжа в Вятской губернии, московский купец владделец лавки на Лубянке в доме Лухманова, М. Абдулов, в 1815–1816 гг. подавал объявление в газете «Московские ведомости» о продаже полученных им с Макарьевской ярмарки бухарских и кашемирских «необыкновенных тонких доброт и рисунков шали и платков»¹⁴³. Перс Таги Маметов владел лавкой турецких шалей на Мясницкой улице¹⁴⁴. Русские купцы фигурировали в составе поручительства 18 купцов мусульманского вероисповедания. Купец Дмитровской сотни П.И. Полетаев в 1807 г. поручился за Гилянского перса Мошада Алихана в 1808 г.¹⁴⁵, за Казбинского перса Алинаго Али Марданова¹⁴⁶, в 1810 г. — за бухарца Девлета Абдулина¹⁴⁷. Я.А. Корелин был поручителем у двух бухарцев — С.Н. Бакибаева в 1801 г.¹⁴⁸ и Д. Абдулина в 1802 г.¹⁴⁹, торговца шелком. Д.З. Хайретдинов характеризует отношения московских мусульман с христианами как уважительные и дружеские. Купцы-мусульмане не были изолированы от христианского большинства, хотя и поддерживали в своей среде атмосферу традиционности и самобытности¹⁵⁰.

Существование в Москве цыганской общины купцов-конеторговцев, которое также нашло отражение в историографии, определяло однородность национального состава их поручительств¹⁵¹. В восьми из 11 известных поручительств фигурировали цыгане и в трех — русские купцы. Активная запись цыган в московское купечество наблюдалась в период с 1788 по 1795 г.: было записано 33 семьи, некоторые из них включали по 60 человек и состояли из четырех поколений. До вступления в купечество они были приписаны к

¹⁴² Филиппов Д.Ю. Связи касимовского купечества с Москвой в конце XVIII — XIX вв.// II конференция «Города Подмосковья в истории российского предпринимательства и культуры». М., 1997. С. 45.

¹⁴³ Московские ведомости. 15 сентября 1815. № 74. С. 1575; 26 августа 1816. № 69. С. 1504.

¹⁴⁴ Московские ведомости. 31 марта 1828. Ч. 1. № 26. С. 1173.

¹⁴⁵ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 5154; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 102 об.

¹⁴⁶ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 4981; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 103.

¹⁴⁷ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 8557; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 134 об.

¹⁴⁸ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 775; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 43 об.

¹⁴⁹ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 8557; Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 134 об.

¹⁵⁰ Хайретдинов Д.З. Указ. соч. С. 142.

¹⁵¹ Ларюшкин О.В. Московские купцы цыганского происхождения в конце XVIII — начале XIX вв.// Российская история. 2018. № 4. С. 121–127.

крестьянству подмосковных сел и деревень (Пушкино, Даниловское, Ивантеиха), а некоторые прибыли из числа вольноотпущенных крестьян С.А. Шереметева, генерал-майора М.Я. Сипягина, полковника И.И. Глебова. К середине XIX столетия в московском купечестве осталось лишь несколько цыганских семей, остальные перешли в мещанство.

Исходя из полученных данных о составе поручительства по каждой национальной группе, представленной в московском купечестве, можно составить типологию поручительств по национальным признакам. В первую группу будут включены поручительства, состоящие полностью из купцов русского происхождения; во вторую группу — купцы как русского, так и иноэтничного происхождения; в третью группу — купцы иноэтничного происхождения, включающие как соотечественников, так и представителей других национальностей (кроме местного русского купечества); в четвертую группу — исключительно соотечественники.

У 195 (25 %) среди поручителей были только купцы русского происхождения. Такие случаи можно расценивать как следствие сложившихся в крупном торговом городе связей, чьих-то рекомендаций или иных обстоятельств, не имевших национальной и религиозной окраски. Но в 89 случаях (11,5 %) русские купцы неоднократно упоминались поручителями у вступавших иностранцев. Так, у вступившего в московское купечество 1 гильдии в 1810 г. нежинского грека И.П. Бубуки, все трое поручителей были русского происхождения — купцы 1 гильдии И.С. Живов, П.И. Почепин и В.Ю. Бородин¹⁵², которые в свою очередь поручались и за других вступавших в московское купечество иностранцев: И.С. Живов — за перса М.А. Наврузова в 1817 г.¹⁵³ и немца И.Б. Гиппиуса в 1824 г.¹⁵⁴; П.И. Почепин — за немца И.Ф. Копша¹⁵⁵ и голландца А.Х. Стольте в 1809 г.¹⁵⁶, В.Ю. Бородин — за немцев Ф.И. Шпринга в 1789 г.¹⁵⁷ и Г. Бера — в 1791 г.¹⁵⁸.

Частая встречаемость тех или иных русских фамилий среди поручителей у представителей разных национальных групп, вероятно, констатирует международный характер торговли купцов русского происхождения, имеющих деловые отношения с иностранцами, которые зачастую являются посредниками в международной торговле. Отчасти наличие русских купцов среди поручителей у вступающих в

¹⁵² ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 133.

¹⁵³ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 447.

¹⁵⁴ Там же. Д. 1528.

¹⁵⁵ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 118.

¹⁵⁶ Там же. Л. 127.

¹⁵⁷ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 4022.

¹⁵⁸ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 10.

московское купечество иностранцев можно объяснить однородной торговлей. Но далеко не всегда. Например, купец 1 гильдии Ф.А. Лузаков поручился за пятерых немцев — Ф. Зегера¹⁵⁹, книготорговца Я. Бибера¹⁶⁰, публичного нотариуса А. Пеля¹⁶¹, А. Россиуса¹⁶² и владельца цветочного магазина М. Шаура¹⁶³, голландца И. Брамера¹⁶⁴, торговца пушниной, за англичанина И. Мейбома¹⁶⁵, итальянца Й. Викиари¹⁶⁶, торговавшего эстампами, и грека Е. Станевича, производившего торг в ветошном ряду¹⁶⁷.

Удельный вес поручительств, в которых были представлены русские купцы, у разных национальных групп варьировался. У итальянцев он составлял лишь 8–20 % (первая цифра, 8 %, означает удельный вес купцов, поручители которых повторно не упоминались в составе поручительств других иностранцев); вторая цифра (20 %) — удельный вес данной группы без учета поправок на повторное поручительство у иностранцев), у немцев он был среднестатистическим — 14–26 % (или 36–79 из 309), у французов — существенно ниже среднестатистического показателя: 6–13 % или (12–24 из 188). Подавляющее большинство французов вступило в московское купечество в период с 90-х гг. XVIII в. до Отечественной войны 1812 г. (149 из 188), т.е. в период обострения отношений между Россией и Францией. Надо полагать, что и заручиться поддержкой у местного купечества им было гораздо сложнее, чем представителям других национальностей.

У греков данный тип поручительства был выше среднестатистической нормы и составлял 18–39 % (или 14–26 из 66). У армяно-григорианской общины — 25 % (или 8 из 32). Среди купцов-мусульман доля поручившихся за них русских купцов также невелика — 11–21 % (3–6 из 28).

Чаще наблюдаются случаи, когда состав поручительства у купцов иноэтничного происхождения был смешанным, и среди поручителей и поручаемых могли быть представлены как русские, так и купцы иностранного происхождения — в 268 (35 %) случаях. В данную группу включено 115 из 309 немцев (или 37 %), половина от всех швейцарских и британских уроженцев, а также представителей армяно-григорианской общины, по 11, 10 и 16 купцов соответственно.

¹⁵⁹ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3 Д. 4333.

¹⁶⁰ Там же. Д. 4586.

¹⁶¹ Там же. Д. 5013.

¹⁶² ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 8 об.

¹⁶³ Там же. Л. 95.

¹⁶⁴ Там же. Л. 46 об.

¹⁶⁵ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 2406.

¹⁶⁶ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 30.

¹⁶⁷ Там же. Л. 124 об.

Удельный вес данной группы среди греков и представителей мусульманских этносов был примерно равным — по 42 % (8 из 66) и 43 % (12 из 28). Низкий удельный вес представителей смешанной группы поручительства отмечен у купцов французского и итальянского происхождения — 24 % (45 из 188) и 29 % (10 из 34) соответственно.

У 129 купцов из группы смешанного поручительства, т.е. почти у половины из представленной группы, купцы русского происхождения неоднократно встречаются поручителями и у других иностранцев.

У 309 (40 %) купцов иноэтничного происхождения состав поручительства был полностью иностранным. При этом в 146 (19 %) случаях среди поручителей и поручаемых могли встречаться не только соотечественники и единоверцы, но и представители других национальностей и конфессий. Более того, в некоторых случаях состав поручительства мог быть хотя и полностью иностранным, но представлен лицами других национальностей. Такая тенденция наблюдается у 28 купцов. У 163 (21 %) купцов зафиксирован полностью однородный состав поручительства, представленный соотечественниками и единоверцами.

Купцов первой и второй групп объединяет присутствие купцов русского происхождения в составе поручительства — 375 (48,6 %) случаев. При этом следует принять во внимание тот факт, что у 235 из них поручившиеся русские купцы уже неоднократно фигурировали в других делах о вступлении иностранцев в купечество.

Купцов второй, третьей и четвертой групп объединяет то, что среди их поручителей выступают купцы иноэтничного происхождения. Данная тенденция наблюдается у 577 (75 %) купцов с выявленным составом поручительства. У 442, или 57 % среди поручителей встречаются их соотечественники. Таким образом, среди купцов иноэтничного происхождения тенденция коммуникации внутри этноконфессиональной среды преобладала.

Подводя итог изучению состава поручительства в контексте темы коммуникаций у московских купцов иноэтничного происхождения, следует сказать, что, даже несмотря на фрагментарность этих данных, можно проследить четко выраженную тенденцию поддержания деловых связей внутри национальных общин. Хотя встречается полностью русский состав поручителей, последние неоднократно выполняли эту роль, и это, вероятно, говорит в пользу международного характера их торговли. Также наблюдаются значительные различия в составе поручительства по национальному признаку у лиц разных национальностей и конфессий, представленных в московском купечестве. Например, у купцов французского происхождения, а также у цыган и мусульман (татар, бухарцев и персов) наиболее часто встре-

чались среди поручителей соотечественники, а доля купцов русского происхождения была довольно низка, и если они и встречались, то в основном речь идет о неоднократном поручительстве за иностранцев. Изучение сведений о поручительстве позволило проследить земляческие связи у ряда купцов итальянского, швейцарского и британского происхождения. В то же время немногочисленные выходцы из Швеции, Дании и Голландии явно тяготели к своим более многочисленным единоверцам — немцам.

References

- Amir'yants I.A. *Armyane Moskvyy* [Moscow's Armenians] // *Moskva. Narody i religii* [Moscow: People and Religions]. Moscow: IEA RAN, 1997. P. 135–147.
- Ananyan Zh., Khachatryan V. *Armyanskiye obshchiny Rossii* [Armenian Communities in Russia]. Yerevan: M. Varandyan, 1993. 119 p.
- Dyomkin A.V. *Britanskoye kupechestvo v Rossii XVIII veka* [British Merchants in the 18th-century Russia]. Moscow: IRI RAN, 1998. 249 p.
- Dyomkin A.V. *Kupechestvo v Rossii XVIII veka. Formirovaniye gorodskikh kupecheskikh soobshchestv i torгово-promyshlennyy otkhod. Ocherki* [Merchants in the 18th-century Russia. Formation of Urban Merchant Communities and Commercial and Industrial Leaving for Seasonal Work. Essays]. Moscow: [S. n.], 1996. 20 p.
- Dönninghaus V. *Nemtsy v obshchestvennoy zhizni Moskvyy: simbioz i konflikt (1494–1941)* [Die Deutschen in der Moskauer Gesellschaft: Symbiose und Konflikte (1494–1941)] / Trans. from German. Moscow: ROSSPEN, 2004. 502 p.
- Fel'dman D.Z. *Spornoye delo 1790 goda: o polozhenii yevreyskikh kuptsov v Moskve (iz arkhiva A.A. Bezborodko)* [The Controversial Case of 1790: On the Situation of Jewish Merchants in Moscow (from the Archive of A.A. Bezborodko)] // *Vestnik arkhivista*. 2006. № 6. P. 97–109.
- Filippov D.Yu. *Svyazi kasimovskogo kupechestva s Moskvoy v kontse XVIII — XIX vv.* [Ties of the Kasimov Merchants with Moscow in the Late 18th — 19th Centuries] // *II konferentsiya "Goroda Podmoskov'ya v istorii rossiyskogo predprinimatel'stva i kul'tury"* [The 2nd Conference "Towns of the Moscow Region in the History of Russian Entrepreneurship and Culture"]. Serpukhov: Serpukhovskoy istoriko-khudozhestvennyy muzey, 1997. P. 44–47.
- Grigor'yan A.V. *Iz istorii armyanskoy kolonii Moskvyy* [From the History of the Armenian Colony in Moscow] // *Etnicheskiye gruppy v gorodakh yevropeyskoy chasti Rossii (formirovaniye, dinamika, rasseleniye)* [Ethnic Groups in Cities of the European Part of Russia (Formation, Dynamics, Settlement)]. Moscow: MFGO, 1987. P. 49–58.
- Khayretdinov D.Z. *Musul'manskaya obshchina Moskvyy v XIV — nachale XX veka* [The Muslim Community in Moscow in the 14th — Early 20th Centuries]. Nizhniy Novgorod: Medina, 2002. 248 p.
- Laryushkin O.V. *Greki v sostave moskovskogo kupechestva (1782–1811 gg.): integratsiya v russkuyu sredu* [Greeks among the Moscow Merchants (1782–1811): Integration into the Russian Environment] // *Vestnik MGOU. Series: Istoriya i politicheskiye nauki*. 2014. № 3. P. 82–87.

Laryushkin O.V. *Moskovskiye kuptsy grecheskogo proiskhozhdeniya: rol' v trgovoy i obshchestvennoy zhizni goroda (70-ye gg. XVIII v. — seredina XIX vv.)* [Moscow Merchants of Greek Origin: Their Role in the Commercial and Social Life of the City (the 70s of the 18th Century — Mid-19th Centuries)] // *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy shkoly-konferentsii molodykh uchenykh (8–9 oktyabrya 2019 g.)* “*Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do XXI veka: problema, diskussii, novyye vzglyady*” [Acta of the International Scientific and Practical Workshop and Conference of Young Scholars “History of Russia from Ancient Times to the 21st Century: Problems, Discussions, New Approaches”]. Moscow: IRI RAN, 2019. P. 69–82.

Laryushkin O.V. *Moskovskiye kuptsy tsyganskogo proiskhozhdeniya v kontse XVIII — nachale XIX vv.* [Moscow Merchants of Gypsy Origin in the Late 18th — Early 19th Centuries] // *Rossiyskaya istoriya*. 2018. № 4. P. 121–127.

Moskovskie nemtsy: Chetyre veka s Rossiyei. Sb. statey [Moscow's Germans: The Four Centuries with Russia. Collected Articles]. Moscow: Fabrika ofsetnoy pechati, 1999. 71 p.

Muradyan S. *Armianskoye Vagan'kovskoye kladbishche (k 200-letiyu so dnya osnovaniya)* [Armenian Vagankovskoe Cemetery (To the 200th Anniversary of Its Foundation)]. Yerevan: Graber, 2007. 107 p.

Nemtzy v Moskve: istoricheskiy vklad v kul'turu stolitsy. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 850-letiyu Moskvyy. Sb. dokladov [Germans in Moscow: Historical Contribution to the Culture of the Capital. International Scientific Conference Dedicated to the 850th Anniversary of Moscow. Collected Papers]. Moscow: Obshchestvennaya akademiya nauk rossiyskikh nemtsev, 1997. 356 p.

Nemtzy v obshchestvennoy i kul'turnoy zhizni Moskvyy. XVI — nachalo XX vv. (materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 15–16 fevralya 1999 g.) [Germans in the Social and Cultural Life of Moscow in the 16th — Early 20th Centuries (Acta of the International Scientific Conference, February 15–16, 1999)]. Moscow: GIM, 1999. 160 p.

Rzheutskiy V.S. *Istoriya frantsuzskogo zemlyachestva v Rossii v XVIII — nachale XIX veka* [The History of the French Community in Russia in the 18th — Early 19th Centuries]. Abstract of the PhD Candidate in History Diss. Saint Petersburg: Peterburgskiy institut istorii RAN, 2003. 25 p.

Vateyshvili D.L. *Gruziya i yevropeyskiye strany. Ocherki istorii vzaimootnosheniy XIII–XIX vv.* [Georgia and European Countries. Essays on the History of Relationships in the 13th–19th Centuries]. Moscow: Nauka, 2006. 774 p.

Zakharov V.N. *Obshchiny inostrannykh kuptsov v Rossii v XVIII v.* [Communities of Foreign Merchants in Russia in the 18th Century] // *Ekonomicheskaya istoriya: yezhegodnik* [Economic History: Yearbook]. Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 13–30.

Zakharov V.N. *Zapadnoyevropeyskiye kuptsy v rossiyskoy trgovle v XVIII v.* [Western European Merchants in Russian Trade in the 18th Century]. Moscow: Nauka, 2005. 716 p.

Поступила в редакцию
22 июня 2020 г.

М.В. Новиков, Т.Б. Перфилова*

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ М.М. ХВОСТОВА

M.V. Novikov, T.B. Perfilova

FORMATION OF M.M. KHVOSTOV'S SCIENTIFIC WORLDVIEW

Аннотация. Предметом данного исследования являются некоторые особенности научного мировоззрения М.М. Хвостова (1872–1920), внесшего серьезный вклад в формирование нового образа исторической науки, в изучение различных аспектов истории Древнего мира. Делается попытка выявить корреляцию между рядом теоретико-методологических подходов к изучению истории М.М. Хвостова и трех главных его учителей — профессоров Московского университета П.Г. Виноградова, В.И. Герье, В.О. Ключевского. Впервые исследование проведено на основе компаративного анализа основных научных трудов М.М. Хвостова и его наставников. Отмечается заимствование у П.Г. Виноградова позитивистской гносеологии и исследовательской парадигмы, что не означало, тем не менее, их простого копирования. В творческом наследии М.М. Хвостова просматриваются рецепции взглядов и идей В.И. Герье: об органичности исторического процесса, о недопустимости как недооценки, так и переоценки роли личности в истории, об особенностях конструирования образа истории. Следуя в целом правилам историко-социологического дискурса В.О. Ключевского, М.М. Хвостов демонстрировал собственные представления о развитии общества, развил идеи своего наставника о движущих силах исторической

* *Новиков Михаил Васильевич*, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского

Novikov Mikhail Vasil'yevich, Doctor in History, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head, Department of Theory and Methodology of Professional Education, K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University

+7-903-690-45-95; novikov@yspu.org

Перфилова Татьяна Борисовна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского

Perfilova Tatiana Borisovna, Doctor in History, Professor, Leading Research Fellow, Department of Theory and Methodology of Professional Education, K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University

+7-909-281-75-45; m.novikov@yspu.org

эволюции. Он искал подтверждения повторяемости экономических циклов в истории народов древности, стремился понять принципы исторического детерминизма. Вслед за В.О. Ключевским М.М. Хвостов признавал решающую роль экономического фактора в историческом процессе, соотнося с ним все остальные изменения в жизни общества. В результате исследования доказано, что принадлежность учителей М.М. Хвостова к различным течениям российской исторической мысли не могла не сказаться на его подходах к решению узловых вопросов философии и гносеологии истории. Эклектизм и противоречия становятся очевидными при сопоставлении отдельных положений, представленных в его трудах разных лет. Тем не менее, М.М. Хвостов имел собственные научные приоритеты, был оригинальным исследователем, стремился адекватно реагировать на интеллектуальные вызовы рубежной эпохи XIX–XX вв. и вносить коррективы в свои теоретические представления.

Ключевые слова: М.М. Хвостов, П.Г. Виноградов, В.И. Герье, В.О. Ключевский, методология исторического исследования, Московский университет.

Abstract. This study focuses on some features of the scientific outlook of M.M. Khvostov (1872–1920), who made a serious contribution to the formation of a new profile of historical science, as well as to the study of various aspects of the history of the Ancient world. The authors attempt at finding the correlation between a number of Khvostov's theoretical and methodological approaches to the study of history and the ones employed by his three main teachers, professors of Moscow University P.G. Vinogradov, V.I. Guerrier, and V.O. Klyuchevsky. For the first time, the study is based on a comparative analysis of the main works by Khvostov and his teachers. It is noted that he resorted to (though not imitated) Vinogradov's positivist gnoseology and research paradigm. Khvostov's creative heritage reveals reception of Guerrier's views and ideas on the organic nature of the historical process, the inadmissibility of under- and overestimation of the role of the individual in history, and peculiarities of constructing the image of history. Following in general Klyuchevsky's historical and sociological discourse, Khvostov demonstrated his own ideas about the social development, developed the concepts of his teacher concerning the driving forces of historical evolution. He searched for evidence of the recurrence of economic cycles in the history of the peoples of antiquity, sought to understand the principles of historical determinism. Following Klyuchevsky, Khvostov recognized the decisive role of the economic factor in the historical process and correlated with it all the other changes in the social life. As a result of the research, the authors prove that the affiliation of Khvostov's teachers to different schools of Russian historical thought could not but affect his approaches to solving the core issues of philosophy and gnoseology of history. The eclecticism and contradictions become apparent by comparing individual ideas presented in his works of different years. Nevertheless, Khvostov had his own academic priorities, and as an independent original scholar sought to respond adequately to the intellectual challenges of the boundary epoch of the late 19th and early 20th centuries and make adjustments to his theoretical approaches.

Keywords: M.M. Khvostov, P.G. Vinogradov, V.I. Guerrier, V.O. Klyuchevsky, methodology of historical research, Moscow University.

Михаил Михайлович Хвостов (1872–1920) принадлежит к числу видных провинциальных историков конца XIX — начала XX в., получивших в Московском университете не только формальное историческое образование, но и впитавших в себя многие теоретико-методологические установки, которыми руководствовались его научные наставники.

Мировоззрение М.М. Хвостова и его профессиональная биография не раз привлекали внимание специалистов¹. Наше обращение к интеллектуальному наследию казанского профессора продиктовано не только приближающимся 150-летием со дня его рождения и 100-летием памяти о нем, но и попыткой на основе компаративного анализа научных трудов М.М. Хвостова и его ученых наставников разобраться в том, что и как из унаследованных научных и образовательных традиций московских преподавателей было использовано им в дальнейшей профессиональной деятельности. Данная публикация является также продолжением наших исследований, созданных в новом направлении истории интеллектуальной мысли и посвященных наукотворчеству видных российских историков конца XIX — начала XX в.²

М.М. Хвостов родился в 1872 г. в Керчи в семье известного юриста, выпускника Императорского Московского университета. В двухлетнем возрасте будущий историк потерял отца, но это не помешало семье дать ему достойное образование: сначала домашнее, а затем и гимназическое. Окончив Керченскую гимназию в 1891 г., золотой медалист без труда поступил на историко-филологический факультет Московского университета³. Его учителями были выдающиеся профессора, блестящие ученые с мировой славой П.Г. Виноградов (1854–1925), В.И. Герье (1837–1919), В.О. Ключевский (1841–1911). Им М.М. Хвостов был обязан и «выработкой общего исторического мирозерцания»⁴, и отличными познаниями в древней

¹ См., например: Бессмертный Ю.Л., Хвостова К.В. М.М. Хвостов и его взгляды на историю западноевропейского крестьянства (по материалам неопубликованного курса лекций) // История и историки. Историографический ежегодник. 1977 / Отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1980; Матвеева И.Н. К вопросу о научной и педагогической деятельности М.М. Хвостова // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1968. Вып. 3; Фролов А.Д. Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 175–396; Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1979.

² Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Вопросы теории исторического познания в трудах Р.Ю. Виппера // Университетский научный журнал. 2012. № 2. С. 101–118; Перфилова Т.Б. Образ афинской демократии в антиковедении Нового времени: интерпретация В.П. Бузескула. Ярославль, 2007; Перфилова Т.Б. Эманации «коллективной души» человека античности в научных рефлексиях Ф.Ф. Зелинского. Ярославль, 2009.

³ Шофман А. С. Указ. соч. С. 7.

⁴ Хвостов М.М. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. — 284 г. по Р. Х.). Казань, 1907. С. XXVII.

истории⁵, и крепкими навыками работы с историческими свидетельствами, что позволило ему в дальнейшем создать свои рекомендации о «познавательных путях, при помощи которых мы в состоянии познать прошлое человеческих обществ»⁶.

Особо доверительные и теплые отношения сложились у студента Хвостова с Павлом Гавриловичем Виноградовым, которого во введении к магистерской диссертации он называл своим первым учителем по Московскому университету, сообщая при этом, что лекции уважаемого профессора и «занятия в его семинарии легли в основу моего исторического образования»⁷. Целеустремленность способного, добросовестного, начитанного студента, показывавшего отличные знания по всем курсам и отмеченного за успехи именной стипендией⁸, не могли оставить равнодушным и масти того ученого, который стал делиться с воспитанником и своим пристрастием к общественно-политическим проблемам истории, и своими убеждениями, формировавшимися в лоне классического позитивизма⁹.

Если сравнивать научно-исторические и мировоззренческие позиции М.М. Хвостова и его многоопытного наставника, то трудно не заметить того, как много их сближало.

К примеру, П.Г. Виноградов был уверен в том, что история представляет собой не «капризное сплетение разнокалиберных событий», а является выражением «строгой внутренней необходимости»¹⁰. Эту необходимость историческому процессу сообщают «глубокие движущие силы»: социальные и политические «идеи и учреждения», экономические устои, правовые отношения. Хотя профессор никогда специально не выделял материальные условия жизни людей среди других исторических сил, участвовавших в развитии древних обществ, его интерес к проблеме социально-экономической эволюции даже позволил Н.И. Карееву обвинить своего коллегу в том

⁵ Профессора П.Г. Виноградов и В.И. Герье известны в науке как медиевисты и специалисты по истории Нового времени, но в период обучения М.М. Хвостова в Московском университете они читали курсы по истории Древней Греции и Рима. См.: *Кареев Н.И.* Памяти двух историков // *Анналы: журнал всеобщей истории.* 1922. № 1. С. 158, 164; *Матвеева И.Н.* Указ. соч. С. 146.

⁶ *Хвостов М. М.* Лекции по методологии и философии истории. 2-е изд. М., 2011. С. 85.

⁷ *Хвостов М. М.* История восточной торговли греко-римского Египта. С. XX-VII.

⁸ *Шофман А. С.* Указ. соч. С. 7, 8.

⁹ *Малинов А.В.* Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. СПб., 2005. С. 56–57.

¹⁰ *Виноградов П.Г.* Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы // *Русская мысль.* 1890. Кн. 1. С. 84.

«грехе», что он «держится исторической теории, довольно близкой к так называемому экономическому материализму»¹¹.

Для М.М. Хвостова изучение экономического быта народов древности и обусловленных им социально-политических процессов¹², отношений и структур превратилось в научное кредо.

П.Г. Виноградов, следуя позитивистской исторической парадигме, исходил из методологического монизма наук о природе и наук о культуре. Он использовал биологические аналогии применительно к развитию общества: считал общество разумным организмом; в «расчленении» общества на профессии, состояния, сословия видел проявления «дифференциации функций и дифференциации строения», а в совместной деятельности классов — иллюстрацию процесса интеграции стремящихся к слаженности частей и функций организма¹³; переносил на общество закономерности, свойственные миру живой природы, в частности, утверждал естественность, органичность, плавность всех изменений, происходивших в социальной среде¹⁴. Ученый был поборником идеи «глобального эволюционизма»¹⁵, причем не видел принципиальной разницы между эволюцией и прогрессом и, кроме того, не сомневался в прогрессивном характере всех общественных изменений, расценивая их как симптомы совершенствования общечеловеческой культуры¹⁶.

Органическое видение исторического процесса, при котором общество представлялось эволюционно развивающимся организмом, имплицировало не только научные воззрения, но и идейно-политическую ориентацию П.Г. Виноградова: приверженность умеренному либерализму. Он был решительным противником революционных потрясений, рассматривая их как патологию, зло, стихийную силу, разрушавшие органическую целостность и общества, и государства¹⁷.

М.М. Хвостов, хотя и относился ко второй генерации ученых-позитивистов, разделял практически все перечисленные убеждения

¹¹ Нечухрин А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. — 1917 г.). Гродно, 2003. С. 28.

¹² См., например: Хвостов М.М. Э. Мейер. Экономическое развитие Древнего мира. Перевод под ред. М.О. Гершензона. СПб., 1898 // Образование: педагогический и научно-популярный журнал. 1898. № 5–6. Май, июнь. С. 91.

¹³ Виноградов П.Г. О прогрессе // Виноградов П.Г. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.В. Антощенко. М., 2010. С. 66, 72.

¹⁴ Там же. С. 66, 67.

¹⁵ Там же. С. 57.

¹⁶ Там же. С. 77–81.

¹⁷ Антощенко А.В. Россия на переломе (о проблемах российской истории в публицистике П.Г. Виноградова) // Виноградов П.Г. Россия на перепутье: Историко-публицистические статьи / Сост., предисловие, коммент. А. В. Антощенко. М., 2008. С. 37, 38, 41, 42.

своего учителя. Он даже позже своих современников¹⁸ отказался от использования понятия «прогресс» в отношении исторического процесса и не считал предосудительным сохранение в лекционных курсах оценочных выражений — «прогрессивные взгляды», «прогрессивные технологии», выражая тем самым свою принадлежность к «либеральной русской интеллигенции»¹⁹.

М.М. Хвостову оказался близок и идеал позитивистской гносеологии, который в своих исследованиях воплощал П.Г. Виноградов. Профессор, следуя «запросу [времени] на осмысленное изложение исторических фактов», связывал свои надежды на создание подлинной исторической науки с обструкцией метафизики²⁰, выполнением позитивистских требований точности и, как в естественных дисциплинах, безошибочности результатов исследования, обеспечением строгой объективности выводов²¹, умением приводить исторические явления в стройную, внутренне обусловленную связь²². Не доверяя общим теориям историко-философского и отвлеченно-социологического характера из-за слабой обоснованности их теоретических положений, П.Г. Виноградов, тем не менее, считал важным делом ученых открытие исторических законов²³, способных, по его мнению, «внести ясность и принципиальность в хаотическое многообразие исторического материала», а потому и был не прочь возложить эту функцию на социологию²⁴.

Запрос на создание новой науки об истории общества оказался понятен М.М. Хвостову, который с энтузиазмом принялся разрабатывать востребованную «реалистически мыслящими» учеными модель социологической истории, основанную на широких обобщениях эмпирического материала, истолковывавшегося с позиции открытых социологических закономерностей в отношении движу-

¹⁸ Исключение составляет М.М. Ковалевский. См.: Сафонов Б.Г. М. М. Ковалевский как социолог. М., 1960. С. 101–194.

¹⁹ Нечухрин А.Н. Указ. соч. С. 24.

²⁰ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 35, 56.

²¹ Виноградов П.Г. История Греции. Курс лекций, читанных на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета. М., 1892–1893. С. 7, 23, 121.

²² Нечухрин А.Н. Указ. соч. С. 14, 15.

²³ В курсе лекций «История Греции» мы обнаружили три таких закона, которые профессор называл «всемирно-историческими»: «всякое завоевание... имеет обязательным последствием социальное неравенство, появление привилегированного класса победителей и угнетенного — побежденных»; «продолжительная военная деятельность обязательно выдвигает олигархию и даже единовластие»; «под влиянием постоянной военной потребности внутренняя жизнь государства начинает переформатироваться в ... направлении» успешного удовлетворения военных задач. См.: Виноградов П.Г. История Греции. С. 107, 273, 287, 288.

²⁴ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 35.

щих исторический процесс сил. К ним он относил «природу страны, рост народонаселения, влияние соседей, потребности индивидов, составляющих общество, и деятельность этих индивидов, направленную к удовлетворению их потребностей, формы общественной организации, уровень знаний об обществе, степень сознательного воздействия общества на свою структуру»²⁵.

Все отмеченные нами совпадения в организации дискурса наставника и ученика свидетельствовали о преемственности воплотившегося в наукотворчестве М.М. Хвостова осмысления исторического процесса и способов его познания, что и позволяло современникам отнести его к «школе» П.Г. Виноградова²⁶.

Разумеется, степень влияния учителя на ученика не следует преувеличивать. М.М. Хвостов был самостоятельным мыслителем, который следовал своим научным приоритетам, стремился реагировать на интеллектуальные запросы рубежной эпохи, а они вносили коррективы в неосознанно воспринятые в студенческие годы исторические идеи и теоретические представления.

Чтобы убедиться в этом, мы проанализируем лекционные курсы по истории Древней Греции, разработанные П.Г. Виноградовым и М.М. Хвостовым.

Первое издание «Истории Древней Греции» М.М. Хвостова относится к 1908 г.²⁷; учебник его наставника под одноименным названием появился в 1893 г. Казалось бы, разрыв в пятнадцать лет для изложения давно минувшей истории — ничтожно малый срок, но разница в отборе, систематизации, интерпретации содержания курса настолько очевидна, что создается впечатление, что появление учебной продукции учителя и ученика разделяла целая эпоха..

М.М. Хвостов предстает перед нами как апологет социально-экономического направления историографии античности, П.Г. Виноградов — как сторонник социально-политической истории²⁸. М.М. Хвостов разделял широко распространенную на рубеже веков концепцию

²⁵ Хвостов М.М. История Греции: Курс лекций. Изд. 3-е, испр. М., 2007. С. 23.

²⁶ Грацианский Н.П. Памяти М.М. Хвостова: Речь, произнесенная в заседании Общества 5 апреля 1920 года // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1921. Т. XXXI. Вып. 1–3. С. 92.

²⁷ Грацианский Н.П. Указ. соч. С. 101. Переработанный вариант курса появился в 1917 г.

²⁸ Достаточно взглянуть на структурирование материала лекций, посвященных исторической реконструкции Гомеровской эпохи. П.Г. Виноградов завершает изложение раздела о древнейшем прошлом Эллады в освещении «Илиады» и «Одиссеи» (лекции 6–9) «материальной организацией общества» (с. 80–83), в то время как начинает с «политического устройства гомеровского общества» (с. 61–74) и «социальных разграничений» (с. 74–80). У М.М. Хвостова, напротив, тема VIII «Греческое Средневековье» открывается (после разбора «Гомеровского вопроса») изложением «хозяйственного строя» гомеровского общества (с. 106–117). Затем следует параграф

феодализма в Древнем мире и трактовал внутривосточную борьбу в Афинах и других передовых греческих полисах как следствие потребности в ликвидации средневековых порядков²⁹. Для П.Г. Виноградова история Древней Греции — это часть истории Древнего мира, которую «можно объяснить с точки зрения постоянной эксплуатации рабского труда»³⁰. М.М. Хвостов на конкретном историческом материале стремился подтвердить полученные априорным путем социологические закономерности, в частности, обосновать факторную теорию исторического процесса. П.Г. Виноградов сам пытался формировать эмпирические обобщения, придавая им статус всемирно-исторических законов³¹. Убеждение в равноценности всех проявлений общественной активности, из которых сплетается ткань истории, помешало ему даже снабдить свой курс оглавлением: это потребовало бы от него отдать предпочтение одним событиям, явлениям, процессам и оставить в пренебрежении другие. Нет в его учебнике и названия лекций, и деления их на логические структурные звенья — разделы или параграфы.

М.М. Хвостов, следуя, как и его наставник, принципу эволюционизма и идее естественного происхождения всех «новообразований», не лишил свой курс периодизации, совмещавшей «историю состояний» и «историю событий», хотя и был скептически настроен к попыткам «искусственно» обозначать «переходы от одного периода к другому»³². В его лекциях наблюдается строгая последовательность изложения исторического процесса в греческих полисах: сначала разбираются экономические изменения, произошедшие в обозначенный период, затем рассматриваются взаимоотношения главных социальных «группировок»; характеристика политико-правовых институтов венчает «историю состояний».

Забота об адекватном восприятии студентами процессов исторической эволюции греческих полисов заставляла П.Г. Виноградова использовать многочисленные аналогии и сравнения, в том числе с современными ему революционным накалом страстей и партийной борьбой³³, но у него нет той безудержной, на наш взгляд, модернизации, которая под пером М.М. Хвостова лишает Древний мир его исторической уникальности и грубо искажает смысл внутривосточных коллизий, имевших место в Элладе.

«Родовые и племенные деления» (с. 117–130), плавно переходящий в параграф «Государственный строй» (с. 130–138).

²⁹ См., например, периодизацию древнегреческой истории (с. 35–37).

³⁰ Виноградов П.Г. История Греции. С. 110. Аналогично: с. 79, 80.

³¹ Там же. С. 107, 273, 287, 288.

³² Хвостов М.М. История Древнего Востока / Под ред. Г. Пригоровского. 2-е изд. Л., 1927. С. 5.

³³ Виноградов П.Г. История Греции. С. 31, 108, 143, 147, 178, 180, 269, 341, 453 и др.

П.Г. Виноградов был гораздо искушеннее М.М. Хвостова как оратор и стилист: если лекции М.М. Хвостова своими строгостью и лаконичностью напоминают конспект, то у его научного руководителя они воспринимаются как захватывающий, полный драматизма рассказ.

Несмотря на эти различия, печать «школы» П.Г. Виноградова в «Истории Греции» М.М. Хвостова всё же присутствует. Он, как и его более опытный преподаватель, концентрировал внимание на глубинных процессах внутривосточного развития мира греческих полисов, оставляя в тени духовный мир эллинов; он так же в меньшей степени был увлечен «изображением» событий, даже эпохальных, сосредоточивая максимум усилий на анализе «истории состояний», или «разрезе исторической жизни»³⁴, а если и осуществлял разбор «фактов из истории общества»³⁵, то предпочитал комментировать их как проявление «борьбы партий». И П.Г. Виноградов, и М.М. Хвостов придерживались принципа историзма, стремясь «увидеть» воссоздававшиеся процессы и явления глазами самих греков³⁶. Они оба являлись сторонниками проблемного изложения общественной эволюции обитателей Балканского полуострова; и тот и другой инкорпорировали в тексты учебников фрагменты источников на древнегреческом языке и давали детальное, особенно П.Г. Виноградов³⁷, истолкование смысла отдельных слов и предложений, формируя тем самым у студентов навыки критического анализа древних авторов. Оба преподавателя предстают перед нами высококвалифицированными учеными, знатоками новейшей зарубежной историографии античности³⁸, достойными представителями исторической науки конца XIX — начала XX в., вовлеченными в процесс обновления ее теоретико-познавательных основ³⁹.

³⁴ Там же. С. 247.

³⁵ Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. С. 28.

³⁶ Виноградов П.Г. История Греции. С. 153; Хвостов М.М. История Греции. С. 190–192.

³⁷ Виноградов П.Г. История Греции. С. 159, 167–176, 277–279; Хвостов М.М. История Греции. С. 132–133, 135.

³⁸ У М.М. Хвостова специальный раздел учебника был посвящен «Новой историографии в области греческой истории» (С. 21–35). Автор выделил три периода в развитии научных представлений об истории Древней Греции: 1) с эпохи возникновения историографии до второй половины XVIII в.; 2) со второй половины XVIII в. до 80-х гг. XIX в.; 3) с 80-х гг. XIX в. «до нашего времени» (1917 г. — М.Н., Т. П.). См.: Хвостов М.М. История Греции. С. 23–41.

П.Г. Виноградов в историографическом разделе своего учебника назвал только трех авторов как «главных историков Греции... Грота, Курциуса, Фюстель де Куланжа». См.: Виноградов П.Г. История Греции. С. 4–9.

³⁹ В учебнике П.Г. Виноградова большой интерес представляют рассуждения о «толпе» («массе») и гении (с. 219, 278), попытки внести ясность в использование понятия «культура» (с. 6, 350) и смысловое различие понятий «класс» и «сословие» (с. 187–193, 259–261).

Ученик М.М. Хвостова Н.П. Грацианский сообщал об искренней заинтересованности П. Г. Виноградова в успешности научной карьеры одного из своих самых лучших воспитанников. По его представлению в 1895 г. М.М. Хвостова оставили при кафедре всеобщей истории Московского университета для «приготовления» к профессорскому званию. «Под его же ближайшим руководством, — свидетельствовал Н.П. Грацианский, — Михаил Михайлович готовился к магистерскому экзамену. Год удаления П.Г. Виноградова из Московского университета⁴⁰ был и годом ухода из Москвы самого М.М. Хвостова⁴¹, который вновь благодаря протекции — рекомендательному письму своего уважаемого научного руководителя, в 1900 г. был приглашен для работы приват-доцентом в Императорский Казанский университет.

Возвращаясь к студенческим годам М.М. Хвостова, обратим внимание на то, что к профессорам старшего поколения, чей вклад в формирование историко-философских воззрений М.М. Хвостова был особенно заметен, помимо П.Г. Виноградова, следует отнести также Владимира Ивановича Герье. Его справедливо считают «основателем русской школы в области всеобщей истории»⁴². Именно В.И. Герье и его ученики завоевали на Западе признание русской исторической школе⁴³. Хотя В.И. Герье был последователем гегельянства и долгое время не признавал позитивизм⁴⁴, его научная основательность, разносторонняя образованность, умение ставить научные вопросы широко и решать их с философским уклоном, не могли не привлечь вдумчивого студента к одному из корифеев историко-филологического факультета.

Изучая наследие М.М. Хвостова, мы без труда обнаружили рецепции исторических идей и убеждений именитого профессора в его теоретико-методологических позициях. Одной из генеральных идей В.И. Герье, разделявшейся всеми его учениками и Хвостовым в том числе, была мысль об органичности исторического процесса. Из лекционного курса «Римская история»⁴⁵ М.М. Хвостов мог извлечь важную для его дальнейшей работы информацию о семантиче-

⁴⁰ См.: Антощенко А.В. Павел Гаврилович Виноградов // Виноградов П.Г. Избранные труды. М., 2010. С. 10–14.

⁴¹ Грацианский Н.П. Указ. соч. С. 92; подробнее см.: Цыганков Д.А., Наумов П.Ю. Ученики П.Г. Виноградова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Т. 89. № 4. С. 128–129.

⁴² Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. Ч. 1. Л., 1929. С. 153.

⁴³ Подробнее см.: Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010.

⁴⁴ Сафонов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976. С. 78.

⁴⁵ Герье В.И. Римская история. Литографированное изд. СПб., 1879. С. 72.

ской близости понятий «органическое» и «историческое»: оба они указывали на развитие, происходившее исподволь, естественно и непрерывно, без резких потрясений. Любой процесс (или явление) в свете органической теории имел свойство вызревать постепенно, сохранять связь и преемственность со своей исходной формой; любое самое грандиозное событие не возникало на пустом месте — оно было подготовлено всем предшествующим ходом развития, являлось результатом никогда не прекращающейся органической эволюции⁴⁶.

М.М. Хвостов как истинный последователь позитивистской философии не мог не оценить этих рассуждений В.И. Герье, которые к тому же соответствовали принципу непрерывности исторического процесса в изложении основателей «положительной» науки О. Конта и Г. Спенсера. Он, хотя и вынужден был признать роль «катастроф» в разрыве плавной и поступательной линии общественной эволюции⁴⁷, всё же проповедовал непреходящее значение для культурного прогресса гражданского мира, необходимость преодоления социально-политических кризисов мирными усилиями, путем реформ⁴⁸.

При рассмотрении вопроса о роли личности в истории, не терявшего своей актуальности в обществоведческом дискурсе на протяжении столетий, мы также можем наблюдать совпадение позиций В.И. Герье и М.М. Хвостова. Даже в тех случаях, когда будущий казанский профессор эксплицирует связь своей трактовки личностного фактора в историческом процессе исключительно с концепцией Ю. Белоха⁴⁹, у него, как и у В.И. Герье, рассуждения построены на признании взаимовлияния исторического гения и среды. Подобно тому, как обстоятельства способствуют выдвижению из «массы» выдающихся исторических персонажей, способных претворить новые прогрессивные идеи в жизнь, так и герои осознают и выражают потребности времени лучше своих современников, поэтому при отсутствии крупных общественных деятелей ход истории принимает другие очертания⁵⁰.

Подобно В.И. Герье, М.М. Хвостов выступал как против недооценки, так и против переоценки значимости воздействия индивида на ход истории. Не без влияния В.И. Герье М.М. Хвостов в одной из самых важных своих работ, в статье «К вопросу о задачах истории», развивал мысль своего учителя о том, что личность вносит в историю не поддающийся изучению усилиями точной

⁴⁶ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. С. 93.

⁴⁷ Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. С. 24, 25.

⁴⁸ Шофман А.С. Указ. соч. С. 45–48.

⁴⁹ Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. С. 78–81.

⁵⁰ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера ... С. 96, 97.

«положительной» науки иррациональный элемент⁵¹. Рассуждая на эту тему в контексте познания факторов общественной эволюции, М.М. Хвостов пришел к выводу о непостижимости индивидуальной психологии отдельных личностей из-за невозможности учесть затейливые комбинации всех известных науке «двигающих» историю сил⁵². Это заключение заставило его более пристально отслеживать первичное состояние и последующие изменения коллективной психологии, выражавшиеся в трансформациях форм социального взаимодействия, разнообразных поведенческих реакциях, искать корни социальности в человеческой психике и увлекаться психологическим редукционизмом⁵³.

Кстати сказать, В.И. Герье еще в 1865 г. в «Очерке развития исторической науки» поставил под сомнение те социологические теории, которые опираются исключительно на естественнонаучную трактовку общественных процессов, акцентируя весомость одних лишь объективных непреодолимых законов и материальных причин. Он считал обязательным при построении исторической доктрины учитывать «дополнительные начала к исторической необходимости» в виде волеизъявления, целеполагания, т.е. сознательных усилий людей, влияющих своими идеалами на историческое движение и его организацию. В рациональных и психологических началах профессор даже склонен был видеть причины многих явлений, дополнявших и конкретизировавших историческую необходимость⁵⁴. Таким образом, В.И. Герье одним из первых в России обозначил «промежуточный статус» истории. С одной стороны, история, изучающая социологические процессы, ради достоверности выводов использует методы естественных наук. С другой стороны, она обязана учитывать и субъективный момент, связанный с осмыслением мотивов и поступков человека, и на этом поприще апелляция к законам и принципам номотетического естествознания лишена всякого смысла⁵⁵.

Обозначив несводимость истории ни к чисто теоретическим, ни к сугубо описательным наукам, мыслитель мог возбудить интерес своего воспитанника к философско-историческим вопросам, в частности и к проблеме конструирования образа истории в сознании исследователя⁵⁶. Во всяком случае, впервые о «преломлении» истории, т.е. о ее невольном искажении историком в творческом процессе «расцве-

⁵¹ Там же. С. 87.

⁵² Хвостов М.М. К вопросу о задачах истории // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 819, 820.

⁵³ Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. С. 13, 14.

⁵⁴ Герье В.И. Очерк развития исторической науки. М., 1865. С. 14, 107–114.

⁵⁵ Там же. С. 113, 114.

⁵⁶ Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. С. 22, 23.

чивания» прошлого или тенденциозного осовременивая на потребу дня⁵⁷, М.М. Хвостов мог узнать на занятиях профессора В.И. Герье.

Разносторонне образованный ученый, «с прекрасной классической подготовкой и хорошим знанием новых языков» обладал еще и «строгим критическим методом, приобретенным им продолжительной работой над источниками под руководством немецких профессоров». На знаменитых семинариях историка вырабатывались навыки источниковедческого и историографического анализа, обсуждались рефераты, составленные на основе самостоятельного разбора учащимися литературных памятников, осуществлялись переводы работ ведущих европейских ученых. «Профессорским стипендиатам» — лучшим выпускникам, оставленным на историко-филологическом факультете для подготовки магистерских диссертаций, особенно важны были приёмы критики источников, которыми в совершенстве владел преподаватель⁵⁸. Многократно апробированные М.М. Хвостовым во время учебного процесса, они составили тот нетленный багаж сугубо профессионального исследовательского опыта, который выгодно отличал его от коллег по Казанскому университету⁵⁹.

Создавая свой преподавательский имидж, в котором особенно выделялись такие качества, как серьезность, вдумчивость, академизм⁶⁰, М.М. Хвостов также мог позаимствовать их у патриарха Московского университета, которого ценили за методическую строгость, основательность, точность и доказательность мыслей, умение сформировать у питомцев добросовестное, ответственное отношение к предмету исторического исследования⁶¹.

Что касается человеческих качеств: доброжелательности по отношению к студентам, уравновешенности, желания в трудных ситуациях придти к ним на помощь⁶² — а в этих душевных щедротах М.М. Хвостов, действительно, был неповторим, — то образцом для подражания, вне сомнения, для него являлся П.Г. Виноградов. Равных ему по благорасположению к людям на историко-филологическом факультете старейшего университета России не было⁶³, и, к чести казанского профессора, лучшее в профессиональном облике его ближайшего учителя не ускользнуло от его внимания.

⁵⁷ Герье В.И. Очерк развития исторической науки. С. 113.

⁵⁸ Ковалевский М.М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания) // Московский университет в воспоминаниях современников / Сост. Ю.Н. Емельянов. М., 1989. С. 495, 496.

⁵⁹ Грацианский Н.П. Указ. соч. С. 103, 104.

⁶⁰ Там же. С. 91.

⁶¹ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России ... С. 153; Кареев Н.И. Указ. соч. С. 160.

⁶² Грацианский Н.П. Указ. соч. С. 91, 104.

⁶³ Сафонов Б.Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. С. 83.

Называя преподавателей, участвовавших в формировании исторического мировоззрения М.М. Хвостова и оставивших заметный след в его профессиональной биографии, мы не можем не вспомнить также знаменитого историка Василия Осиповича Ключевского. Являясь крупнейшим в XIX в. специалистом по русской истории, ключевой фигурой Московской исторической школы, он воспринимался благодарными учениками и как историк-философ, и как психолог, и как последователь социально-экономического подхода к осмыслению исторической эволюции⁶⁴. Его привлекало изучение процесса развития социальных структур, но не всего человечества, а конкретного народа и выяснение влияния равнозначных сил, или факторов, в многообразии своих комбинаций «создающих и направляющих людское общежитие»⁶⁵. По сформированной позитивизмом мыслительной привычке он легко сближал исторические явления с физико-биологическими⁶⁶, но это не увело его в сторону априорного социологического схематизма, недооценивавшего особенные и уникальные образцы культуры, существовавшие в истории человечества. Напротив, только индивидуальное и неповторимое, как в событиях отдельных народов, так и в общем ходе их эволюции, служило для него показателем проявления общих и неизменных законов человеческого общежития⁶⁷.

В.О. Ключевский, как и многие интеллектуалы второй половины XIX в., увлекался позитивистской социологией, но он не относил ее к разряду абстрактных наук, способных подчинить себе историческое исследование. Напротив, он включал социологию в состав исторической науки, сближал ее с конкретной историей, превращал в историческую социологию, предназначенную для познания «тайны исторического процесса», т.е. для объяснения «многообразных и изменчивых... сочетаний внешних и внутренних условий развития, которые складываются... для того или другого народа на более или менее продолжительное время»⁶⁸.

Многомерность исторического процесса, проявлявшаяся в разнообразии постоянно действовавших и одновременно развивавшихся исторических связей, потребовала от ученого разработки новой, действенной методики изучения явлений и событий прошлого. Она заключалась в выявлении их происхождения и анализе процесса

⁶⁴ Там же. С. 42, 44.

⁶⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории (Лекции I–IV) // Ключевский В.О. Избранное / Сост., авторы вступ. ст. и комм. О.В. Волобуев, А.Ю. Морозов. М., 2010. С. 43; Он же. Дневники, дневниковые записи, мысли об истории // Там же. С. 635.

⁶⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 43, 44.

⁶⁷ Сафонов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера ... С. 51, 54, 57, 58.

⁶⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 46, 47.

развития при помощи привлечения надежных источников, а в случае их недостатка — использования ретроспективных операций: от последствий переходя к истокам разнообразных проявлений исторического процесса⁶⁹.

Называя себя историком-социологом⁷⁰, В.О. Ключевский выражал готовность изучать экспликацию малоподвижных начал человеческого общежития, образующихся из сложения «основных исторических сил»: «человеческой личности», общества, природной среды⁷¹. Никаких других регуляторов, которые сводили бы все исторические явления к причинам и следствиям и незримо, наподобие универсальных законов природы, управляли бы общественной эволюцией, он не признавал⁷². Более того, сомневаясь в том, что историю когда-либо можно будет представить в виде «разумно-сознательного, планомерного процесса» вместо «народно-психологического» состояния с постоянной сменой «настроений и движений»⁷³, он отрицал полезность для исторической науки философии истории и любые попытки истолкования исторического процесса с точки зрения философских абстракций или мистических сил считал профанацией⁷⁴. Всё его внимание было приковано к локальной истории с твердо очерченными пространственно-временными границами, где можно было выяснить действие исторических сил и, зная, что «каждая из этих сил вносит в состав общежития свой запас элементов и связей», выявлять из их состава первичные — простые — и вторичные — производные — компоненты, абсолютно не подверженные влиянию знаменитых персонажей⁷⁵.

М.М. Хвостов, так же, как и В.О. Ключевский, отказавшийся от всемирно-исторического подхода в пользу исторической эмпирии — изучения исторических процессов в конкретных древневосточных и античных цивилизациях, отчасти демонстрировал связь с историко-социологическим учением профессора, хотя в целом его представления об общественной эволюции имели и существенные отличия. Он развил идеи своего наставника о движущих силах, вызывавших социальные изменения, но делал это не просто как

⁶⁹ Историография истории России до 1917 г.: в 2 т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. Т. 2. М., 2004. С. 169–171.

⁷⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 55.

⁷¹ Там же. С. 47, 48.

⁷² Ключевский В.О. Дневники, дневниковые записи, мысли об истории. С. 634, 635.

⁷³ Там же. С. 635.

⁷⁴ Волобуев О.В., Морозов А.Ю. Василий Осипович Ключевский // Ключевский В.О. Избранное. М., 2010. С. 21.

⁷⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 48, 49.

историк, а исключительно как обществовед, не довольствовавшийся исторической социологией, но создававший свою социологическую историю⁷⁶. М.М. Хвостов не занимался, подобно московскому профессору, выяснением наличия общечеловеческих постоянных законов исторического развития, но всё же искал у народов древности повторяемость экономических циклов и тождество имевшихся внутри них фаз аналогичных изменений, наличие схожих стадий и этапов в усложнявшемся общественно-политическом устройстве. Ему также важно было понять принципы исторического детерминизма, поэтому ко всем импульсам, управлявшим, по его мнению, сменой исторических явлений, он относился очень серьезно. Объяснение исторического процесса во всей системной целостности выступает у него как важная методологическая потребность и приобретает социологическое значение.

То, что действительно сближало уважаемого профессора и начинающего ученого, заключалось в единстве логической модели исторического исследования: они оба признавали решающую роль экономического фактора в историческом процессе, с ним соотносили все прочие изменения в жизни общества, причем В.О. Ключевский стал одним из первых профессиональных историков России, кто начал утверждать примат экономического начала над политическим⁷⁷, правда, делал это только применительно к русской истории.

Именно В.О. Ключевский, отводивший решающую роль в историческом процессе коллективному началу⁷⁸, посеял сомнение в сознание М.М. Хвостова в отношении признания в исторической личности мощной силы, способной преломить плавный ход общественной эволюции⁷⁹. В своих «Лекциях по методологии...» М.М. Хвостов, используя многочисленные примеры из русской и зарубежной истории о соотношении индивидуальных и коллективных «факторов», пришел к заключению о неспособности даже самого гениального человека «произвести значительные перевороты в состояниях»: изменить хозяйственный уклад, уже обозначившиеся

⁷⁶ Хвостов М.М. К вопросу о задачах истории. С. 821, 824; Он же. Лекции по методологии и философии истории. С. 51.

⁷⁷ Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 63–66. Ю.В. Готье не включил М.М. Хвостова в число последователей В.О. Ключевского. См.: Трищина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010. С. 140.

⁷⁸ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера ... С. 59.

⁷⁹ В своих «Лекциях по методологии и философии истории» М.М. Хвостов упоминает имя В.О. Ключевского именно в разделе «События и состояния». Мы читаем: «В “Курсе русской истории” профессора Ключевского изложение так же (как у Милюкова, Ф. де Куланжа. — М.Н., Т.П.) чаще сводится к характеристике состояний, а не событий» (С. 23).

тенденции магистрального развития политической, идеологической и даже научной жизни он был не в состоянии⁸⁰.

Интерес В.О. Ключевского к теории исторического познания, противопоставление естественных наук общественному познанию по линиям цели и задач, а также пределам и приёмам познавательных стратегий⁸¹ предопределили важность для М.М. Хвостова обращения к гносеологической проблематике. Его самая показательная в этом плане статья «К вопросу о задачах истории» была опубликована в сборнике, посвященном тридцатилетию преподавательской деятельности в Московском университете «учителя и старшего товарища... гордости русской науки» В.О. Ключевского⁸². «Ощущение крепкой духовной связи» с одаренным наставником, талантливым ученым, непревзойденным «художником-стилистом»⁸³ в этой работе присутствует наиболее выпукло.

Не только В.О. Ключевский, но и другие названные М.М. Хвостовым и упомянутые нами его наставники составляли славу и гордость Московского университета. Им он был обязан приобщением к глубокой культурной традиции: высокому профессионализму и преданности науке, им был признателен за овладение секретами производства исторического наукоучения. Творчески перерабатывая наиболее популярные в XIX в. исторические идеи и философские теории, они заложили фундамент исследовательской деятельности М.М. Хвостова, сформировали «исторически выправленное мышление»⁸⁴, сориентировали на изучение наиболее важных для России того времени научных проблем, указали самые плодотворные, в их восприятии, методы организации познавательной деятельности и труда историка, заронили потребность обогащать свое сознание философскими и социологическими учениями Запада. Благодаря мудрым и многоопытным учителям, М.М. Хвостов овладел теорией континуитета, идеей существования многочисленных комбинаций исторических сил, своими причудливыми «сцеплениями» определявших ход и темпы исторического развития народов, убеждением в равнозначности материальных и духовных факторов в жизни общества. Он сформировался адептом «истории состояний», скептически относившимся к влиянию личности «героя» на эпоху, сотворившую его, и был готов, отбрасывая мистику и схоластику, искать первоначала процесса общественной эволюции в экономическом быте людей, материально ощущаемой среде их обитания.

⁸⁰ Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. С. 78–83.

⁸¹ Ключевский В.О. Дневники, дневниковые записи, мысли об истории. С. 638.

⁸² Хвостов М.М. К вопросу о задачах истории. С. III.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Ключевский В.О. Дневники, дневниковые записи, мысли об истории. С. 648.

Однако не будем забывать, что при всем богатстве знаний, профессионального мастерства, исследовательского опыта преподаватели историко-филологического факультета, с которыми М.М. Хвостов имел честь сотрудничать с 1891 по 1900 г., принадлежали к разным течениям русской исторической мысли, по-своему решали узловые вопросы философии и гносеологии истории: П.Г. Виноградов и В.О. Ключевский — с позиций позитивистской программы, Р.Ю. Виппер — с точки зрения неокантианства и родственных ему теоретических подходов к осмыслению исторического процесса, В.И. Герье — при помощи взглядов, близких гегельянству и историческим ориентациям Б.Н. Нибура и Л. Ранке⁸⁵.

Вращаясь в этой насыщенной взаимоисключающими воззрениями интеллектуальной среде, М.М. Хвостов, как и любой другой студент, не мог разобраться в идейном диссонансе исследовательских парадигм, а потому и избежать проникновения в его мировоззрение ростков эклектизма. То, что в неотрефлексированном виде было заложено системой образования, тем не менее, пустило глубокие корни и проявилось уже в профессиональной деятельности историка, которая грешила «значительными противоречиями», особенно заметными в его «историко-философской концепции»⁸⁶.

References

Antoshchenko A.V. *Pavel Gavrilovich Vinogradov* // Vinogradov P.G. *Izbrannyye trudy* [Selected works] / Comp., intr. and comment. by A.V. Antoshchenko. Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 5–32.

Antoshchenko A.V. *Rossiya na perelome (o problemakh rossiyskoy istorii v publitsistike P.G. Vinogradova)* [Russia at a Crossroads (On Issues of Russian History in P.G. Vinogradov's Journalism)] // Vinogradov P.G. *Rossiya na pereput'ye: Istoriko-publitsisticheskiye stat'i* [Russia at the Crossroads: Historical and Publicistic Articles] / Comp., intr. and comment. by A.V. Antoshchenko. Moscow: Territoriya budushchego, 2008. P. 9–46.

Bessmertnyy Yu.L., Khvostova K.V. *M.M. Khvostov i yego vzglyady na istoriyu zapadnoyevropeyskogo krest'yanstva (po materialam neopublikovannogo kursa lektsiy)* [M.M. Khvostov and His Views on the History of Western European Heasantry (Based on the Materials of Unpublished Lecture Course)] // *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskiy yezhegodnik. 1977* [History and Historians. Historiographical yearbook. 1977] / Ed. by M.V. Nechkina. Moscow: Nauka, 1980. P. 322–345.

Buzeskul V.P. *Vseobshchaya istoriya i yeye predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX v.* [World History and Its Representatives in Russia in the 19th and Early 20th Centuries]. In 2 parts. P. 1. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1929. 218 p.

⁸⁵ Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 23; Сафонов Б.Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера ... С. 78, 79, 82.

⁸⁶ Матвеева И.Н. Указ. соч. С. 145.

Frolov A.D. *Russkaya nauka ob antichnosti* [Russian Science about Antiquity]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbU, 1999. Chapters 7, 8. P. 175–396.

Grishina N.V. “Shkola V.O. Klyuchevskogo” v istoricheskoy nauke i rossiyskoy kul'ture [“V.O. Klyuchevsky's School” in Historical Science and Russian Culture]. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2010. 288 p.

Istoriografiya istorii Rossii do 1917 g.: v 2 t. [Historiography of Russian History until 1917: in 2 vols.] / Ed. by M.Yu. Lachayeva. Vol. 2. Moscow: Vlados, 2004. 383 p.

Malinov A.V. *Pavel Gavrilovich Vinogradov: Sotsial'no-istoricheskaya i metodologicheskaya kontseptsiya* [Pavel Gavrilovich Vinogradov: Socio-Historical and Methodological Concept]. Saint Petersburg: Nestor, 2005. 202 p.

Malinov A.V., Pogodin S.N. *Aleksandr Lappo-Danilevskiy: istorik i filosof* [Alexander Lappo-Danilevsky: Historian and Philosopher]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB, 2001. 285 p.

Matveyeva I.N. *K voprosu o nauchnoy i pedagogicheskoy deyatel'nosti M.M. Khvostova* [On the Academic and Pedagogical Activity of M.M. Khvostov] // *Voprosy istoriografii vseobshchey istorii* [Issues of World History Historiography]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1968. Issue 3. P. 145–153.

Nechukhrin A.N. *Teoretiko-metodologicheskiye osnovy rossiyskoy pozitivist-skoy istoriografii (80-ye gg. XIX v. — 1917 g.)* [Theoretical and Methodological Foundations of Russian Positivist Historiography (the 80s of the 19th Century — 1917)]. Grodno: GrGU, 2003. 349 p.

Novikov M.V., Perfilova T.B. *Voprosy teorii istoricheskogo poznaniya v trudakh R.Yu. Vipper* [Issues of Theory of Historical Cognition in the Works by R.Yu. Vipper] // *Universitetskiy nauchnyy zhurnal*. 2012. № 2. P. 101–118.

Perfilova T.B. *Emanatsii “kollektivnoy dushi” cheloveka antichnosti v nauchnykh refleksiyakh F.F. Zelinskogo* [Emanations of the “Collective Soul” of the Individual of Antiquity in the Thought of T. Zieliński]. Yaroslavl: Izdatel'stvo YaGPU, 2009. 300 p.

Perfilova T.B. *Obraz afinskoj demokratii v antikovedenii Novogo vremeni: interpretatsiya V.P. Buzeskula* [The Athenian Democracy in Classical Studies of the Modern Time: V.P. Buzeskul's Interpretation]. Yaroslavl: Izdatel'stvo YaGPU, 2007. 400 p.

Safronov B.G. *Istoricheskoye mirovozzreniye R.Yu. Vipper* i yego vremya [Historical Worldview of R.Yu. Vipper and His Time]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1976. 221 p.

Safronov B.G. *M.M. Kovalevsky kak sotsiolog* [M.M. Kovalevsky as Sociologist]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1960. 261 p.

Shofman A.S. *Mikhail Mikhaylovich Khvostov*. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1979. 112 p.

Tsygankov D.A. *Professor V.I. Guerrier i yego ucheniki* [Professor V.I. Guerrier and His Students]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 501 p.

Tsygankov D.A., Naumov P.Yu. *Ucheniki P.G. Vinogradova* [P.G. Vinogradov's Disciples] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Ser. 2: *Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 2019. Vol. 89. № 4. P. 115–147.

Volobuyev O.V., Morozov A.Yu. *Vasily Osipovich Klyuchevsky* // *Klyuchevsky V.O. Izbrannoye* [Selected Works] / Comp., intr. and comment. by A.V. Antoshchenko. Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 5–38.

Поступила в редакцию
6 февраля 2020 г.

Д.И. Кузьмин*

ПЛАНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СБЛИЖЕНИЯ С ФРАНЦИЕЙ В ПОЛИТИКЕ ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ В НАЧАЛЕ 1935 г.

D.I. Kuzmin

PLANS AND PROSPECTS FOR RAPPROCHEMENT WITH FRANCE IN THE POLITICS OF THE FASCIST ITALY AT THE BEGINNING OF 1935

Аннотация. В статье делается попытка дать оценку одному из примечательных эпизодов межвоенного периода истории международных отношений — итало-французскому сближению в первые месяцы 1935 г., которое нашло свое наиболее яркое воплощение в подписании соглашения «Лаваль–Муссолини» 7 января 1935 г. Одним из краеугольных камней внешнеполитической парадигмы Б. Муссолини было создание «новой Римской империи». В качестве первоначальных целей экспансии в официальных документах откровенно назывались Эфиопия и Восточное Средиземноморье. К этому периоду Италия осуществила небывалое обновление своих военных и экономических ресурсов, которых, тем не менее, было недостаточно для выполнения поставленных внешнеполитических целей. В качестве союзника в деле расшатывания сложившегося в Европе статус-кво Италией была выбрана Франция. В течение первой половины 1935 г. странами был пройден большой путь по дипломатическому сближению, пики которого пришлось на упомянутый договор Муссолини–Лавалья и переговоры военных штабов двух государств (зима–весна 1935 г.). Отдельным пунктом Италия предлагала разрешить накопившиеся колониальные противоречия, в частности, вопрос об итальянских гражданах в Тунисе и локальные проблемы в Восточной и Северо-Восточной Африке. Несмотря на улучшение отношений, Франция не была готова заключать с Италией более обязывающий договор по примеру Антанты начала века. На отношения между двумя странами влиял и постепенно обострявшийся германский вопрос. Тем не менее, январские договоренности были восприняты Муссолини как карт-бланш на эфиопском направлении, что вылилось в дальнейшем в развязывание итало-эфиопской войны. Однако вследствие уклончивости позиции Франции, для которой ценность Италии как союзника против Германии была не слишком велика,

* Кузьмин Дмитрий Игоревич, аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kuzmin Dmitry Igorevich, Postgraduate Student, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-926-920-56-48; dardtimm99@mail.ru

Муссолини свернул попытки сближения с Третьей Республикой. Финальной точкой стала конференция в Стресе, после которой Италия окончательно покинула лагерь стран — гарантов Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.

Ключевые слова: фашистская Италия, внешняя политика Б. Муссолини, Восточное Средиземноморье в межвоенный период, договор Муссолини–Лаваль, политика «умиротворения», Версальско-Вашингтонская система.

Abstract. The article attempts to assess one of the remarkable episodes in the history of international relations in the interwar period, the rapprochement between Italy and France in the first months of 1935, which found its most striking embodiment in the Laval–Mussolini agreement of January 7, 1935. One of the cornerstones of Mussolini's foreign policy was a concept of a “new Roman Empire”. Ethiopia and the Eastern Mediterranean were openly named the initial targets of expansion in official documents. By this period, Italy had more than restored its military and economic might, which was yet insufficient to achieve these ends. Italy chose France as its ally for undermining the status quo in Europe. During the first half of 1935, the countries came a long way in diplomatic rapprochement that reached the climax in the aforementioned Mussolini–Laval treaty and negotiations between the military headquarters of the two countries (winter–spring 1935). Italy proposed to resolve the bilateral colonial contradictions, in particular, the question of Italian citizens in Tunisia and local problems in East and North-East Africa. Despite the improvement in relations, France was not inclined to conclude a more binding agreement with Italy, following the early 20th-century example of the Entente. The relations between two countries were also influenced by the gradually aggravated German question. Nevertheless, the January agreements were taken by Mussolini as *carte blanche* in the Ethiopian area and later led to the outbreak of the Italo-Ethiopian war. However, due to the evasive position of France which did not much regard Italy as an ally against Germany, Mussolini curtailed attempts rapprochement with the Third Republic. The final event was the conference in Stresa, upon which Italy finally left the camp of the countries that guaranteed the Versailles–Washington system of international relations.

Keywords: fascist Italy, Mussolini's foreign policy, the Eastern Mediterranean in the interwar period, the Mussolini–Laval treaty, the “pacification” policy, the Versailles–Washington system.

* * *

В середине 1930-х гг. державы, заинтересованные в ликвидации Версальско-Вашингтонской системы, открыто встали на путь систематического нарушения ее основополагающих принципов и правовых основ. Германия начала с отказа от соблюдения военных статей Версальского договора и предприняла в 1934 г. первую попытку аншлюса Австрии, а Италия стала открыто готовиться к осуществлению своих давних планов по созданию обширной империи в Средиземноморье и Северной Африке, наметив в качестве первой жертвы Эфиопию. При этом уникальность момента заключалась в

том, что две ревизионистские державы пока еще действовали несогласованно, преследуя каждая свои цели, часто противоречившие друг другу, и в то же время каждая из них добивалась хотя бы молчаливого одобрения своих действий со стороны по крайней мере одной из держав — гарантов Версальского порядка: Великобритании или Франции.

О необходимости превращения Средиземноморья в сферу исключительного итальянского доминирования Муссолини говорил еще задолго до прихода к власти. После установления в Италии фашистского режима эта идея стала одним из главных лейтмотивов в его пропаганде. Долгое время не выходящая за рамки риторики, в 1930-х гг. она начинает переводиться в практическую плоскость.

Впервые об укреплении итальянских позиций в Средиземном море было заявлено в изданном в январе 1932 г. декрете Эмилио ди Боно, министра колоний: политик предлагал постепенно укреплять военно-морскую мощь государства для будущего наступления итальянских войск на «необходимые» средиземноморские территории. В это время военно-политическая активность Италии заметно усилилась. Весной 1935 г. завершилась операция по укреплению военно-морских баз, размещенных на островах вблизи береговой линии страны, — на юге и юго-востоке Сицилии, островах Пантеллерия и Лампедуза, а также Липарских островах, в частности, Стромболи и Салине. Для стран региона (главным образом, Турции и Греции) ситуацию ухудшал факт того, что Рим активно занимался укреплением Родоса. Италия также заметно наращивала свою военно-морскую мощь, которая, естественно, практически целиком концентрировалась в Средиземноморье¹.

В конце декабря 1934 г. Муссолини издал декрет, который говорил о неизбежности контроля Италии над Средиземным морем и Эфиопией. Эта стратегия подтверждала желание дуче возродить «новую Римскую Империю» и превратить Средиземное море в «итальянское озеро». К 1935 г., если судить по публичным выступлениям Муссолини, в официальной идеологии фашистской Италии окончательно укрепляется мысль о естественном праве нации на территории бывшей Римской империи, прежде всего в регионе Средиземноморья². Однако он прекрасно понимал, что в одиночку Италия едва ли могла рассчитывать на изменения неблагоприятного для нее статус-кво. Необходимость сближения с какой-либо державой в Европе не вызывала

¹ Подробнее см.: *Иванов Л.Н.* Морская политика и дипломатия империалистических держав. М., 1964. С. 219–275.

² *Rainero R.* Gli aspetti della crisi degli accordi Mussolini-Laval e gli espropri di Vinadio e del Moncenisio. Roma. 1999. P. 29.

сомнений. Перед Римом стояло два пути: форсировать сближение с Германией или получить согласие на осуществление своих планов от Великобритании или Франции.

Сближению с Германией мешал австрийский вопрос, обострившийся после убийства летом 1934 г. канцлера Австрии Э. Дольфуса германскими агентами. Муссолини явно не желал отказываться от идеи сохранения Австрии как буферной зоны. В 1934 г. после предложения министра иностранных дел Германии Нейрата начать консультации с Италией о разделе сфер влияния в дунайских странах³, Муссолини увидел в них возможность изменить статус-кво, но в ходе этих переговоров стало понятно, что «Германия имеет особые отношения с Австрией»⁴, в которых Италия была третьим лишним. Между тем независимость Австрии традиционно рассматривалась в Риме как важнейшая гарантия собственной безопасности. Иными словами, нацелившись на радикальный слом статус-кво в северо-восточной Африке и, возможно, в Средиземноморье, Муссолини все еще оставался сторонником его сохранения в Центральной Европе — там, где он в целом соответствовал интересам Италии. Это создавало объективные предпосылки для сближения с одной из держав — гарантов этого статус-кво. Неприятие возможного аншлюса было свойственно в первую очередь французской стороне, и здесь можно было нащупать некоторую общность интересов Парижа и Рима. Поэтому к 1935 г. главным потенциальным партнером Италии становится Франция.

На пути к соглашению с Францией, однако, лежал целый ворох старых противоречий между Римом и Парижем. В частности, камнем преткновения была североафриканская проблематика. Сразу после Парижской мирной конференции 1919 г. итальянцы начали требовать у Франции исправить границы Триполитании. Предполагалось увеличение итальянских владений в Северной Африке вплоть до озера Чад. Ближе к 1934 г. Италия все же умерила свои требования, и предметом торга стали более мелкие передель земель в регионе. Но вновь Франция уходила от ответа, переноса решение вопроса на последующие встречи. Традиционно актуальным для итальянской внешней политики было беспокойство о юридическом статусе итальянцев, проживавших во французской Северной Африке, в первую очередь в Тунисе (их было сотни тысяч). Рим стремился не допустить их натурализации и сохранить за ними итальянское подданство⁵. Особняком стояла проблема морского паритета, установленного еще

³ I Documenti Diplomatici Italia (далее — DDI). Serie 8. Vol. 2. P. 193.

⁴ Ibid. P. 202.

⁵ Ibid. P. 108.

на Вашингтонской конференции 1921 г. По словам военно-морского атташе Великобритании во Франции Ч. Пипона, «Франция и Италия строили военные корабли только друг против друга»⁶, т.е. имела место локальная «гонка» военно-морских вооружений между двумя соседними странами. На деле военно-морской паритет, как пишет французский историк Ж.Б. Дюрозель, «был теоретическим и особо никогда не соблюдался»⁷.

Практические шаги по сближению с Францией начались сразу после того, как выявилась несовместимость позиций с Германией. После окончания неудачных переговоров с Нейратом 16 ноября 1934 г. обиженный дуче отправил своему послу в Париже Алоизи указание начать сближение с Францией. Муссолини писал, что «господство в Средиземном море, как и дело с Абиссинией, созреет лишь тогда, когда между Францией и Италией будет заключен договор по всем спорным позициям»⁸.

Из этих слов можно заключить, что Италия желала достичь с Третьей Республикой полномасштабного соглашения по целому ряду спорных вопросов, в первую очередь колониальных. Фактически Муссолини предполагал заключить с Парижем некий аналог англо-французского «сердечного согласия» начала века, разрешив таким образом все колониальные вопросы и обеспечив себе французский «карт бланш» в Африке, поскольку без согласия Третьей Республики была невозможна реализация плана ди Боно о постепенной экспансии в Эфиопии. Это открыло бы дорогу к более широкому сотрудничеству в Европе (прежде всего, в отношениях с Германией).

Следует сказать несколько слов и о французской позиции. Задачу сближения с Италией новый министр иностранных дел Франции П. Лаваль получил «в наследство» от своего предшественника Л. Барту, однако распорядился он этим «наследством» по-своему. Для Барту сближение с Италией было частью широкого плана общеевропейской системы безопасности, фактически нацеленной на сдерживание Германии. Италия представлялась Барту непременным элементом южного фланга этой системы (он строил планы Дунайского пакта и неоднократно упоминал о возможности подписания обширного Средиземноморского пакта в дополнение к планировавшемуся им Восточному пакту⁹). На пути этих проектов стояли глубокие проти-

⁶ Documents on British Foreign Policy. Ser. 1A. Vol. 4. 08.12.1927.

⁷ Duroselle J. B. Les Relations Internationales de l'Allemagne et de l'Italie de 1919 a 1939. Paris, 1967. P. 56.

⁸ DDI. Serie 8. Vol. 2. P. 90.

⁹ Пирумова О.В. Франко-итальянские отношения накануне итало-эфиопской войны // Дипломатические отношения западноевропейских стран между двумя мировыми войнами. Ярославль, 1977. С. 31.

воречия между Италией и Югославией — союзником Франции по Малой Антанте. Встреча Барту и короля Югославии Александра в Марселе (4 октября 1934 г.), ставшая роковой для обоих политиков, планировалась именно с целью поиска решения этой головоломки. Но П. Лаваль уже в своей первой речи на новом посту говорил прессе, что «когда вы живете в доме, в котором вам приходится браниться со всеми жильцами понемногу, вы начинаете устанавливать мирные отношения прежде всего со своими непосредственными соседями, а не с жильцами седьмого этажа». Лаваль продолжил, что обладает «здравым смыслом и считает, что в первую очередь надо начать урегулировать отношения с Италией и Германией»¹⁰.

Такой настрой вполне соответствовал ожиданиям фашистской Италии. Рим и раньше был недоволен тем, что отношения с Италией рассматривались Францией через призму Малой Антанты¹¹. Итальянская пресса организовала целую агиткампанию против системы региональных объединений. Французские СМИ так передают настроения в Италии по этой проблеме: «в предложении о Восточном пакте нет ничего ясного, а практическая польза от такого пакта будет пустой. Что касается Средиземноморского Локарно, то это всего лишь старая идея, возвращенная в оборот, и ее нельзя реализовать без участия Великобритании — еще одной средиземноморской державы»¹². Иными словами, с приходом в правительство П. Лаваля была открыта дорога для двусторонних франко-итальянских переговоров.

После некоторой задержки, связанной с последствиями марсельского убийства, П. Лаваль 4 января 1935 г. выехал в Рим, 5–6 января там проходили переговоры. К 7 января были подписаны восемь документов, а в конце дня состоялась тайная беседа один на один Муссолини и Лаваля. Текст восьми документов, вошедший в историю под названием соглашения Муссолини–Лаваля, содержал следующие положения:

1) Франция соглашалась на территориальные уступки в колониях: около 800 кв. км во Французском Сомали (около современного Джибути) и 114 кв. км на юге Ливии.

2) Франция подтверждала экономические уступки в Эфиопии, прежде всего в зоне железной дороги Джибути — Аддис-Абеба. При этом частные интересы вне этой зоны у Франции должны были быть сохранены, а итальянцы получали места в административном совете этой железной дороги.

¹⁰ Ж. Табуи. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 242.

¹¹ Перов Б.М. Франко-итальянские отношения в период правления П. Лаваля (1934–35) // Проблемы французской истории. М., 2001. С. 114.

¹² Le Temps. 24.06.1934.

3) Было решено разработать детальное соглашение по статусу итальянских граждан в Тунисе. Предполагалось, что их особое положение будет поэтапно отменяться в течение 35 лет.

4) В отношении Австрии в соглашение включалась идея подписания коллективного пакта о ненападении пограничных государств.

5) Обе стороны признавали факт германского перевооружения в нарушение Версальского договора. В связи с этим Франция и Италия подтверждали необходимость взаимных консультаций.

Помимо этого устно был обговорен строго секретный протокол о французских интересах в Эфиопии, если та перейдет в итальянскую сферу влияния¹³. Вопрос о секретном протоколе особенно важен для определения значения всего соглашения. В конце 1935 г., в разгар итало-эфиопской войны, Муссолини заявил, что в Риме Лаваль дал ему карт-бланш для захвата Эфиопии¹⁴. Сам же Лаваль всячески протестовал против подобной трактовки январского разговора. Позже он даже написал письмо дуче, где пояснял, что согласовал лишь французские уступки в области итальянского экономического проникновения за исключением указанных в договоре зон¹⁵. Тем не менее, Муссолини так и не отказался от своей трактовки данных Лавалем обещаний¹⁶, а в ответ на письмо Лавала дал короткий ответ: «я остаюсь на своей позиции»¹⁷.

Кто из политиков лжет — узнать сегодня почти невозможно, так как свидетелей разговора не было. В документах МИД Франции, естественно, нет никаких упоминаний о том, что Лаваль тем или иным образом выразил согласие на итальянское завоевание Эфиопии. Французские власти впоследствии «обвиняли» во всем французский язык Муссолини. Есть множество свидетельств, что дуче прекрасно говорил на родном языке Лавала и вряд ли допустил бы такое серьезное недопонимание¹⁸. В трактовке этой ситуации можно также предположить, что путаница могла возникнуть как следствие не только мифотворчества Муссолини, но и любимого приема Лавала, когда он прибегал к нечетким заявлениям, с использованием метафор. Именно это могло дать итальянцам повод понять французского министра иностранных дел так, как им хотелось. Если допустить реальность версии Муссолини, то соглашение, безусловно, было более выгодно

¹³ Перов Б.М. Указ. соч. С. 118.

¹⁴ Mack Smith D. Mussolini's Roman Empire. London, 1976. P. 195.

¹⁵ Duroselle J.B. Politique extérieure de la France: la decadence (1932–1939). Paris, 1979. P. 138.

¹⁶ Ibid. P. 133–134.

¹⁷ Duroselle J.B. Histoire diplomatique de 1919 a nos jours. Paris, 1985. P. 153.

¹⁸ В частности, целая глава уделена языковым способностям дуче в исследовании: Bucciatti G. Verso gli accordi Mussolini–Laval. Torino, 1993.

Италии, которая получала молчаливое согласие одного из гарантов системы на ее частичный демонтаж.

Именно это противоречие рождает вопрос: был ли этот договор окончательной формой франко-итальянского сближения или же он должен был стать этапом на пути к более обширному соглашению. Ввиду отсутствия точных сведений о наличии тайного пункта, вывод стоит сделать на основе анализа дальнейших действий сторон.

После встречи в Риме дуче начал шаги по дальнейшему сближению с Францией, прежде всего в военной сфере. В частности, он распорядился начать консультации между представителями генеральных штабов двух стран, что явно удивило самих итальянских военных, уже отвыкших рассматривать Францию как потенциального союзника. Вечером 11 января 1935 г. французскому военному атташе в Риме генералу Паризо позвонил маршал П. Бадольо и попросил приехать на следующее утро в его резиденцию. Во время встречи маршал выразил озабоченность тем, что генералов штабов обеих стран застала врасплох задача выполнения политических соглашений, который были подписаны Муссолини и Лавалем, в части австрийского вопроса. Это особенно удивительно, отмечал Бадольо, что раньше мнения двух стран в этом вопросе категорически не совпадали¹⁹. Иными словами, маршал Бадольо намекал на необходимость начать переговоры с участием военных. Паризо в ответ заявил, что «ответить на этот вопрос должно правительство», и добавил, что, когда станет известно об окончательном позитивном решении правительства Франции, тогда и следует установить контакты с Генеральным штабом Италии²⁰.

Начавшееся сближение набрало обороты в конце января — начале февраля 1935 г. О том, что французская сторона изначально была не против такого развития событий, свидетельствует то обстоятельство, что именно в этот ответственный момент происходит смена руководства французской армии: вместо не любившего Италию генерала Вейгана приходит явный италофил генерал Гамелен²¹. 26 января 1935 г. МИД Франции сделал заявление, что он абсолютно не против переговоров военных двух стран, однако хотел бы предварительно поинтересоваться намерениями Италии.

29 января произошла новая встреча Бадольо с генералом Паризо. Маршал сообщил, что днем ранее виделся с Муссолини, который ждет ответа от Паризо со дня на день. На это француз заметил, что

¹⁹ DDI. Serie 8. Vol. 2. P. 120.

²⁰ Ibid. P. 121.

²¹ *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile: Gran Bretagna, Italia e Francia nel Mediterraneo (1930–1937)*. Milan, 1980. P. 101.

«когда вновь удастся увидеть дуче, необходимо поставить вопрос во всей его сложности», т.е. необходимо подготовить почву для дальнейших соглашений между генеральными штабами по поводу действий в случае мобилизации Германии²². Паризо отправился в Париж для консультаций, а Бадольо пошел еще дальше, чем во время встречи 12 января. Он говорил, что в случае немецкой агрессии против Франции Италия вмешается в конфликт на стороне Франции²³. Это было похоже уже на прямой зондаж возможности заключения военно-политического союза или, во всяком случае, взаимодействия максимально близкого к такому союзу.

Совершенно очевидно, что эта идея была ближе политическим кругам Италии, в то время как французы проявляли осторожность. После консультаций с военными французские дипломаты пришли к выводу о необходимости успокаивающих заверений для Югославии, а также обсуждения вопроса со странами Центральной Европы, в частности с Чехословакией²⁴. Иными словами, Франция, вопреки первоначальным заявлениям Лаваль, не могла себе позволить открыто пренебрегать интересами своих восточноевропейских союзников. Она явно колебалась в вопросе более тесного сближения с Италией. Это, помимо всего прочего, объяснялось и оглядкой на позицию Лондона, отношения с которым были более значимы, чем с Римом²⁵.

Еще одним объяснением сдержанной позиции Франции во время военных переговоров с Италией были трения и колебания внутри политической элиты, связанные с не вполне понятной ценностью Италии как потенциального союзника против Третьего рейха. На заседании Высшего военного совета 20 февраля Лаваль подтвердил, что «в настоящий момент Италия предлагает нам больше, чем просто нейтралитет»²⁶, иными словами — фактический альянс против Германии. Однако сам Лаваль был убежден, что не следует отвечать молниеносно на авансы Рима, и по его указанию французский МИД взял курс на затягивание переговоров, чтобы «выжать» из них максимум. То есть, следовало развивать переговоры, обнадежив маршала Бадольо относительно их успешного завершения. Военный министр Морен все же считал, что подобный диалог с Римом может иметь полезные и своевременные последствия. 22 марта прошло новое заседание Высшего военного совета, где проводился сравнительный анализ военных сил Франции и Германии. По его итогам высшее французское

²² DDI. Serie 8. Vol. 2. P. 206.

²³ Ibid. P. 208.

²⁴ Duroselle J.B. *Politique extérieure de la France: la decadence (1932–1939)*. P. 138.

²⁵ Ibid. P. 134.

²⁶ Ibid. P. 115.

командование пришло к выводу, что в отношении сил Германии царит «полная неясность, точных сведений мало», однако был дан прогноз, что в начале конфликта Третий Рейх получит превосходство, но затем оно нивелируется по причине лучшей обученности французских резервов²⁷. В случае продолжительной войны преимущество может вновь вернуться к Германии, имеющей больше человеческих ресурсов и обладающей более солидным промышленным потенциалом. При таком прогнозе Италия логично рассматривалась в качестве необходимой, а главное эффективной поддержки Франции. Однако уже 5 апреля на очередном заседании Высшего военного совета Маршал Петен и генерал Гамелен с уверенностью заявили, что Франция сможет обеспечить наступление сухопутных сил в течение долгого срока, а значит помощь Италии ей не так уж и нужна²⁸.

Сам ход итало-французских переговоров наглядно демонстрирует принятую французами тактику затяжек и проволочек. 21 февраля состоялась новая встреча Паризо и Бадольо. Хотя француз отметил быстроту, с которой в Париже было рассмотрено итальянское предложение о военных переговорах, он добавил, что решения подобной важности не могут быть приняты во Франции так же быстро, как в Италии, ссылаясь на различие в государственном устройстве двух стран²⁹. Тем не менее, 12 марта была достигнута договоренность о продолжении январских консультаций. Переговоры состоялись в Ницце и Тулоне в конце марта. Однако их результаты были довольно скромными: фиксировалась договоренность о значительном сокращении вооруженных сил как с одной, так и с другой стороны в Альпах. Также было условлено, что пять итальянских офицеров будут посланы во французские военные училища³⁰.

Совершенно очевидно, что все шаги итальянских военных по сближению с французскими коллегами предпринимались по прямому указанию дуче. Можно заключить, что с целью предотвращения аншлюса Австрии Муссолини в тот момент был готов пойти на заключение двустороннего альянса с Францией, не связывая себя при этом обязательствами в отношении французских союзников на Востоке Европы. В ходе переговоров в Ницце и Тулоне итальянцы стремились отстранить Югославию от обсуждения австрийского вопроса, переводя его в плоскость исключительно итало-французской коалиции. Проблемы же Средиземного моря на этой встрече не обсуждались, хотя итальянская делегация не раз пыталась их поднимать.

²⁷ *Milza P. Le voyage de Pierre Laval a Rome en janvier 1935 // Italia e Francia: dal 1919 al 1939. Milano, 1998. P. 181.*

²⁸ *Ibid. P. 182.*

²⁹ *DDI. Serie 8. Vol. 2. P. 271.*

³⁰ *Documents diplomatiques Français. Vol. 10. N 63. P 90–94.*

П. Лаваль хорошо понял намерения итальянской стороны. В телефонной беседе с Муссолини он прямо отвечал, что маршал Бадольо «желал заставить Францию косвенным путем принять военные обязательства в отношении Австрии»³¹. Такого рода обязательства в планы Лаваль явно не входили, и он призывал своих коллег в МИД быть осторожными в этом вопросе. Опасаясь колониальных амбиций Муссолини, в то время как внимание Франции было отвлечено на восточную границу, Лаваль предпочитал лишь демонстрировать готовность к тесному сближению с Италией, но не реально двигаться в этом направлении. В беседе в Р. Ванситтартом, постоянным заместителем министра иностранных дел Великобритании, в конце марта 1935 г. Лаваль откровенно назвал потенциальный союз с Италией «временной фикцией ради гарантии колониям»³².

Окончательно идея франко-итальянского соглашения умерла после конференции в Стрезе, посвященной проблеме перевооружения Германии. Именно эта встреча, проходившая с 11 по 14 апреля, вконец разуверила Муссолини в перспективах переговоров с Францией. В начале конференции, согласно воспоминаниям Р. Ванситтарта, дуче был прост и естествен в общении с французскими представителями, но в то же время подчеркнуто недружелюбен с британской делегацией. Более того, Муссолини и Лаваль сближала общая антипатия к англичанам³³. Согласно французским документам, дуче рассчитывал поддержать Францию в немецком вопросе и заключить с ней детальный договор по разрешению всех имеющихся конфликтов, в том числе и в Средиземном море³⁴. Однако в германском вопросе французские представители Фланден и Лаваль долго выдерживали срединную линию, но потом начали тяготеть к позиции Великобритании (британцы настаивали на осуждении Германии только с моральной точки зрения, без принятия каких-либо санкций по линии Лиги Наций), чем очень разочаровали Муссолини³⁵. Про Средиземное море и вовсе почти не говорили. После этой встречи речи об итало-французском альянсе против Германии уже не шло. Итальянский диктатор ждал от потенциальных партнеров реальных действий, а не пустых дипломатических разговоров.

Сразу после Стрезы начался мощный виток вооружения в Италии. По самым скромным подсчетам в мае 1935 г. около 250 тыс. солдат ждали команды на границе Эфиопии в Эритрее и в Сомали,

³¹ *Buccianti G.* Op. cit. P. 118.

³² *Vansittart R.* Lessons of my life. London, 1942. P. 138.

³³ *Ibid.* P. 123.

³⁴ *Duroselle J.B.* Politique exterieure de la France: la decadence (1932–1939). P. 137.

³⁵ *Mack Smith D.* Op. cit. P. 200.

а у берегов Сицилии на воду были спущены 35 новых кораблей³⁶. Французы в конце апреля заключили дополнительное соглашение с Италией, которое уточняло и подтверждало январские договоренности двух стран. Италии была передана 22-километровая зона возле Баб-эль-Мандебского пролива, что давало возможность для активизации экспансии в Эфиопии.

* * *

В конце 1934 — начале 1935 г. Италия была все еще заинтересована в независимой Австрии и в то же время готовилась к войне в Эфиопии, что рассматривалось как первый шаг к будущему доминированию в регионе Средиземного моря. Иными словами, выступая как ревизионистская держава в одном регионе, Италия стремилась поддержать версальский статус-кво в другом.

Решив опереться на Францию, Муссолини в первые месяцы 1935 г. демонстрировал максимальную готовность к сближению с ней. Подписанное в январе 1935 г. соглашение с Лавалем было для Рима как минимум признанием со стороны Парижа «свободы рук» в отношении Эфиопии, а как максимум — первым шагом на пути тесного военно-политического сотрудничества с Францией (возможно, подразумевался даже союз), свидетельством чего стали переговоры на уровне генеральных штабов, инициированные итальянской стороной.

Эти планы встретили довольно прохладный прием в Париже. Ценность Италии как союзника против Германии была для Франции очень сомнительна, и французы явно не хотели провоцировать конфликт с Германией ради сохранения австрийского «буфера» к северу от итальянских границ. На практике значение январского соглашения для французской стороны свелось к тому, что через колониальный карт-бланш в отношении Эфиопии две страны скрепляли сохранение статус-кво на севере Африки. Столь уклончивая позиция Франции заставила Италию пересмотреть свои планы. Финальной точкой стала конференция в Стрезе, на которой французы явно не оправдали надежд Муссолини, показав, что «доброе согласие» с Лондоном для них многократно важнее обеспокоенности Муссолини за свою северную границу. Итальянские попытки достичь своих целей при помощи Франции провалились, и уже к осени 1935 г. действия в этом направлении сошли на нет. После неудачи в Стрезе Муссолини перешел к иной тактике решения своих задач и окончательно покинул лагерь «держав статус-кво».

³⁶ *Mori R. Mussolini e la conquista dell'Etiopia. Firenze, 1978. P. 219.*

References

- Brundu Olla P. *L'equilibrio difficile: Gran Bretagna, Italia e Francia nel Mediterraneo (1930–1937)*. Milan: ALMA Ediziione, 1980. 245 p.
- Buccianti G. *Verso gli accordi Mussolini–Laval*. Torino: Giuffrè, 1993. 201 p.
- Duroselle J.B. *Histoire diplomatique de 1919 a nos jours*. Paris: Dalloz, 1957. 744 p.
- Duroselle J.B. *Politique exterieure de la France: la decadence (1932–1939)*. Paris: Centre et documentation universitaire, 1979. 798 p.
- Duroselle J.B. *Les Relations Internationals de L'Allemagne et de l'Italie de 1919 a 1939*. Paris: Centre de documentation universitaire, 1967. 581 p.
- Ivanov L.N. *Morskaya politika i diplomatiya imperialisticheskikh derzhav (mezhdru Pervoy i Vtoroy mirovymi voynami). Izbrannyye proizvedeniya* [Naval Policy and Diplomacy of the Imperialist Powers (between the World Wars I and II). Selected Works]. Moscow: Nauka, 1964. 444 p.
- Mack Smith D. *Mussolini's Roman Empire*. London; New York: Viking Adult, 1976. 322 p.
- Milza P. *Le voyage de Pierre Laval a Rome en janvier 1935 // Italia e Francia: dal 1919 al 1939*. Milano: Istituto per gli studi di politica internazionale, 1981. P. 219–243.
- Mori R. *Mussolini e la conquista dell'Etiopia*. Firenze: Le Monnier, 1978. 330 p.
- Perov B.M. *Franko-ital'yanskiye otnosheniya v period pravleniya P. Lavalya (1934–1935)* [Franco-Italian Relations under P. Laval (1934–1935)] // *Problemy frantsuzskoy istorii* [Issues of French History]. Moscow: Nauka, 2001. P. 176–204.
- Pirumova O.V. *Franko-ital'yanskiye otnosheniya nakanune italo-efiopskoy voyny* [Franco-Italian Relations on the Eve of the Italian-Ethiopian War] // *Diplomaticheskiye otnosheniya zapadnoyevropeyskikh stran mezhdru dvumya mirovymi voynami* [Diplomatic Relations of Western European Countries between the Two World Wars]. Yaroslavl': YarGU, 1977. P. 37–52.
- Rainero R. *Gli aspetti della crisi degli accordi Mussolini–Laval e gli espropri di Vinadio e del Moncenisio*. Roma: Profondo Edizione, 1999. 360 p.

Поступила в редакцию
23 декабря 2019 г.

П.Э. Струкова

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
СОЗДАНИЯ РАЙОНА БОЛЬШОГО ЗАЛИВА
В ЮЖНОМ КИТАЕ**

P.E. Strukova

**HISTORICAL AND CULTURAL BACKGROUND
FOR CREATION OF THE GREATER BAY AREA
IN SOUTH CHINA**

Аннотация: Статья посвящена истории создания района Большого залива Гуандун–Гонконг–Макао в Южном Китае. Сегодня это самый бурно развивающийся и густонаселенный регион страны, одна из ключевых точек глобального проекта «Морского Шелкового пути XXI века». В статье поэтапно рассматривается история заселения территории района Большого залива, а также выявляются различные факторы, которые явились предпосылками активного развития городского кластера в дельте реки Чжуцзян. В центре внимания автора — политические, социокультурные, экономические и географические особенности района Большого залива, эволюционировавшего в один из городских кластеров мирового уровня. Статья охватывает основные этапы существования торговых отношений в данном регионе, включая период расцвета культуры Линнань, «эру Кантона», а также периоды до и после образования Китайской Народной Республики. Характерные черты района, его обособленность и в то же время внешняя открытость, внутренняя интеграция и структурные реформы на протяжении веков формировали специфический контекст, ставший не только почвой для развития провинции Гуандун и специальных административных районов Гонконг и Макао, но и «локомотивом» значительного сектора всей китайской экономики. Дополнительно приводится краткий анализ эволюции концепции района Большого залива в наши дни. В качестве основных источников информации использованы исследования китайских авторов и правительственные отчеты, не опубликованные на русском языке. С ростом интереса к данному масштабному проекту и с достижением первых запланированных результатов китайским научным сообществом опубликованы данные, которые прежде оставались недоступными для широкой читательской аудитории. Использование таких материалов позволяет увидеть процесс формирования района Большого залива глазами китайских авторов, погруженных в

* Струкова Полина Эдуардовна, PhD, доцент, факультет иностранных языков, Институт Наньфан Университета имени Сунь Ятсена, Гуанчжоу, Китай

Strukova Polina Eduardovna, PhD, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Nanfang College, Sun Yat-sen University (Guangzhou, China)

+86-1880-592-79-57; 19095@mail.nfu.edu.cn, st-polina@yandex.ru

культурно-исторические реалии, а также восполнить пробелы в русскоязычных исследованиях на данную тему, сложить отдельные факты в общую картину и представить более структурированный взгляд на историю всего Южного Китая.

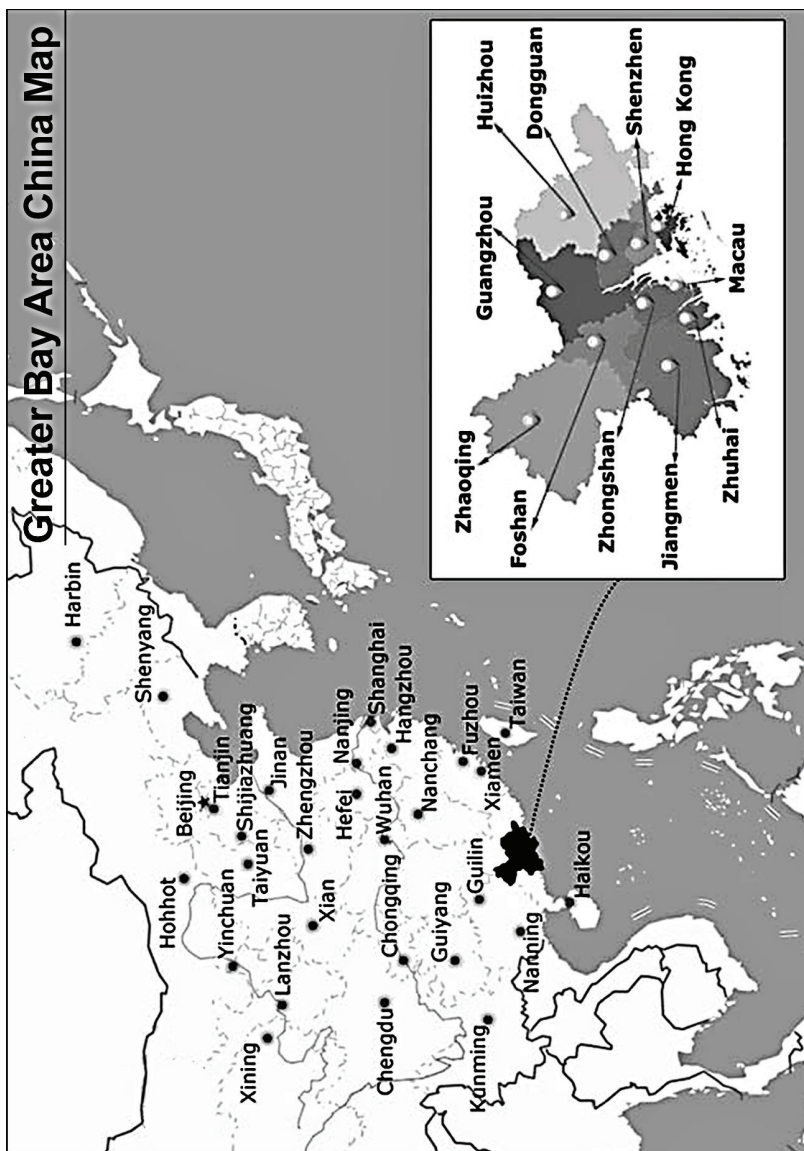
Ключевые слова: район Большого залива, Южный Китай, Гонконг, Макао, Гуандун, культура Линнань, Кантон.

Abstract. The article covers the history of the Guangdong–Hong Kong–Macao Greater Bay Area in South China. Today it is the most rapidly developing and densely populated region of the country, one of the key points of the global project “The 21st Century Maritime Silk Road”. The article provides a step-by-step history of the settlement of the Greater Bay Area, as well as identifies various factors that have led to the active development of the urban cluster in the Zhujiang River Delta. The author focuses on the political, socio-cultural, economic and geographic features of the Greater Bay Area, which has evolved into one of the world-class urban clusters. Provides the main stages of the existence of trade relations in the region, including the epoch when Lingnan culture flourished, the “Canton era”, as well as the periods before and after the formation of the People’s Republic of China. The characteristic features of the region, its isolation and structural reforms over the centuries have formed a specific context that has become not only the basis for the development of Guangdong province and the special administrative regions of Hong Kong and Macao, but also the “engine” of a significant sector of the Chinese economy. In addition, a brief analysis of the current Greater Bay Area concept evolution has been attempted. Research papers by Chinese authors and government reports are used as the main sources of information. Due to the growing interest in this large-scale project and the achievement of the first planned results the Chinese academic community has recently published the data that was previously unavailable to the general readership. The use of these materials allows us to see the process of the Greater Bay Area formation through the eyes of Chinese authors who are immersed in cultural and historical realities, as well as to fill gaps in the Russian-language studies on this topic, to add individual facts into an overall picture and present a more structured view of the entire South China region history.

Keywords: Greater Bay Area, South China, Hong Kong, Macao, Guangdong, Lingnan culture, Canton.

Что такое район Большого залива в Южном Китае сегодня

Южно-китайская территория Большого залива сегодня упоминается в академическом и медийном дискурсе на китайском языке как 粤港澳大湾区, сокращенно — 大湾区. На английском языке полное название — Guangdong–Hong Kong–Macao Greater Bay Area, для удобства его заменяют на Greater Bay Area или сокращение GBA. На русском языке можно встретить термин «зона Большого залива», однако в данной статье употребляется самый распространенный на данный момент вариант — район Большого залива.

Район Большого залива в Южном Китае. Источник: China Discovery

Под районом Большого залива понимается приморская городская агломерация в области дельты р. Чжуцзян¹ на юге Китая. В ее состав входят 11 субъектов: два города субпровинциального значения — Гуанчжоу и Шэньчжэнь, города Чжухай, Фошань, Дунгуань, Чжуншань, Цзянмэнь, Хуэйчжоу, Чжаоцин, а также два специальных административных района (САР)² — Гонконг и Макао. Общая площадь данной территории составляет около 56 тыс. кв. км, а население — 70 млн человек (на 2018 г.)³.

По уровню экономического развития это один из наиболее развитых регионов Китая: общий ВВП района Большого залива составляет около 10 трлн юаней, а ВВП на душу населения в 2017 г. достигал 163 тыс. юаней. Занимая менее 0,6% территории страны, на которой проживает менее 5% ее населения, район располагает 12% от общего экономического объема КНР. В данной зоне экономического развития расположено 17 из 500 самых крупных компаний всего мира и более 40 тыс. высокотехнологичных предприятий национального уровня⁴.

При сравнении по базовым экономическим показателям района дельты реки Чжуцзян с двумя другими крупными агломерациями Китая — триединством Пекин, Тяньцзинь и провинция Хэбэй (京津冀, так называемый «столичный регион» КНР) и дельтой реки Янцзы (长江三角洲) — становится очевидной исключительная активность и интенсивность его развития. При небольшой территории (всего 56 кв. км против 214 и 351 кв. км соответственно) район Большого залива является самым густонаселенным; сравним вышеупомянутые 70 млн чел. с 112 млн и 222 млн человек в двух других районах (2018). По ВВП дельта реки Чжуцзян находится на втором месте: в 2018 г. ВВП района Большого залива составлял 91,38 млрд юаней, в то время как двух других агломераций — вокруг столицы и Шанхая — 82,56 млрд и 195,32 млрд юаней соответственно⁵.

Такой интенсивный рост не случаен: район Большого залива находится на территории так называемых «больших южных ворот» (南大门) Китая, и все 11 городов занимают важное стратегическое

¹ Также известна как река Жемчужная.

² САР — особые территориально-административные единицы КНР, пользующиеся высокой степенью автономии.

³ 林先扬Lin Xianyang, 谈华丽Tan Huali (ed.). 粤港澳大湾区知识读本 Yuegang'ao dawanqu zhishi duben (Книга для чтения о районе Большого залива). Гуанчжоу, 2019. P. 23.

⁴ Ibidem.

⁵ Ernst & Young Global Limited. 粤港澳大湾区——蓄势待发，剑指成功 Yuegang'ao dawanqu — xushi dai fa, jian zhi chenggong (Район Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао — ждет своего часа, нацелен на успех) // Отчет аналитической компании Ernst & Young Global Limited, 2018. — URL: file:///C:/Users/st-po/Downloads/ey-guangdong-hong-kong-macau-greater-bay-area-from-connectivity-to-integration-cn.pdf (дата обращения: 07.04.2020).

и экономическое местоположение в рамках глобального проекта «Один пояс и один путь»⁶. В процессе формирования района здесь сложился уникальный формат функционирования «一二三四», т.е. «одна страна, две системы, три таможенных зоны, четыре центральных (ключевых) города»⁷, что, несомненно, способствует наиболее эффективному достижению поставленных целей⁸.

По мнению китайских исследователей Линь Сяньян и Тань Хуали, успех проекта также заключается в том, что население всех субъектов района Большого залива имеет примерно одинаковый уровень благосостояния и общий культурный фон, эти города характеризуются схожей транспортной и коммерческой нагрузкой. Таким образом, весь район представляет собой единый территориальный блок, в узловых точках которого высока как ротация, так и сила притяжения к центру⁹.

Тем не менее, Го Шипин выделяет факторы, сдерживающие развитие района Большого залива:

1. Поляризация управления внутри района, децентрализация и ослабление роли центрального правительства, что выражается в недостаточном контроле на местах.

2. Трудности в достижении договоренностей между всеми 11 участниками плана из-за несогласия по поводу приоритета в решении локальных проблем, а также из-за разных стандартов и норм регулирования. Это ведет к рассинхронизации воплощения планов.

3. Сложности в переходе к высокооплачиваемому квалифицированному производству. Необходимый отказ от дешевой рабочей силы ведет к увеличению расходов бюджета.

4. Нехватка территорий для размещения новых объектов. При густонаселенности региона крупные города располагают небольшими земельными ресурсами, это замедляет рост компаний и учреждений, а также реализацию крупномасштабных проектов.

5. Слабая комплиментарность (взаимная дополняемость) экономик материкового Китая, САР Гонконг и САР Макао. На данный момент существует потребность в эффективных механизмах регулирования и достижения договоренностей на правительственном уровне¹⁰.

⁶ «Один пояс и один путь» (一帶一路) — выдвинутое Китаем в 2010-х гг. предложение объединенных проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века».

⁷ Имеются в виду Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Гонконг и Макао.

⁸ Lin Xianyang, Tan Huali (ed.). Op. cit. P. 28.

⁹ Ibid. P. 55.

¹⁰ 国世平 *Guo Shiping*. 粤港澳大湾区规划和全球定位 Yuegang'ao dawanqu guihua he quanqiu dingwei (Планирование и место в мире района Большого залива). Гуанчжоу, 2018. P. 179.

Исследователи Линь Сяньян и Тань Хуали отмечают также такие моменты, как обострение торговой конкуренции в городах и отсутствие единой городской (урбанистической) среды на территории всего района¹¹.

Обозревая публикации, можно отметить, что китайские и зарубежные авторы пишут о важности каждого компонента этого комплексного плана, а также о необходимости усиления централизации управления (О.В. Корнейко, А.В. Пестерева, Го Шипин) и, в то же время, — большей гибкости в принятии решений на местах (Го Шипин). Интересно, что некоторые исследователи позиционируют весь проект как поддержку развития САР Гонконг и Макао (Берли), другие же при этом указывают на исключительно дополняющую роль САР в проекте развития материковой провинции Гуандун (Чжан Сыпин). Если судить по количеству публикаций, главное внимание уделяется решению миграционных проблем в данном районе, а также вопросам научно-технического развития и сотрудничества. Отдельные исследователи уделяют также внимание сохранению культуры Линнань как интегрирующей социально-культурной матрицы для общности людей, проживающих на данной бурно развивающейся территории (Чжан Лэй, Линь Сяньян и Тань Хуали).

Несомненно, район Большого залива представляет интерес для исследователей различного профиля, а особенно — китаистов, политологов, историков и экономистов. Исторически дельта р. Чжуцзян, как и территории других всемирно известных заливов, не только занимает выгодное геополитическое положение, но является ареалом уникальной культуры. Здесь проявились разнообразные факторы и модели сосуществования, ставшие в разное время предпосылками консолидации и интеграции торговли в данном регионе.

Ввиду недостаточного освещения вопроса эволюции района Большого залива в отечественной китаистике автор данной работы ставит перед собой задачу проанализировать факторы, оказавшие влияние на формирование культурной общности района Большого залива, его культуры и исторического локального самосознания. Для этого использована доступная литература и источники преимущественно на китайском языке, а также оценки китайских историков и специалистов по широкому спектру вопросов. Важной представляется возможность проследить этапы и предпосылки формирования активной экономической зоны не только в отдельные исторические периоды, но и в настоящее время. Рассматривая характерные особенности указанной территориальной общности в различные периоды ее существования и выявляя предпосылки создания района Большого

¹¹ *Lin Xianyang, Tan Huali (ed.). Op. cit. P. 56.*

залива в Южном Китае, автор приходит к выводу о базовых составляющих успешного воплощения всего проекта.

Формирование района Залива как результат совокупности факторов

При рассмотрении историко-культурных предпосылок создания района Большого залива на юге Китая следует прежде всего обратить внимание на характерные особенности зон заливов. Исторически для формирования мощного экономического и культурного центра необходимо, чтобы сложилась совокупность ключевых благоприятных факторов.

Общее определение «района залива» дают Линь Сяньян и Тань Хуали: это «территория суши, включающая бухту или несколько заливов, гаваней, прилегающих островов и морских районов, объединенных в единое целое»¹². Районы заливов, существующие в мире, делятся по размерам на маленькие (Лонг-Айленд, бухта Рипалс-Бэй), средние (бухта Цзяочжоу, Английский канал), большие (Токийский залив, бухта Сан-Франциско и Нью-Йорка) и гигантские (Мексиканский залив, Бенгальский залив); их площадь может составлять от 5 кв. км и до 1 млн кв. км; район Большого залива Китая относится к большим заливом¹³.

На территории каждой известной зоны залива действует совокупность факторов, стимулирующих развитие в данной местности. К таким факторам относятся: местоположение, ресурсы, окружающая среда, технологические и социально-культурные особенности конкретного района. При этом под местоположением понимается общее географическое, транспортное и экономическое расположение. Роль этого фактора заключается в возможности концентрации или рассредоточении предприятий, возможности подстроить степень консолидации под необходимые задачи и условия на том или ином этапе развития страны, в данном случае — Китая¹⁴.

Ресурсы района залива — это в первую очередь ее население, земля, сырьё и изначально имеющиеся полезные ресурсы, которые составляют основу для развития. Пространство самих населенных пунктов Южного Китая, функционирование и связи на региональном рынке формируют такой фактор как среда. Если этот аспект достаточно силен, то развитие зоны залива будет направлено на оптимизацию локальных преимуществ и сотрудничество районов, входящих в состав территории и так или иначе связанных с ней¹⁵.

¹² Ibid. P. 1.

¹³ Ibid. P. 2.

¹⁴ Ibid. P. 4.

¹⁵ Ibid. P. 6.

Еще один фактор, важный для понимания динамики развития района залива, — технологическое развитие, образовательный уровень населения и наличие пространства для инноваций. Немаловажен и целый комплекс социально-культурных факторов, включая государственное регулирование, правовые нормы, форматы управления, общий политический курс, в отношении которых в Китае проводится большая работа.

В качестве предпосылки образования мощного городского кластера в Южном Китае можно выделить и рост конкуренции во всемирном масштабе, значительные перемены в технологическом и информационном плане, следование «принципам использования только талантливых, выдающихся, высококвалифицированных кадров в определенных регионах» (人才主义)¹⁶; Китай обратился к этой концепции после 2010-х гг. Китайский исследователь Чжан Сыпин пишет, что «в настоящее время в мире происходит переход от индустриальной цивилизации к цивилизации знаний. При этом люди являются главным ресурсом достижения народного благополучия»¹⁷. В данном аспекте район Большого залива имел все предпосылки стать центром притяжения людей и знаний.

Как показывает динамика развития района Большого залива Китая, здесь сложилась вся совокупность благоприятных факторов, однако необходимо отметить, что этапы развития данной зоны в силу различных причин оказались несколько сдвинуты относительно мировых трендов, и Китай включился в глобальную конкуренцию достаточно поздно. Если в среднем начальный этап развития районов заливов пришелся на 1950-е гг., то для района Большого залива — это конец 1980-х гг., когда другие районы прошли этап ускоренного развития и уже находились в стадии стабильного роста¹⁸.

На момент, когда Китай объявил миру о создании собственного района, способного в перспективе конкурировать с ведущими мировыми районами заливов, в стране сформировались необходимые условия для перехода к зрелому этапу развития дельты р. Чжуцзян. Накопился и солидный опыт: в Китае насчитывалось более 150 активных прибрежных районов площадью более 10 кв. км. На эти зоны и сейчас приходится более 40% экономики страны, из них ВВП территорий, прилегающих к Бохайскому заливу, заливу Ханчжоувань и району

¹⁶ 广东省社会科学院 Guangdong sheng shehui kexueyuan. 粤港澳大湾区建设报告 (2018) Yuegang'ao dawanqu jianshe baogao (2018) (Отчёт о строительстве района Большого залива (2018)). Пекин, 2018. P. 185–190.

¹⁷ 张思平 Zhang Siping. 粤港澳大湾区：中国改革开放的新篇章 Yuegang'ao dawanqu: zhongguo gaige kaifang de xin pianzhang (Район Большого залива: новая глава в реформах и открытости Китая). Пекин, 2019. P. 185.

¹⁸ Lin Xianyang, Tan Huali (ed.). Op. cit. P. 12.

Большого залива, составляет 35% от общекитайского. Можно сказать, что три этих территории — двигатели китайской экономики¹⁹.

Помимо базовых факторов важно понимать исторический контекст, в котором развивалась общность людей на данной территории, их опыт и образ мышления, что также является важными предпосылками.

Район Большого залива и культура Линнань

Современные китайские ученые выделяют три основных составляющих общенациональной культуры — регион аграрной культуры, регион степной культуры и регион приморской культуры. Последний подразделяется на культуру под названием У Юэ (одно из десяти царств в эпоху пяти династий), носителем которой сегодня является город Вэньчжоу, культуру Миньтай (Миньнань и Тайвань), сохранившуюся в провинции Фуцзянь, и культуру Линнань (岭南文化), охватывающую провинцию Гуандун, остров Хайнань, Гуанси-Чжуанский автономный район и северный Вьетнам²⁰. В рамках культуры Линнань на территории, относящейся сегодня к провинции Гуандун, можно выделить кантонскую культуру, культуру Чаошань, культуру хакка, культуру Лэйчжоу и культуру Гаолян²¹. Из всех названных именно кантонская культура превалирует в районе Большого залива.

По мнению профессора Сюй Яньлинь²², название «Линнань» (岭南) происходит от концепта 五岭, что означает «пять горных хребтов»²³, таким образом, название данной культуры может переводиться как «к югу от пяти пиков» или «южный перевал». Эта территория охватывает множество народностей и локальных культур, однако этнически здесь преобладают ханьцы, крупнейшая народность в современном Китае.

Говоря о соотношении исторического названия региона Линнань и современных границ района Большого залива, стоит подчеркнуть, что входящая в проект часть провинции Гуандун, как и территории, ныне относящиеся к САР Гонконг и Макао, являются

¹⁹ Ibid. P. 15.

²⁰ 徐燕琳 Xu Yanlin. 菲莎文化讲坛第192讲: 岭南文化漫谈 — 上 Fei sha wenhua jiangtan di 192 jiang: Lingnan wenhua mantan — shang (Лекция 192 Форума культуры Фэйша. Обсуждение культуры Линнань. Часть 1) // Лекция в Общественной библиотеке Ричмонда. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VkJ73zFh2rY> (дата обращения: 01.03.2020).

²¹ 张磊 Zhang Lei. 奏响中华文化的协奏曲 —— 粤港澳大湾区建设与岭南文化 Zou xiang zhonghua wenhua de xiezouqu — yuegang'ao dawanqu jianshe yu lingnan wenhua (Концерт китайской культуры — Строительство Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао и культура Линнань) // Культура Линнань. 2019. № 2. P. 1.

²² Xu Yanlin. Op. cit.

²³ Пики Даюйлин, Юэчэнлин, Дупанлин, Мэнчжулин и Цитяньлин.

лишь малой частью всей территории, на которой распространилась культура Линнань, поэтому, сопоставляя территории, говорить о полном совпадении границ не приходится. Однако центральная часть современного проекта района Большого залива — дельта реки Чжуцзян — является местом зарождения культуры Гуанфу, одного из наиболее ярких проявлений культуры Линнань.

Внутренние взаимосвязи между культурой Линнань и созданием района Большого залива прослеживаются не только в географическом, но и в социально-экономическом аспекте, в частности — в бурном развитии международной торговли в данном регионе, а также в формировании локального самосознания проживающего здесь населения на протяжении веков, его жизненном укладе и принципах взаимодействия.

Исторические данные свидетельствуют: когда император Цинь Ши хуанди (259 г. до н. э. — 210 г. до н. э.) определил границы данного района, сюда направились мужчины с севера — военные и торговцы. По распоряжению императора из расположенной к северу провинции Хунань в южные земли были направлены женщины. Здесь начался рост численности населения и, как следствие, благоустройство городов и строительство дорог. В относительно спокойный и незатронутый набегами северных народностей район приезжало все больше людей²⁴.

Во времена династии Западная Хань (206 г. до н. э. — 24 г. н. э.) территорию культуры Линнань называли Паньюй (番禺), сейчас такое название носит один из районов города Гуанчжоу. После 203 г. эти места стали носить название Цзяочжоу (交州), но в 217 г. канцелярия Цзяочжоу переместилась в Паньюй, который стал центром линнаньской культуры в экономическом, политическом и культурном плане. В 226 г., когда территории были разделены, образовался город Гуанчжоу, ставший центром и преемником линнаньской культуры²⁵.

В эпоху существования империи Тан (618–907 гг.) южный район Линнань наладил торговые связи с севером, было построено больше безопасных дорог, а знатные семьи стали проявлять интерес к региону и понемногу перебираться сюда. В эпоху Сун (960–1127 гг.) в этот район сбегали сепаратисты, которые не хотели подчиняться императору, поэтому в дельту р. Чжуцзян императорским двором было направлено еще больше военных и чиновников. В итоге приток северного населения оказал влияние не только на местные традиции и стиль жизни, но и затронул язык: возникали локальные версии северных говоров, а на всей территории культуры Линнань широко ис-

²⁴ Xu Yanlin. *Op. cit.*

²⁵ Ibid.

пользовали такие языки (диалекты), как кантонский, чаочжоуский и кэцзя (хакка)²⁶. Наличие общего языка крайне важно для сохранения культурной общности, и можно утверждать, что это явилось основой относительной самостоятельности местной культурной системы.

Линь Сяньян и Тань Хуали сообщают: «С течением времени в рамках культуры Линнань в Гуанчжоу образовалась локальная культура Гуанфу (广府文化). Позже культуру Линнань стали называть кантонской культурой (粤文化), так как на этой территории преобладал кантонский язык [диалект]. Стоит отметить, что гуанчжоуская культура Гуанфу не имела отношения к культуре Гуанфу, зародившейся в провинции Хэбэй»²⁷.

С давних времен путешественники и местные жители отмечали, что в данном приморском районе хороший климат, однако бывают разрушительные тайфуны и периоды затяжных дождей²⁸. Такие условия влияли и до сих пор влияют на архитектуру, на технические требования к строительству и на его стоимость. В дельте р. Чжунцзян много небольших рукавов, что благоприятно для судоходства, кроме того, имеются горы, которые выполняют защитную функцию. Центральная часть территории распространения культуры Линнань представляет собой равнину, южная — гавани, удобные для строительства портов и налаживания контактов с внешним миром, что и было использовано в последующем.

Исследователь Чжан Лэй рассматривает культуру Линнань как неотъемлемую часть общей китайской культуры, в основу которой легли специфические локальные традиции приморского региона²⁹. Однако культура Линнань вобрала немало черт культур центральных равнин Китая и окружающих стран. Она являлась опорой для поддержания торговой культуры в Кантоне³⁰ в течение тысячелетия, а также для существования Великого шелкового пути. В частности, Чжан Лэй отмечает, что культуре Линнань отведена существенная роль в обеспечении строительства района Большого залива. Он пишет: «культурное и национальное самоопределение, а также культурная самобытность жителей района Большого залива и вдохновили [проект]. Так, широкие народные массы [принадлежащие культуре Линнань] проявляют смелость и выполняют историческую миссию в духе патриотизма»³¹.

²⁶ Ibid.

²⁷ Lin Xianyang, Tan Huali (ed.). Op. cit. P. 151.

²⁸ Xu Yanlin. Op. cit.

²⁹ Zhang Lei. Op. cit. P. 1.

³⁰ Кантон — старое европейское название города Гуанчжоу. Иногда к Кантону относят и южные территории провинции Гуандун.

³¹ Ibid. P. 1.

Другой автор, Чэнь Вэйцзюнь, пишет о культуре Линнань так: «Она развивалась на открытом и разнообразном фоне приморской культуры. После начала проведения политики реформ и открытости культура Линнань проявила себя с новой силой»³². По его мнению, на основе данной культуры «выплавился» так называемый кантонский дух (广东精神). Это особый дух перемен, а люди, воспитанные в подобном ключе, отличаются открытостью ко всему новому, предприимчивостью. Названные качества ярко проявились в 70-е гг. XX в., когда центральная часть провинции Гуандун попала в струю реформ и бурного экономического роста.

Немаловажно отметить, что люди, принадлежащие культуре Линнань, являлись ведущей силой революционного движения в Китае начала XX в., и это лишний раз подчеркивает свободолюбие и реформаторский дух местного населения, а также потенциал политической и экономической конкуренции Севера и Юга страны. После образования КНР в 1949 г. именно прагматизм южан, и, соответственно, быстрое экономическое развитие обеспечили условия для возрождения страны³³.

Нельзя игнорировать и консолидирующую роль кантонцев-хуацяо (华侨)³⁴, чье самосознание остается связанным с культурой Линнань даже в отрыве от нее³⁵. Сообщество хуацяо, как и зарубежную китайскую диаспору в целом, можно сравнить с «глобальной коммерческой сетью» патриотической направленности. В 2003 г. сбытовой доход этой «сети» достигал 310 млрд долл. США. Так как исторически наибольшее число эмигрантов имели корни в Южном Китае, первоначально приток капиталов хуацяо в 1980-х гг. в Китай был сконцентрирован именно в южных регионах, что стало мощным драйвером экономического развития в особенности провинции Гуандун³⁶. Л.Е. Стровский пишет: «По состоянию на конец 2004 г. в провинции [Гуандун] зарегистрировано более 3300 крупных (то есть

³² 陈伟军 *Chen Weijun*. 以岭南文化夯实大湾区人文底蕴 *Yi lingnan wenhua hangshi dawangan renwen diyun* (Объединение культурного наследия Большого залива посредством культуры Линнань) // 人民论坛 *Renmin luntan*. 2019. № 19. — URL: <http://www.rmlt.com.cn/2019/0717/552116.shtml> (дата обращения: 10.06.2020).

³³ Ibidem.

³⁴ «Понятие «хуацяо» объединяет всех граждан Китая, находящихся за рубежом. То есть оно включает как торговцев и рабочих, так и бизнесменов, журналистов, ученых, преподавателей и представителей иных профессий, выехавших за границу Китая» (Ходова С.С., Федорова Е.А. Роль «хуацяо» в формировании политики открытости КНР // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2015. № 4. С. 7–13).

³⁵ *Chen Weijun*. Op. cit.

³⁶ Стровский Л.Е. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Международные экономические отношения. С. 68–69. — URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/54126/1/vestnik_2008_2_006.pdf (дата обращения: 20.03.2020). С. 68–69.

с капиталом более 5 млн долл.) предприятий хуацяо. Средний размер вложений в предприятие хуацяо составляет 2,63 млн долл. ... На пожертвования хуацяо построены школы, больницы, детские сады, дома престарелых, дороги и т. д. — всего более 30 тысяч объектов социальной сферы»³⁷. Такая активность и сплоченность кантонской диаспоры также свидетельствует о глубоких культурных связях и деловой хватке представителей культуры Линнань.

Председатель отделения Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства (ВАРЛИ) в провинции Гуандун Лю Сыфэнь отмечает, что современный процесс «реинтеграции кантонцев» в рамках развития района Большого залива на Юге Китая требует нового и более четкого понимания культуры провинции Гуандун, культуры, которая отличается высокой жизнеспособностью и широкой адаптивностью³⁸.

Революционер Сунь Ятсен (1866–1925) считал, что культура Линнань — это сочетание упорства, целеустремленности, амбиций, духа предпринимательства и инициативности с деятельным патриотизмом³⁹. Подобный синкретизм обусловил формирование таких специфических черт культуры Линнань, как ориентированность на коммерцию, открытость, прогрессивность, плюрализм, демократизм и их укорененность в широкой социальной среде. Названные характеристики определяют культурную идентичность экономического района Большого залива.

Район Большого залива до образования КНР

Мощный толчок развитию Китая как морской державы был дан еще при правлении императора У-ди (156 г. до н.э. — 87 г. до н.э.), династии Хань, одного из самых экспансионистских правителей Китая. В 112 г. до н.э. он послал множество военных экспедиций общей численностью 100 тыс. человек против государства Нань-Юэ, а затем и против Минь-Юэ и Чосон (нынешняя Корея). Позже, в 42 г. н.э. была организована экспедиция против Вьет, которая насчитывала 2000 кораблей⁴⁰. Такая активность, несомненно, стимулировала заселение южных территорий. В 1127 г. военачальники отмечали важность защиты южных рубежей Китая путем развития морской военной силы

³⁷ Там же. С. 70–71.

³⁸ 刘斯奋 *Liu Sifen*. 岭南文化的回顾与前瞻 *Lingnan wenhua de huigu yu qianzhan* (Обзор и перспективы культуры Линнань) // 岭南的今天 — 文化论坛 *Lingnan de jintian — wenhua luntan*. — URL http://theory.southcn.com/llzhuanti/Indjt/zxwz/content/2009-07/20/content_5387552_3.htm (дата обращения: 22.03.2020).

³⁹ *Zhang Lei*. Op. cit. P. 1.

⁴⁰ *Lo Jung-pang, Elleman B.A.* (ed.). *China as a Sea Power 1127–1368: A Preliminary Survey of the Maritime Expansion and Naval Exploits of the Chinese People During the Southern Song and Yuan Periods*. Hong Kong University Press, 2012. P. 4.

там, а также заселения территорий. Идею эту активно поддерживали и при последующей династии Сун⁴¹.

Во времена династии Сун (960–1279 гг.) существовало большое количество торговых портов, которые связывали Гуанчжоу, как и южное побережье Китая в целом, с другими портами в Юго-Восточной Азии. Развитие южно-китайских портов сильно зависело от их доступности и экономической выгоды их использования. Например, порт Гуанчжоу (бывший Кантон), один из самых старых портов Китая, располагается на пересечении трех рек, где не всегда удобна логистика, особенно в сезоны дождей. Однако более удобного места для транспортного и урбанистического развития в регионе так и не оказалось⁴².

Как пишет Дж. Ган, китаеццентричная торговая сеть долго эволюционировала и разрослась в результате глобального политического и коммерческого расширения торговли с южными странами Азии главным образом за счет распространения китайских поселенцев по всему этому региону. Она продолжала разрастаться до начала XX в., называясь «кантонской торговой системой»⁴³.

До конца XIII в. на территории дельты р. Чжуцзян находился только один центральный город — Гуанчжоу. Позже, в XIV–XIX вв. здесь располагались два центра — города Гуанчжоу и Макао. В конце XIX в. ведущие роли в развитии региона заняли Гуанчжоу и Гонконг. Однако, как отмечают Линь Сяньян и Тань Хуали, «связи между этими центрами были слабыми, особенно в периоды застоя и регрессии»⁴⁴.

Положение существенно изменилось, когда европейцы открыли для себя традиционные китайские товары (шелк, чай, фарфор)⁴⁵, и в регион снова пришла активная торговля. Историк Ван Дайк называет данный период «эрой Кантона» (1700–1842 гг.), подчеркивая ведущую роль Кантона в развитии региона⁴⁶.

В XVIII в. значительно изменился сам формат мировой торговли, и Китай оказался одной из стран, провоцировавших эти трансформации. Международная торговля стала более открытой, безопасной, эффективной и дешевой. Кантонские и макаооские торговцы были в центре данной «эволюции», от монополии до частных компаний.

⁴¹ Ibid. P. 130.

⁴² Ibid. P. 23.

⁴³ Gunn G.C. *History Without Borders: The Making of an Asian World Region, 1000–1800*. Hong Kong University Press, 2011. P. 130.

⁴⁴ Lin Xianyang, Tan Huali (ed.). Op. cit. P. 63.

⁴⁵ Торговля чаем, фарфором, шелком была движущей силой местной экономической и социальной жизни; при этом на чай приходилось 60–90% товарооборота.

⁴⁶ Van Dyke P.A. *Merchants of Canton and Macao: Politics and Strategies in Eighteenth-Century Chinese Trade*. Hong Kong University Press, 2011. P. 11.

В финансовые отношения здесь, на юге Китая были вовлечены армяне, мусульмане, персы, евреи, португальцы, испанцы, англичане, французы, шотландцы, датчане, норвежцы, шведы, флеминги, австрийцы, итальянцы. Местные и иностранные купцы были опытными и гибкими, но региону требовались новые финансовые формы и рыночные стратегии, что способствовало активному культурному обмену в регионе⁴⁷.

Проанализировав торговые процессы в регионе, Ван Дайк делает вывод, что факторы, повлиявшие на активизацию экономики и привлечение финансовых и людских потоков в Кантон (Гуанчжоу) и Макао, а также рост локального рынка в XVIII в., включают: 1) разнообразие форм кредитования на разных уровнях, в том числе для иностранцев; 2) регулирование торговых отношений их непосредственными участниками; 3) рост безопасности грузоперевозок; 4) сохранение разумной, «здоровой» конкуренции⁴⁸.

Специальные исследования свидетельствуют о преимуществах географических и климатических особенностей данного региона в сравнении с северными территориями страны. Снимая по три урожая риса в год и имея достаточное водоснабжение, средневековый Южный Китай применял мобильную и дешевую ирригационную технику, тогда как Северному Китаю приходилось проводить широкомасштабные и дорогостоящие инженерные работы, осуществлять долгосрочное планирование. Южный Китай был более активен и вел более успешный «технологический диалог» с Индией и странами южных морей⁴⁹. Позже к обмену технологиями присоединилась и северная часть Китая, но обмен этот больше походил на трансфер знаний из периферии в столицу и наоборот⁵⁰.

Андраде и Син Хан считают, что к середине XVI в. из всех азиатских стран, присутствовавших в море, наиболее активными были именно китайцы. По мнению этих авторов, китайцы, будучи стратегами, одолевали конкурентов, занимаясь не войной, а морской торговлей⁵¹.

В 1740–1750-х гг. торговля шла особенно успешно, и местный рынок уже не мог удовлетворять запросы ее развития. Тогда государство дало частным предприятиям больше власти на местах, появились коммерческие ассоциации (укрепились уже существующие) и пар-

⁴⁷ Andrade Y. (ed.), *Xing Hang*. Sea Rovers, Silver and Samurai: Maritime East Asia in Global History, 1550–1700. Honolulu, 2016. P. 21–23.

⁴⁸ Van Dyke P.A. Op. cit. P. 6.

⁴⁹ В китайской литературе под «странами южных морей» подразумевается район Филиппинских островов и весь островной мир к югу от Южно-Китайского моря.

⁵⁰ Gunn G.C. Op. cit. P. 291–313.

⁵¹ Andrade Y. (ed.), *Xing Hang*. Op. cit. P. 21.

тнерства, был нащупан и соблюдался баланс между монополизацией и здоровой конкуренцией. Позже образовалась купеческая гильдия, которая просуществовала с 1720 по 1842 г., в разных форматах, самый активный период пришелся на 1760–1770 гг.⁵²

Международные торговые потоки регулировали четыре уровня власти: генерал-губернаторы, таможенные инспекторы, губернаторы, магистраты (государственные чиновники). Первые три категории назначались Пекином на три года, но по разным причинам они могли задерживаться на посту по 10–15 лет. В среднем на рынке лицензию имели одновременно около 10–20 крупных торговцев. После 1760 г. был установлен лимит в 10 торговых домов, в 1842 г. — максимум 6–8 домов одновременно⁵³.

Помимо купеческой гильдии на рынке присутствовали и «внешние», т.е. иностранные купцы. Однако у них были ограничения на торговлю некоторыми товарами в больших объемах, например чаем. Эти купцы имели в общей сложности около 100 магазинов в Кантоне и Макао. Также в торговле участвовали «внутренние» купцы с материка: обычно это были узкоспециализированные и привлекаемые на сезонную работу агенты поставщиков. К тому же на территорию нынешнего района Большого залива в больших количествах прибывали чернорабочие, обслуживавшие караваны с товаром. Такие караваны могли насчитывать от 5 до 30 тыс. человек⁵⁴.

По пути своего следования этот людской поток не только основывал поселения и распространял культуру, но также обустроивал водные маршруты и дороги. Продукцию везли главным образом из центра и востока Китая. Наиболее популярными, а значит развивающимися направлениями были г. Уишань, оз. Поянху, р. Ганьцзян, г. Данься, р. Бэйцзян, местность в районе нынешнего города Цзиань⁵⁵ и, естественно, различные области провинции Гуандун и Гуанси-Чжуанского автономного района⁵⁶. Таким образом, торговые пути прошлых лет в некоторой степени повторяют нынешнюю радиальную схему развития района Большого залива, с той лишь разницей, что в наши дни по этим направлениям «движется» процесс урбанизации из центра (треугольника Гуанчжоу–Гонконг–Макао) к периферии, а исторически по этим же направлениям, но в сторону центра зоны стекались товары и мигранты.

⁵² Van Dyke P.A. Op. cit. P. 2.

⁵³ Ibid. P. 219.

⁵⁴ Ibid. P. 14–16.

⁵⁵ Данная местность в оригинале обозначена как 十八个急流, однако такое географическое наименование отсутствует в справочниках, поэтому соответствие установлено путем анализа художественной литературы.

⁵⁶ Van Dyke P.A. Op. cit. P. 14–16.

В результате бурной торговой деятельности лодки и караваны с товарами, следующие в города дельты р. Чжуцзян, стали привлекать особое внимание бандитов. После того как Гонконг и Макао попали в руки западных колонизаторов, они стали особыми районами, не подпадающими под действие китайского законодательства, и местом концентрации различных преступных элементов с материка⁵⁷.

Китайский исследователь Хэ Вэньпин сообщает, что Гонконг и Макао на протяжении десятилетий были важными базами пиратов, возивших оружие, табак и контрабанду. Под атаками пушек западных колонизаторов активность пиратов в этих зонах несколько снизилась, но, так или иначе, сохранялась. Очевидно, что бандиты выбрали наилучшее стратегическое место в регионе не случайно. С середины XVII и вплоть до начала XX в. они использовали налаженные связи между процветающими Кантоном, Гонконгом и Макао для приобретения современного оружия. Кроме того, эти территории были крайне удобны, чтобы стать безопасным убежищем и базой для планирования операций⁵⁸.

Росту класса торговцев, деловой и пиратской активности в Китае тех лет в первую очередь способствовало активное финансирование мореплавания в Китае и Японии, что затронуло развитие отраслей промышленности, связанных с металлургией, добычей руд, созданием керамики, маркетингом в 1800-е гг.⁵⁹

Как отмечают Тальякоццо и Чан Вэньчин, к концу XIX в. Китай представлял собой девять отдельных урбанистических систем, соответствовавших географическим регионам страны, каждый с центральной и периферийными областями. Внутри каждой системы существовали налаженные рыночные связи, но межрегиональные связи были крайне слабы, так как стоимость перевозок между ними была высока. Но именно миграционные процессы стимулировали трансформацию южно-китайского макрорегиона из «множества мелких относительно автономных анклавов» в «интегрированную региональную иерархическую систему»⁶⁰, ставшую впоследствии мощной урбанистической системой в основе проекта района Большого залива.

⁵⁷ 何文平 *He Wenping*. 清末民初的粤港澳流动与广东社会秩序——以匪患为例 Qingmo min chu de yue gang'ao liudong yu guangdong shehui zhixu — yi feihuan wei li (Движения в провинции Гуандун, Гонконга и Макао и общественный строй провинции Гуандун в период поздней династии Цин и в начале Китайской Республики — на примере бандитизма) // 社会科学版 Zhongshan daxue xuebao: shehui kexue ban. 2013. № 4. P. 46–57.

⁵⁸ Ibid. P. 47.

⁵⁹ Gunn G.P. Op. cit. 321.

⁶⁰ Tagliacozzo E., Wen-Chin Chang. Chinese Circulations: Capital, Commodities, and Networks in Southeast Asia. Duke University Press, 2011. P. 37–38.

Район Большого залива после образования КНР

Относительно долгий период отсутствия активности в районе Большого залива после образования КНР в 1949 г. может иллюстрировать тот факт, что Кантонская выставка⁶¹, проходящая в Гуанчжоу с 1957 г., вышла на уровень крупнейшего экономического события мирового масштаба лишь в последние два десятилетия. Линь Сяньян и Тань Хуали сообщают, что «с 1949 по 1978 г. территории дельты р. Чжуцзян были закрыты для свободной торговли и передвижения, как и другие акватории Китая. Инвестиций здесь было крайне мало, а развитие проходило медленно и без урбанизации»⁶².

Как отмечает Вогель, «ощутимые перемены начались здесь в конце 1977 г.»⁶³. Китайский реформатор Дэн Сяопин побывал в провинции Гуандун с визитом 11 ноября, что ознаменовало начало перемен. На встрече с местным руководством он узнал, что из-за отсутствия достойных условий труда, голода и нищеты молодые люди тысячами бежали через границу — в Гонконг и Макао, а оттуда разъезжались по всему миру. Их не останавливали ни обещания правительства, ни государственная идеология, ни угроза личной безопасности, ни даже полиция и армия. После этой знаковой встречи было решено создать в южной провинции благоприятные условия для развития в первую очередь сельского хозяйства; о промышленном подъеме в те годы речи пока не шло.

В числе первых шагов стало создание баз для сельхозпродукции в городах Чжухай (выход на Макао) и Шэньчжэнь (выход на Гонконг), чтобы облегчить и ускорить ее экспорт. Также было отдано распоряжение о строительстве в этих районах складов, отелей, дорог и другой инфраструктуры для привлечения иностранной валюты. Тем не менее, инвестиции из-за рубежа оставались под запретом. Постепенно Пекина стал уделять больше внимания провинции Гуандун с ее выходами на крупные порты Гонконг и Макао: сюда направляли рабочую силу, оборудование, оказывали финансовую поддержку. С увеличением товарооборота для распределения нагрузки некоторые местные порты материкового Китая все же были открыты⁶⁴.

Рассказывая о трансформациях зоны залива, Вогель пишет: «31 января 1979 г. дельте р. Чжуцзян были официально одобрены

⁶¹ 中国进出口商品交易会 (广交会), или China Import and Export Fair (Canton Fair), 213 стран-участниц в 2017 г.

⁶² Lin Xianyang, Tan Huali (ed.). *Van Dyke P.A.* Op. cit. P. 30.

⁶³ Vogel E.F. *Deng Xiaoping and the transformation of China*. Harvard University Press, 2011. P. 825.

⁶⁴ Ibid. P. 825–830.

первые иностранные инвестиции в региональные проекты. В апреле того же года были открыты специальные экономические зоны в провинции Гуандун, в городе Шаньтоу и в провинции Фуцзянь, что расширило приток капитала из-за рубежа»⁶⁵. В то время лишь 12% всего китайского экспорта приходилось на провинцию Гуандун, но с каждым годом прирост составлял около 30%⁶⁶.

По сравнению с Шанхаем индустрия и инфраструктура, которая могла заинтересовать зарубежных инвесторов, была здесь мало развита. Впрочем, правительство Китая активно продвигало проекты, способные заинтересовать состоятельных китайских эмигрантов хуацяо, сохранивших связи с Южным Китаем. По приблизительным подсчетам, тогда за пределами материкового Китая проживало 8,2 млн выходцев из провинции Гуандун⁶⁷. Об их участии в формировании экономики района Большого залива упоминалось выше.

Реформы 1980-х гг. на территории района Большого залива оказались удачным решением, стимулирующим развитие местной экономики. Китай извлек из этого опыта такие ценные уроки, как: 1) необходимость сокращения бюрократических процедур для иностранных инвесторов; 2) важность стандартизации цен и большей открытости для выхода на мировой рынок; 3) необходимость обеспечить иностранным инвесторам должную прибыль для конкуренции с другими зонами и странами; 4) важность стабильности в работе и технической оснащенности на всех уровнях для качественного и быстрого решения задач⁶⁸.

В 1980–1999 гг. дельта р. Чжуцзян вошла в число первых зон в Китае, открытых для иностранных граждан (включая хуацяо) и иностранного бизнеса. После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г. сюда пришли революционные изменения и ускорение развития. Для обрабатывающей промышленности были разработаны форматы “前店后厂” — «вчера с завода — завтра в лавке» (т.е. реализация товара практически сразу после выпуска) и “三来一补”⁶⁹ — «переработка сырья иностранных заказчиков, изготовление изделий по полученным от них образцам, сборка продукции из их деталей и компенсационная торговля»⁷⁰. Сформировались торговые цепочки, которые стали почвой и фоном для дальнейшего развития ключевых точек района Большого залива, в особенности Гонконга.

⁶⁵ Ibid. P. 840.

⁶⁶ Ibid. P. 841.

⁶⁷ Ibid. P. 843.

⁶⁸ Ibid. P. 855–858.

⁶⁹ 来料加工, 来件装配, 来样加工, 补偿贸易

⁷⁰ Lin Xianyang, Tan Huali (ed.). Op. cit. P. 30–33.

После 1978 г. благодаря начавшимся реформам на этой территории выделилось три центра — города Гуанчжоу, Шэньчжэнь и Гонконг, а после 2000 г. к ним присоединились менее известные города Фошань, Дунгуань, Чжухай и Чжуншань. Существенное расширение и создание транспортной и экономической сети между всеми этими городами произошло уже после 2008 г., тогда были созданы объединения городов, так называемые «метрополитенские ареалы» — связи Гуанчжоу–Фошань–Чжаоцин, Макао–Чжухай–Цзянмэнь и Гуанчжоу–Шэньчжэнь–Дунгуань. Транспортные связи между этими городами образуют сеть, или каркас, на котором базируется нынешняя структура района Большого залива⁷¹.

По мнению Линь Сяньян и Тань Хуали, последовавшие далее «2000–2013 годы ознаменовались стабилизацией развития и значительными структурными изменениями»⁷². В 2003 г., когда было подписано трехстороннее соглашение СЕРА⁷³, совокупный товарооборот двух территорий Гонконга и Макао составил 59,26 млрд долл., а к 2012 г. он вырос до 591,66 млрд долл. С 2008 г. в орбиту развития экономически мощных территорий вошел город Шэньчжэнь, что определило материковый вектор развития всей территории. В результате весь район Большого залива стал в некоторой степени функционировать в формате «одна страна, две системы»⁷⁴, а не только два ее САР⁷⁵.

Необходимо отметить, что важную роль в становлении района Большого залива сыграли капиталовложения САР Гонконг и Макао. С 1979 по 2003 г. прямые инвестиции иностранных компаний (включая компании, принадлежащие хуацяо) осуществлялись по 103 004 проектам, расположенным в районе Большого залива; из них Гонконг и Макао участвовали в 82 316 проектах, что составило 79,9% присутствия их капитала. За эти годы провинция Гуандун получила реальных прямых инвестиций на общую сумму 140 млрд долл., при этом из Гонконга и Макао было направлено 97,74 млрд долл., что составило 69,6%. Подавляющее большинство инвестируемых средств были направлены на развитие обрабатывающей промышленности и производственного сектора района Большого залива⁷⁶.

⁷¹ Ibid. P. 31.

⁷² Ibid. P. 33.

⁷³ «关于建立更紧密经贸关系的安排», или “Closer Economic Partnership Arrangement”, подписаны отдельно для Макао и для Гонконга.

⁷⁴ «Одна страна, две системы» (一国两制) — идея, предложенная в начале 1980-х гг. Дэн Сяопином, руководителем КНР, в соответствии с которой Гонконг, Макао и Тайвань могли бы иметь собственные капиталистические экономические и политические системы, в то время как в остальной части Китая существовала бы социалистическая система.

⁷⁵ Lin Xianyang, Tan Huali (ed.). Op. cit. P. 65.

⁷⁶ Ibid. P. 120.

Эволюция концепции района Большого залива в наше время

Развитие данной территории и исторические факторы, повлиявшие на процесс, как и отношение центральной власти к данному региону, ясно отражаются и во внутривластном контексте. За время активного участия Пекина в формировании, развитии, планировании и контроле культурной, экономической и политической деятельности в районе дельты р. Чжуцзян концепция района Большого залива носила разные названия. Кроме того, что это ареал культуры Линнань, культуры Гуанфу, а также «эры Кантона», в официальных документах сменяли друг друга несколько определений, которые отражают перемены в государственных планах относительно района Большого залива.

До 1985 г. эта местность была известна как 沿海经济开放区, т.е. «приморская открытая экономическая зона», одна из нескольких в то время в Китае. До 1994 г. правительство провинции Гуандун называло эту территорию 珠江三角洲经济区, т.е. «экономическая область дельты реки Чжуцзян», подчеркивая географическую принадлежность. В конце 1990-х гг. на основании названия (小) 珠三角, «малая зона дельты реки Чжуцзян», был выдвинут более расширенный вариант — 大珠三角, что можно перевести как «большая зона дельты реки Чжуцзян». В 2003 г. для обозначения этих территорий стали применять еще более широкий термин 泛珠三角 — «пан-дельта реки Чжуцзян». Однако в том же 2003 г. профессор Хуан Чжилян предложил названия «зона залива Линдинъян»⁷⁷ (伶仃洋湾区) или «зона Южно-китайского залива» (南湾区), по аналогии с названиями других известных мировых экономических зон⁷⁸.

В 2008 г. появился вариант «прибрежная зона развития провинции Гуандун, Гонконга и Макао» (粤港澳发展湾区), в которой, исходя из названия, были подчеркнуты главенствующие роли трех составных ее частей, а также интеграция Гонконга и Макао в единый проект. В том же году детальный план был сформулирован в документе «Проект реформ и планирования развития в дельте реки Чжуцзян»⁷⁹.

Интересно, что в 2013 г. на экономической карте морского побережья провинции Гуандун район Большого залива был отмечен названием 六湾区一半岛, что можно перевести как «шесть заливов и полуостров», т.е. состав ее дробился. В 2014 г. в Шэньчжэне был

⁷⁷ Также известен как Линдинский канал, среднее русло устья р. Чжуцзян.

⁷⁸ Ibid. P. 19.

⁷⁹ «珠三角地区改革发展规划纲要».

впервые выдвинут формат «концентрация на портовой экономике, создание новых преимуществ регионального сотрудничества в развитии»⁸⁰, что вписало экономику развивающейся прибрежной зоны в политическую повестку. Тогда же в контексте проекта «Морского Шелкового пути XXI века» был официально создан южно-китайский городской кластер. В марте 2015 г. район Большого залива в нынешнем его понимании впервые был упомянут на высоком уровне в контексте обсуждения государственной конкуренции на международной арене и в последующем неоднократно фигурировал в правительственных планах и отчетах, отражающих самое актуальное видение концепции⁸¹.

Поддержка на уровне государства, а также комплексная поддержка властных и управляющих структур на протяжении всей истории формирования района Большого залива выступили в качестве базовых факторов развития особой зоны. В 2015–2016 гг. были утверждены официальные планы и конкретные проекты, что обеспечило системный подход, контроль и распределение нагрузки в рамках района Большого залива и всей страны. «Подготовка базы для интеграции производства, преподавания/обучения, исследований, т.е. сочетание трех ключевых составляющих дало мощный толчок для развития уникального района», — отмечает Го Шипин⁸².

Чэнь Чэнь и Ло Лян пишут, что хотя у основных составляющих проекта района Большого залива различные системы ценностей и контроля, культурная интеграция — это внутренняя движущая сила района, его основа и база. Они также подчеркивают, что в документе «План проекта развития Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао»⁸³, опубликованном в феврале 2019 г., четко указано, что Большой залив Южного Китая — это «район совместного строительства цивилизации (человеческой культуры)» (共建人文湾区)⁸⁴.

В плане напрямую указано, что создание района Большого залива Гуандун–Гонконг–Макао и создание городской агломерации мирового уровня «способствуют на практике обогащению коннотации “одна страна, две системы”, дальнейшему углублению обменов и сотрудничества между материком и Гонконгом и Макао». В плане также отдельно отмечена необходимость способствовать интегра-

⁸⁰ 聚焦湾区经济，构建区域协同发展新优势.

⁸¹ Lin Xianyang, Tan Huali (ed.). Op. cit. P. 20.

⁸² Guo Shiping. Op. cit. P. 176–177.

⁸³ 粤港澳大湾区发展规划纲要

⁸⁴ 陈晨 Chen Chen, 罗亮 Luo Liang. 试论粤港澳大湾区的文化整合 Shi lun yuegang'ao dawanqu de wenhua zhenghe (О культурной интеграции района Большого залива Гуандун–Гонконг–Макао) // 实践与思考 Shijian yu sikao. P. 45–49.

ции городского и сельского развития, что актуально для данного региона⁸⁵.

Китайские исследователи Чэнь Сяюнь и Го Сяоминь подчеркивают ярко выраженную политическую основу проекта района Большого залива, а также его интеграцию в инициативу «Один пояс и один путь». В частности, они пишут, что фактором, консолидирующим силы региона извне, является «управление вместе с Коммунистической партией Китая в качестве высшего политического руководства»⁸⁶. В итоге реализация проекта проходит по трем осям: политической, экономической и внешнеполитической⁸⁷.

Говоря о внутренней объединяющей социокультурной концепции, Чэнь Чэнь и Ло Лян отмечают особую инклюзивность и толерантность культуры Линнань: «В процессе конкуренции и обмена с разными культурами [у культуры Линнань] не было серьезных конфликтов и конфронтации». По их мнению, возвращение Гонконга и Макао материковому Китаю настолько сильно повлияло на процессы интеграции района Большого залива, что его можно выделить в отдельный этап усиления данного региона. После очевидного всплеска культурного обмена перед правительством Китая на первый план вышла задача охраны памятников культуры Линнань на данной территории, распространение ценностей данной культуры, а также позиционирование культуры Линнань как ключевого внутреннего фактора дальнейшего объединения территории в рамках проекта района Большого залива⁸⁸.

Заключение

Рассмотрев такие важные особенности района Большого залива, как его местоположение, наличие природных и человеческих ресурсов, влияние окружающей среды, технологические и социально-культурные особенности, можно прийти к выводу, что влияние перечисленных факторов было комплексным и решающим для исторического развития и культурной консолидации людей, так или иначе ассоциирующих себя с культурой Линнань.

Общность прагматичной, новаторской и открытой к внешним контактам культуры Линнань, существовавшая в данном бурно

⁸⁵ 粤港澳大湾区发展规划纲要 Yuegang'ao dawanqu fazhan guihua gangyao (Программа развития района Большого залива). Центральный комитет Коммунистической Партии КНР, Государственный совет КНР. 2019.

⁸⁶ 陈晓运 Chen Xiaoyun, 郭小敏 Guo Xiaomin. 粤港澳大湾区建设的政治逻辑 Yuegang'ao dawanqu jianshe de zhengzhi luoji (Политическая логика строительства района Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао) // 学术论坛 Xueshu luntan. 2020. № 1. P. 90–98.

⁸⁷ Ibid. P. 92.

⁸⁸ Chen Chen, Luo Liang. Op. cit. P. 45–49.

развивающемся регионе, несомненно, стала базой и фоном для проявления исторических предпосылок образования района Большого залива на юге Китая. В так называемую «эру Кантона» посредством активной торговой деятельности и культурных обменов с иностранными купцами здесь были заложены основы городов и маршрутов для дальнейшего развития инфраструктуры региона, образовав его «каркас». Перемены происходили постоянно, однако в подавляющем количестве случаев они были мягкими, ненасильственными, определялись единым вектором развития.

Этническая общность способствовала консолидации населения: несмотря на большое число северных переселенцев и потоки мигрантов, проходящие через Гонконг и Макао, здесь главенствовала кантонская культура, чей язык также стал объединяющим средством. Ощутимый вклад внесли и хуацяо, китайские мигранты и их потомки, проживающие за рубежом, с их активами, инвестициями и полезными связями.

Реформы 1980-х гг. при определяющей роли Коммунистической партии Китая легли на благоприятную почву, позволили постепенно вписать район Большого залива в политическую, внешне- и внутри-экономическую повестку Китая, признав и выгодно используя специфику региона.

Особое политическое положение территорий и подход «одна страна — две системы» наложили отпечаток и на социально-культурный аспект жизни региона. В качестве главной задачи здесь издавна присутствовала не только экономическая или транспортная, но и «идейная интеграция, включая политический, правовой, образовательный, жизненный уклад, моральный и ценностный аспекты»⁸⁹.

За последние 40 лет проведения в КНР политики реформ и открытости район Большого залива последовательно прошел несколько этапов развития различных сфер, от сельского хозяйства до новой экономики. Однако до сих пор существуют различия между городами, которые, с учетом прошлого опыта и историко-социального контекста, предполагается нивелировать в ближайшей или, возможно, среднесрочной перспективе.

References

Лечен [Chen Chen], 罗亮 [Luo Liang]. 试论粤港澳大湾区的文化整合 [Shi lun yuegang'ao dawanqu de wenhua zhenghe] [Examining Cultural Integration in the Guangdong — Hong Kong — Macao Greater Bay Area]. 广州 [Guangzhou]: 实践与思考 [Shijian yu sikao], 2019. P. 45–49.

⁸⁹ Lin Xianyang, Tan Huali (ed.). Op. cit. P. 151–153.

陈晓运 [Chen Xiaoyun], 郭小敏 [Guo Xiaomin]. 粤港澳大湾区建设的政治逻辑 [Yuegang'ao dawanqu jianshe de zhengzhi luoji] [Political Logic of the Construction of the Guangdong — Hong Kong — Macao Greater Bay Area] // 学术论坛 [Xueshu luntan]. 2020. № 1. P. 90–98.

广东省社会科学院 [Guangdong sheng shehui kexueyuan] [Guangdong Academy of Social Sciences]. 粤港澳大湾区建设报告 (2018) [Yuegang'ao dawanqu jianshe baogao (2018)] [Report on the Construction of the Greater Bay Area (2018)]. 北京 [Beijing]: 社会科学文献出版社 [Shehui kexue wenxianchubanshe], 2018. 468 p.

Gunn G.C. *History Without Borders: The Making of an Asian World Region, 1000–1800*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2011. 444 p.

国世平 [Guo Shipping]. 粤港澳大湾区规划和全球定位 [Yuegang'ao dawanqu guihua he quanqiu dingwei] [Guangdong — Hong Kong — Macao Greater Bay Area Planning and Global Positioning]. 广州 [Guangzhou]: 广东人民出版社 [Guangdong renmin chubanshe], 2018. 308 p.

何文平 [He Wenping]. 清末民初的粤港澳流动与广东社会秩序 — 以匪患为例 [Qingmo min chu de yue gang'ao liudong yu guangdong shehui zhixu — yi feihuan wei li] [The Movements and Social Order in Guangdong in Late Qing and Early Republic of China: Taking Banditry as an Example] // 中山大学学报: 社会科学版 [Zhongshan daxue xuebao: shehui kexue ban]. 2013. № 4. P. 46–57.

Khodova S.S., Fedorova E.A. Rol' "khuatsyao" v formirovani politiki otkrytosti KNR [The Role of "Huaqiao" in the Development of the PRC's Policy of Openness] // Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. 2015. № 4. P. 7–13.

Lo Jung-Pang. *China as a Sea Power, 1127–1368. A Preliminary Survey of the Maritime Expansion and Naval Exploits of the Chinese People during the Southern Song and Yuan Periods* / Ed. by Bruce A. Elleman. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2012. XXX, 378 p.

Sea Rovers, Silver and Samurai: Maritime East Asia in Global History, 1550–1700 / Ed. by Tonio Andrade and Xing Hang. Honolulu: University of Hawaii Press, 2016. 396 p.

Strovskiy L.E. Rol' khuatsyao v razvitii kitayskoy ekonomiki [The Role of Huaqiao in the Development of the Chinese Economy] // Vestnik UGTU–UPI. Series: *Ekonomika i upravleniye*. 2008. № 2. P. 64–72.

Tagliacozzo E., Wen-Chin Chang. *Chinese Circulations: Capital, Commodities, and Networks in Southeast Asia*. Durham: Duke University Press, 2011. 552 p.

Van Dyke P.A. *Merchants of Canton and Macao: Politics and Strategies in 18th-Century Chinese Trade*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2011. 672 p.

Vogel E.F. *Deng Xiaoping and the Transformation of China*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 928 p.

粤港澳大湾区 — 蓄势待发, 剑指成功 [Yuegang'ao dawanqu — xushi dai fa, jian zhi chenggong] [The Guangdong — Hong Kong — Macao Greater Bay Area — Ready to Launch, Aiming for Success]. Ernst & Young Global Limited, 2018. 28 p.

粤港澳大湾区知识读本 [Yuegang'ao dawanqu zhishi duben] [Guangdong — Hong Kong — Macao Greater Bay Area Reading Book] / Ed. by 林先扬

[Lin Xianyang], 谈华丽 [Tan Huali]. 广州 [Guangzhou]: 广东人民出版社 [Guangdong renmin chubanshe], 2019. 216 p.

张磊 [Zhang Lei]. 奏响中华文化的协奏曲 — 粤港澳大湾区建设与岭南文化 [Zou xiang zhonghua wenhua de xiezouqu — yuegang'ao dawanqu jianshe yu lingnan wenhua] [A Concert for Chinese Culture — The Construction of the Guangdong — Hong Kong — Macao Greater Bay Area and Lingnan Culture] // 岭南文化 [Lingnan wenhua]. 2019. № 2. P. 1.

张思平 [Zhang Siping]. 粤港澳大湾区: 中国改革开放的新篇章 [Yuegang'ao dawanqu: zhongguo gaige kaifang de xin pianzhang] [Guangdong — Hong Kong — Macao Greater Bay Area: A New Chapter in China's Reform and Openness]. 北京 [Beijing]: 中信出版社 [Zhong xin chubanshe], 2019. 245 p.

Поступила в редакцию
9 марта 2020 г.

Н.Б. Селунская*

**«СПАСЕНИЕ ОТ ЗАБВЕНИЯ...»:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОШЛОГО
В ИСТОЧНИКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

N.B. Selunskaya

**“SALVATION FROM OBLIVION...”:
REPRESENTATION OF THE PAST
IN SOURCES OF HISTORICAL MEMORY**

Аннотация: Статья посвящена анализу тенденции развития исторической науки рубежа XX–XXI вв., связанной с так называемым «мемориальным бумом», который определил появление в 1980–1990-е гг. особой области «исследований памяти», *memory studies*, в предметном поле истории вообще и истории России в частности. Несомненное влияние на развитие этой области исторического знания оказало появление новых электронных средств хранения и транслирования информации, а также форм репрезентации прошлого, цифровизации источников разной типовой и видовой принадлежности. Следствием этих процессов стало выделение категории «источников исторической памяти», освоение которой требует решения ряда важных теоретических и методологических проблем. Наибольший интерес для исторического сообщества представляют методологические и источниковедческие аспекты исследований исторической памяти. Так, критерием выбора из комплексов источников различной типовой и видовой принадлежности тех, которые могут быть включены в структуру источников изучения исторической памяти, является их информативный потенциал, позволяющий «увидеть» прошлое, обогатить историческое знание эмоционально-психологическим восприятием образа прошлого. Важным тезисом методологического характера является признание того, что работа историка включает также функцию воображения, не ограничиваясь реконструкцией событий, а дополняя их «видением» и «представлением видения», извлеченного из источников памяти. В этой связи, с точки зрения источниковеда, весьма значимыми являются проблемы взаимодействия форм репрезентации прошлого и информативного потенциала источника в контексте современных практик *memory studies*, иерархии источников исторической памяти

* Селунская Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Selunskaya Natalia Borisovna, Doctor in History, Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-964-634-43-47; selounsk@yandex.ru

(письменных-текстовых, аудиовизуальных, монументальных) на основе критерия значимости отдельных типов, видов и комплексов источников для изучения богатого спектра проблематики исследований памяти, а также для общей оценки познавательного потенциала, пределов и возможностей этой категории источников. В статье показаны угрозы манипулирования образами истории и фальсификаций источников изучения исторической памяти, значимость научно-исторического подхода, который помогает спасти наше прошлое от забвения, не искажая и «обновляя» память о прошлом в его многообразных репрезентациях.

Ключевые слова: визуальные источники, источники исторической памяти, исследования памяти, контрпамять, мемориальный поворот, образ прошлого, репрезентации памяти, эго-источники.

Abstract. The article analyzes the direction in the development of historical science at the turn of the twentieth–twenty-first centuries, associated with the so-called “memorial boom”, which determined the appearance, in the 1980–1990s, of a special area of “memory research”, memory studies, in the subject field of history in general and the history of Russia in particular. The evolution of this area of historical knowledge was undoubtedly influenced by the emergence of new electronic means of storing and transferring information, as well as the forms of representation of the past and digitalization of sources of different types and species. The result of these processes was the formation of the category of “sources of historical memory”, whose development requires solving a number of important theoretical and methodological problems. The methodological and source critical aspects of the study of historical memory are of the greatest interest to the historical community. So, in order to select from various bodies of sources of different types and species those that can be included in the structure of sources for studying historical memory, one should apply the criterion of their informative potential, which permits to “see” the past, enrich historical knowledge with emotional and psychological perception of the image of the past. An important thesis of methodological nature is the recognition that the work of the historian also involves the function of imagination, not being limited to reconstructing events, but supplementing them with “seeing” and “presenting a vision” derived from memory sources. In this regard, the source researcher gives considerable significance to the problems of interaction between the forms of representation of the past and the informative potential of the source in the context of modern practices of memory studies, the hierarchy of sources of historical memory (written-text, audiovisual, monumental) based on the criterion of the importance of certain types, kinds and sets of sources for studying the rich spectrum of problems in memory research, as well as for a general assessment of the cognitive potential, limits and possibilities of this category of sources. The article shows the dangers posed by the manipulation with the images of history and falsification of sources related to the study of historical memory, the significance of the scientific-historical approach, which helps to save our past from oblivion, without distorting or “renovating” the memory of the past in its diverse representations.

Keywords: visual sources, sources of historical memory, memory studies, counter-memory, memorial turn, image of the past, representation of memory, ego-sources.

Историческая наука с рубежа XX–XXI вв. переживает «мемориальный бум» — появляется всё больше работ, связанных с понятиями «память», «воспоминание», «забвение». Именно такого рода исторические сочинения и способствовали формированию в 1980–1890-е гг. особой «области исследований памяти» — *memory studies*. В историческом сообществе даже говорят о современности как «мемориальной эпохе». Институциональным отражением формирования новой области истории можно считать издание журнала «История и память. Исследования в области репрезентаций прошлого», проведение по данной проблематике международных форумов, а также развитие практик конкретно-исторических исследований, посвященных отдельным аспектам изучения исторической (или культурной) памяти¹. Особо хочется отметить опыт конкретно-исторических исследований памяти в предметном поле истории России².

По мнению сторонников этого направления историографии и методологии истории, главным предметом истории становится не событие прошлого, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников и который транслировался последующим поколениям, превращаясь в «заверенную память», т.е. память, «преобразованную в историю»³.

Высокий спрос на тему памяти историки объясняют воздействием на современную историографическую традицию нескольких факторов. Так, представляется, что несомненное влияние на развитие этой области исторического знания оказало появление новых

¹ Об институализации и предмете исследований этого направления см., например: *Курилла И.* История и память в 2004, 2008 и 2014 годах // Отечественные записки. 2014. №3 (60). — URL: <http://magazines.rus.ru/oz/2014/3/4k.html> (дата обращения: 13.02.2020); *Захаров О.И.* Засеивая новое дисциплинарное поле // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 386–390; *Ростовцев В.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 2. Вып. 2. С. 106–126; *Леонтьева О.Б.* Мемориальный поворот // Диалог со временем. Вып. 50. М., 2015. С. 59–63; *Zelizer B.* Reading The Past against the Grain: The Shape of Memory Studies // *Critical Studies in Mass Communication*. Vol. 12. N 2 1992. P. 214–239.

² *Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. М., 2010; *Василенко И.А., Василенко Е.В., Ляпоров В.Н., Люлько А.Н.* Имидж России. Концепция национального и территориального брендинга. М., 2010; *Зорин В.А.* Проблема восприятия образа политика в контексте изучения его личности // Политическая психологи. М., 2011. С. 300–310; *Шестопал Е.Б.* Образы российской власти от Ельцина до Путина. М., 2006; *Святославский А.В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М., 2012; *Цимбаев К.Н.* Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Историческая культура императорской России. М., 2013. С. 475–498.

³ *Эксле О.Г.* Культурная память под воздействием историзма // *Одиссей. Человек в истории*. М., 2001. С. 268–285.

электронных средств хранения и транслирования информации, т.е. искусственной памяти, а также форм репрезентации прошлого, цифровизации источников разной видовой принадлежности. Этот феномен оценивается как своеобразный маркер, знаменующий начало эпохи новой культурной революции, который по своему значению не уступает рождению книгопечатания, а также, в более раннюю эпоху — появлению письменности. Отмеченный фактор относится к изменившимся условиям развития исторического знания, которые определяют происходящие изменения в источниковой базе исторического исследования, появления в классификации исторических источников категории «источников исторической памяти», освоение которой требует разработки теоретических и методологических проблем, возникающих в новой предметной области истории — *memory studies*. Так, необходимо раскрыть историю появления и основания выделения этой категории источников, ее соотношение с другими типами и видами источников, известных по «классическим» классификациям, а также оценить их познавательный потенциал для получения знания о прошлом.

Представляется, что объяснение истоков появления в практиках исторических исследований категории «источников исторической памяти» связано с изменениями, происходящими внутри социально-гуманитарного знания на современном этапе его развития, внешним проявлением которых и явилось оформление области изучения памяти. Эти изменения связаны с рассмотрением нашей культурной традиции с позиций «посткультуры», в которой «завершившееся» продолжает существовать как предмет воспоминаний. Кроме того, учитывая тот факт, что и «живое воспоминание» находится под угрозой исчезновения с уходом поколения очевидцев и недолговечностью эпохи коллективного воспоминания, возникает проблема сохранения образа прошлого путем формирования культурной памяти о прошлом⁴. Наконец, говоря о причинах столь явного подъема интереса к изучению памяти в современной российской историографии и к источникам исторической памяти как эмпирической основе этой области истории, необходимо назвать неоднократные «ревизии» прошлого с 1917 по 2000 г., стремление создать «согласительную» версию прошлого, опираясь на источники памяти, содержащие наиболее аутентичные версии прошлого

Обращаясь к истории формирования области «исследований памяти», историки находят истоки этого процесса в работах Р.Дж. Коллингвуда (1889–1943), в которых автор отмечал, «что сознание, кото-

⁴ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 11.

рое не могло бы помнить, не обладало бы и историческим знанием», а «память как таковая — всего лишь мысль, протекающая в настоящем, объектом которой является прошлый опыт». Историческое знание, по версии Коллингвуда, является «особым случаем памяти», «способности мысли прошлого возрождаться в настоящем»⁵. Он развивал идею «живого прошлого», которое изучает историк путем поиска и обнаружения в свидетельствах прошлого ответов на вопросы, задаваемые им сегодня.

Своеобразное развитие концепции исторической памяти историки находят и в отечественной историографии разных периодов. Так, например, В.Б. Шепелева (Омский государственный университет), подчеркивая «актуальность проблемы соотношения внутренних тенденций развития социумов и исторической памяти в период вызова времени XX — начала XXI века», усматривает истоки разработки проблемы истории и памяти в русской историософской мысли. Она отмечает, что русские мыслители середины XIX — начала XX в. обозначили проблему «сущностной памяти», «культурного кода» через феномен «русской идеи», которые являются «регулятивами исторического бытия» и определяют духовные начала, ценностные ориентиры народа, нации, их «лик и призвание»⁶.

Л.П. Репина отмечает, что разработкой теоретико-методологических проблем изучения исторической памяти занимались Ю.А. Левада и М.А. Барг⁷. Они развивали идею о том, что в каждую историческую эпоху историческое сознание представляет собой взаимодействие теоретических и практических форм социальной памяти, включающих народные предания, мифологические представления и научные данные.

В современном «мемориальном» дискурсе подчеркивается, что с точки зрения методологии эта новая область исследований характеризуется междисциплинарным подходом, сотрудничеством в исследовательских практиках историков, социологов, психологов, социальных антропологов, литературоведов, специалистов в области культуры. Сама область исследований памяти трактуется как явление европейской культуры XX в., «показатель перемен в самом обществе», как проявление «мемориального движения», «всемирного торжества памяти». Проявлениями этого мемориального движения являются широкий размах интереса в обществе к поиску своих «кор-

⁵ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 280, 378.

⁶ Шепелева В.Б. История и память в русской историософской мысли и вызов времени XX — начала XXI века // Материалы междунар. науч. конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: международная научная конференция». М., 2016. С. 437–438.

⁷ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI. М., 2011. С. 411–431.

ней», развитие коммеморативных практик, различных институций исторической памяти.

Так, в опубликованной в Мюнхене в 1992 г. монографии одного из идеологов этой области знания ученого-египтолога Яна Ассмана «Культурная память. Письменность, воспоминание и политическая идентичность в ранних цивилизациях» отмечалось, что «вокруг понятия воспоминание выстраивается новая парадигма наук о культуре»⁸. При этом представители данной области указывают на явную неопределенность самого предмета и концепта, его обозначающего. С определением понятия «памяти» ситуация весьма показательна и напоминает, по мнению историков, многозначность концепта «культура», имевшую 157 дефиниций. Так, Э. Тульвинг в статье «Существует ли 256 различных видов памяти?» приводит список всех выявленных им словосочетаний с концептом «память»⁹. И в отечественной, и в зарубежной историографии можно найти попытки классификации определений концепта памяти, выделения основных смыслов, вокруг которых структурируется предметное поле исследований коллективной памяти¹⁰.

Представляется, однако, что в современных дискуссиях наибольший интерес для исторического сообщества представляют методологические и источниковедческие аспекты исследований исторической памяти. В этой связи, с точки зрения источниковеда, весьма значимой является проблема форм репрезентации прошлого в контексте современных практик *memory studies*, иерархия источников исторической памяти, значимость отдельных типов, видов и комплексов источников для изучения конкретно-исторической проблематики. Важным представляется понимание содержания познавательного процесса историками, принадлежащими к области изучения исторической памяти. Так, американский историк Аллан Мегилл в своем докладе на международной конференции «История. Память. Идентичность», проходившей в Москве в октябре 2016 г., подчеркивал, что понимание историком своей задачи имеет двоякий смысл: получение знания о прошлом, т.е. познание прошлого и репрезентация прошлого, и получение образа прошлого¹¹. Следовательно, по мнению А. Мегилла, историк не должен ограничиваться реконструкцией реальных

⁸ Ассман Я. Указ. соч. С. 11.

⁹ См., например: *Tulving E. Are There 256 Different Kinds of Memory? // The Foundation of Remembering. New York, 2007.*

¹⁰ Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М., 2005. С. 170–220; *Zelizer B. Op. cit. P. 214–239.*

¹¹ Материалы междунар. науч. конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: международная научная конференция». М., 2016.

событий, того, что «действительно произошло». Работа историка включает и функцию воображения для представления того, *как что-то произошло*, т.е. реконструкция событий должна быть дополнена «видением» и «представлением видения», которые оцениваются значительнее, нежели просто знание, или узнавание.

Источники, позволяющие осуществить «репрезентации прошлого» в дополнение к «реконструкции» того, что было, относятся к категории источников исторической памяти, которые могут быть разнообразны по своей видовой и типологической принадлежности. Объединяющим их основанием является вовлеченность в практики исследований памяти — *memory studies*. То есть критерием выбора из комплекса нарративных источников тех, которые могут быть включены в структуру источников изучения исторической памяти, является их потенциальные информативные возможности «увидеть» прошлое, обогатить историческое знание эмоционально-психологическим восприятием образа прошлого. Именно этот подход определяет такую особенность категории «источники исторической памяти», как типовое и видовое разнообразие. Историки выделяют следующие разновидности источников исторической памяти, или формы репрезентации прошлого, «виды носителей памяти»: архитектурные сооружения и мемориальные памятники, произведения искусства, фильмы, школьные учебники, художественная и научная литература. В работах, посвященных изучению памяти, содержатся примеры исторического подхода к процессу формирования «источников памяти», в том числе к их периодизации, в которых выделяются различные этапы этого процесса. На основе способов формирования, фиксирования, сохранения и передачи воспоминаний людей о прошлом (исторической памяти) выделяют устную традицию, характерную для периода, когда «грамотность не пришла еще на смену традиционной устной культуре»¹² и которая составляла источниковую основу знаний первых историков Геродота и Фукидида, а также средневековых летописцев и историков. Эпоха Возрождения знаменовалась ростом значения письменной передачи памяти с использованием табличек и значков. Историками выделяется также память, основанная на простых заметках; механизированная память; электронная память, медиа-кино-телевидение, которые на современном этапе приобретают особую роль.

Поиск критериев определения категории источников исторической памяти, как видим, сопровождается предложениями различных классификаций, в том числе на основе этапов исторической эволюции и форм бытования этих источников в обществе, форм выражения

¹² Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. С. 418–419.

исторической памяти. В обобщенном виде историки выделяют «две модели репрезентации исторического прошлого» как способов передачи и фиксации исторической памяти: звуковой (эпос) и письменный (хроника). Каждая из названных моделей имеет «контрастные характеристики»¹³.

Своеобразным итогом поиска критериев для определения источников памяти как особой группы является заявление польского историка Мартина Кулы в его книге «Носители исторической памяти» о том, что «прошлое отражается буквально в каждом предмете и явлении», а «носителями памяти является буквально всё»¹⁴.

Представляется, однако, что в практиках исследований памяти историки фокусируют внимание на определенных типах и видах источников. Так, например, изучение коммеморативных практик как инструмента формирования воспоминаний основывается, прежде всего, на нарративных источниках: воспоминаниях участников и свидетелей событий. Но ими далеко не исчерпывается круг источников изучения памяти, который все более расширяется за счет привлечения, например, материалов, посвященных юбилеям исторических деятелей, церемониям празднования исторических «памятных» дат и событий. В структуре источниковой базы изучения исторической памяти появляются такие формы «репрезентации прошлого», как монументальная, представленная памятниками государственным и политическим лидерам, общественным деятелям, «места памяти», репрезентирующие пространственные образы исторических событий, например Бородинское поле, Поклонная гора. В этих пространствах протекала повседневная жизнь обычных людей, однако, по воле судьбы, они становились «центрами различных драматических событий или церемоний»¹⁵. Изучение «мест памяти» особенно развито во французской историографии, в частности, реализовано в форме проекта «Места памяти...» под руководством П. Нора¹⁶. Стоит упомянуть и об исследованиях в области топонимики, в фокусе внимания которых находятся названия / история переименований городов, улиц, станций метро. Такого рода источниковедческими исследованиями больше занимаются краеведы и историки локальной истории.

Наиболее значимым явлением для источниковеда на сегодняшний день является, пожалуй, массовое увлечение визуальными источниками как носителями исторической памяти: это иллюстрированная

¹³ Там же. С. 419–420.

¹⁴ См.: *Ростовцев В.А., Сосновский Д.А.* Указ. соч. С. 116.

¹⁵ См., например: *Иванова Т.Н., Дмитриева О.О.* Юбилей 1812 года // *История. Память. Идентичность...* С.159–161.

¹⁶ *Репина Л.П.* Память и историописание // *История и память: Историческая культура до начала Нового времени* / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 19–46.

открытка, фотография, музейные коллекции и экспозиции, исторические панорамы. Именно потому, что исследователи исторической памяти подчеркивают значимость «видения» эпохи, а источники визуализации памяти во многом определяют это видение прошлого и настоящего, демонстрируя, что «память визуальна». Вспоминая что-либо, мы стремимся представить, вообразить, комбинируя образы когда-то виденного. И индивидуальная, и коллективная память работает по принципу: чтобы лучше помнить, надо видеть (и наоборот, «с глаз долой — из сердца вон»). Это видение может быть сенсуальным-чувственным, когда историк работает с визуальными источниками — образами и даже реальными артефактами.

«Мемориальный угол зрения» при рассмотрении огромного комплекса источников, различных по типовой и видовой принадлежности, авторству и истории происхождения, содержащих информацию о различных историко-культурных явлениях, ранее мало связанных в научном дискурсе, теперь придает парадигматичность исследованиям многообразной проблематики предметного поля исторической памяти, определяет подходы к анализу и критерии оценки познавательного потенциала этой категории источников, именуемых объединяющим их определением как источников исторической памяти.

Так, при работе с традиционно используемыми историческими текстами, принадлежащими по видовой классификации к типу письменных источников, методология области изучения памяти диктует свою иерархию разновидностей нарративных источников как источников исторической памяти. На первый план при таком «мемориальном подходе» выступают источники личного происхождения, которые могут обеспечить репрезентацию как «видение» прошлого со своей спецификой. Эта специфика обозначена как «метафорический характер» видения прошлого, что означает «интеллектуальное» умственное видение прошлого через считывание текста источника исторической памяти. Исследователи исторической памяти выделяют целый ряд разновидностей источников, которые имеют свою специфику как источники изучения данного предметного поля и с этой точки зрения оцениваются их информативные возможности и разрабатываются методики анализа. Среди комплекса нарративных источников памяти выделяется, например, «травелог» — своего рода форма постижения «чужого» культурного пространства, которая представлена такой разновидностью источников, как записки путешественников¹⁷. Следует отметить, что еще К. Бестужев-Рюмин

¹⁷ Зилов А. Дневник русского путешественника по Европе. СПб., 1843; Греч Н.И. Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии. СПб., 1847; Кюхельбекер В.К. Европейские письма // Взгляд сквозь столетия. М., 1977.

указал на преувеличения и ошибки в такого рода источниках. На специфику информации, содержащейся в подобных источниках, указывал и академик М.Н. Тихомиров, который объяснял ошибки иностранцев тем, что «они обычно не знали языка народа страны, в которую они приезжали». Он отмечал неравномерность достоверности сочинений иностранцев о России, характеризовал особенности их восприятия «чужого пространства» следующим образом: «Приезжая в далекое государство, где нравы и обычаи резко отличались от Западной Европы, иностранцы обычно рассматривали новые для них порядки со своей точки зрения; поэтому им бросалось в глаза главным образом все отрицательное»¹⁸. Справедливости ради надо сказать, что М.Н. Тихомиров рассматривал «необъективность оценок» как общую черту записок иностранцев, характерную и для оценок Европы российскими путешественниками, например, В.К. Кюхельбекером в его «Европейских письмах»¹⁹. Впечатления современников, их образы стран, событий и персоналий содержатся также в такой разновидности источников памяти, как, например, «устная история», часто уже записанная историками в виде интервью. Эта разновидность источника исторической памяти часто используется при изучении идентичности персоналий, групп и общностей в исторической ретроспективе²⁰.

Следует признать, что особенностями современного этапа развития историографии является то, что она отвечает на вызовы, связанные с «мемориальным бумом» и успешно реализует стремление историков «историзировать историю» на основе сближения с литературой и активного вовлечения в исследование источников личного происхождения, или эго-источников. Таким образом, историк особое внимание уделяет текстам, фиксирующим индивидуальный опыт человека, его переживания, запечатленные в дневниках, переписке, мемуарах, т.е. источниках, включенных в категорию источников исторической памяти²¹.

Под влиянием мемориального поворота в современном источниковедении активно разрабатываются методология «истории понятий» при анализе исторических текстов, прежде всего источников

¹⁸ Источниковедение истории СССР. Вып. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. М., 1962. С. 319.

¹⁹ Кюхельбекер В.К. Указ. соч. С.113–116.

²⁰ Селунская Н.Б. Мифологема русский европеец как субъективное измерение идентичности эмигрантов первой волны // Диалог со временем. 2018. Т. 64. С. 179–195.

²¹ Селунская Н.Б. Образ своего/иного культурно-исторического пространства в беллетризованных мемуарных текстах А.И. Куприна // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 6. С. 144–150.

личного происхождения, квалифицируемых как источники исторической памяти. Особое внимание уделяется языку изучаемой эпохи, ключевым, базовым понятиям, которые могли исчезать и появляться вновь с иным наполнением, смыслами. Доказательством внимания к текстовым источникам как источникам исторической памяти являются специальные исследования, посвященные принципам и перспективам развития методологии истории понятий²². Отмечая, что истоками методологии анализа текстовых источников исторической памяти являются две школы зарубежной историографии истории понятий: немецкая (Begriffsgeschichte) и англосаксонская (History of Concepts) — исследователи особое внимание уделяют процедуре выбора текстов, аутентичных для извлечения ключевых, базовых понятий, через которые современники транслировали свои отношения, оценки явлений и событий прошлого. При этом подчеркивается «недостаточность» привлечения текстов «великих», известных авторов, а потребность в текстах, репрезентирующих «обыденность, повседневность» и содержащих с высокой частотой повторяемость понятий, бытовавших и использовавшихся в обществе.

Отмеченные требования к источнику продиктованы задачей «считывания», интеллектуального «видения» образов прошлого, отображенного в текстах, раскрытия смыслов понятий, расхождений между старыми значениями слова (понятия) и новым содержанием этого же слова. Примером подобного рода опыта сравнительно-контекстуального анализа может служить исследование текстов мемуарных источников по истории Государственной думы в России в начале XX в., написанных современниками, в том числе депутатами первого российского парламента²³. Критериями формирования комплекса исследуемых понятий для авторов были принципы системности, жанрового многообразия источников, массового использования в различных контекстах понятий. А процедура анализа включала выявление существенных и конкурирующих понятий, отражающих «пространство опыта» и представления о перспективах развитии общества, так называемые «горизонты ожиданий» представителей различных политических партий и движений. К числу таких ключевых базовых понятий были отнесены такие «конкурирующие понятия, как революция и реформа, конституционализм, парламентаризм, диктатура и другие, с целью выявления различий в видении перспектив развития общества. Интерес представляли названия

²² Тимофеев Д.В. Методология истории понятий в контексте истории дореволюционной России. Перспективы и принципы применения // Диалог со временем. Вып. 50. М., 2015. С.116–138.

²³ Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М., 2005.

политических партий и их эволюция в исторической ретроспективе, инструментом для исследования которых было сочетание синхронного и диахронного анализа, а также сравнительно-контекстуальный анализ употребления тех или иных словосочетаний для трансляции сути политических объединений, партий и фракций.

Значительной тенденцией развития источниковедения современных исторических исследований в условиях «мемориального поворота» стало расширение ареала источников, активное включение в научный оборот таких ранее игнорируемых или весьма слабо используемых историками типов исторических источников, как, например, аудиовизуальные источники. Этот особый тип исторических источников отличается тем, что обладает особым способом кодирования-фиксирования информации посредством звука (воспроизведения речи в том числе), создания визуального образа (изображения в виде фотографии, открытки, рисунка, кадра в кинематографе и др.). Кроме того, эти источники обладают особыми информативными возможностями, эмоционально-психологическим воздействием. Вместе с тем, такого рода источники требуют разработки специальных методик анализа в контексте исторического исследования.

Именно «визуальный материал» позволяет реконструировать историко-культурный фон бытования и развития исследуемых феноменов. Обращение к такой разновидности, аудиовизуальных источников, как кинофотофонодокументы и их исследование имеет традицию, в том числе — связанную институционально с историческим факультетом Московского университета. Так, разработка источниковедческих проблем исследования кинофотофонодокументов представляет собой важную часть научного наследия В.М. Магидова, известного ученого, чей творческий путь начинался на кафедре источниковедения, выпускником которой он являлся и где защищал диссертации²⁴. Он обобщил свои наработки по этой тематике в фундаментальной монографии «Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания»²⁵. Благодаря документальному характеру фотодокументов их историческая содержательная значимость со временем возрастает, приобретая все большую ценность сохранения исторической памяти о времени, людях и событиях. В то же время, подчеркивая значимость образного представления реальности, В.М. Магидов четко определил и ограниченность такого источника, как фотодокумент для историка, отмечая, что он способен остановить мгновение, но при этом оставить многое «за кадром».

²⁴ Подробнее см.: Кафедра источниковедения исторического факультета Московского университета / Под ред. А.Г. Голикова. СПб., 2019.

²⁵ Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005.

Использование коллекций фотографий в практике исторических исследований представляется весьма эффективным при изучении различных исторических явлений и периодов. Так, на кафедре источниковедения традиция анализа аудиовизуальных источников продолжает разрабатываться как известными специалистами, так и молодыми учеными²⁶. Опыт разработки визуальных источников на историческом факультете проявился не только в научных источниковедческих исследованиях, но и в организации конференций, посвященных проблемам освоения визуальных источников. Так, 28 февраля 2019 г. по инициативе кафедр источниковедения и исторической информатики состоялась конференция «Роль источников визуальной информации в информационном обеспечении исторической науки» в рамках проекта «Роль музеев, библиотек и архивов в информационном обеспечении исторической науки»²⁷. Открывая конференцию, академик РАО, профессор Л.С. Белоусов подчеркнул значимость оценки роли «визуального поворота» как характеристики современного этапа развития мировой исторической науки и его влияния на исследовательские практики и гуманитарное образование в целом. Проблемам преподавания источниковедения изобразительных источников был посвящен доклад заведующего кафедрой источниковедения, профессора А.Г. Голикова, в котором были раскрыты истоки разработки этой области источниковедения в трудах В.А. Плугина, а также продемонстрирован современный опыт освоения изобразительных источников и способы его транслирования студенческой аудитории в ходе образовательного процесса. О новых возможностях, связанных с цифровым поворотом, так называемой цифровой (digital) революцией говорилось в докладе чл.-корр. РАН, профессора Л.И. Бородинкина. Им был убедительно доказан тот факт, что историк может привлекать «виртуальные» визуальные источники, т.е. в оцифрованном формате, среди которых могут быть и экспонаты музейных коллекций, и монументальные источники исторических мест (мест памяти), этнографические и другие материалы для реконструкции объектов историко-культурного наследия.

Оценивая трансформации в области источниковедения, связанные с развитием *memory studies*, следует отметить их значимость. Так, расширение ареала источников и методик анализа «традиционных» и «новых» их типов и видов в практиках исследования памяти, а также

²⁶ Голиков А.Г., Рыбаченок И.С. Смех — дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политическое карикатуре. М., 2010; Андрианова Е.Н. «Фотографии с натуры» — источник по социальной истории России конца XIX в. Саарбрюккен, 2012.

²⁷ Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Автор-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.Г. Голиков. М., 2019.

развитие методик их анализа, интерпретации, понимания несомненно важны для получения комплиментарного исторического знания в форме эмоционально-психологического, сенсуально-чувственного «видения» образов исторических эпох, народов, персоналий.

Новая парадигма социально-гуманитарных исследований, связанных с понятием коллективной памяти, предполагает в частности изменение представлений об источниках исследований памяти, основы реконструкции образа прошлого. В контексте рассмотрения методологических и источниковедческих проблем исследований памяти наибольший интерес представляют интерпретации исторической памяти как символической репрезентации исторического прошлого, как канала передачи опыта и сведений о прошлом и как важнейшей составляющей самоидентификации индивида, социальной группы или общества. Кроме того, исследователями дискутируется инструменталистский, прагматический подход к коллективной памяти как к инструменту оперирования со временем в интересах социальных групп для достижения определенных целей и получения выгод.

Опираясь на приведенные наблюдения исследователей относительно опыта изучения памяти, можно сделать вывод о сложности природы феномена памяти как предмета исторических сочинений, что обусловило многообразие аспектов, проблематики изучения памяти. Кроме того, очевидна значимость разработки методологии и источниковой базы изучения исторической памяти в контексте развития и расширения познавательных средств и эмпирической основы реконструкции прошлого современным историческим сообществом. Каждое новое поколение составляет свой образ эпохи, эти образы наслаиваются, образуя многослойное восприятие эпохи и делая почти невидимым первоначальный текст (как переписанные пергаменты). Вернуться к первоначальному слою — и показать облик эпохи глазами и голосами участников и современников, в частности тот, который запечатлели различные «источники, репрезентирующие память о прошлом», — это задача источниковеда сегодняшнего дня. Именно степень внимания к источниковедческим проблемам во многом определяет познавательные возможности практик исследования памяти. В то же время представляется необходимой и оценка социальных и политических аспектов историографических практик изучения памяти как инструмента «оперирования историком временем» и моделирования образов прошлого, которые имеют своим следствием феномен, известный как «войны памяти».

Одной из наиболее активно изучаемых тем в области исследований памяти является «проблема пластичности коллективной памяти», степени свободы конструирования того или иного образа прошлого в соответствии с запросами современности. Отметим, что

у историков уже не вызывает споров тезис о том, что образ прошлого является социокультурным конструктом, а не данностью, реальностью и др. Здесь акцент делается на то, как политически доминирующие группы в обществе манипулируют образами исторического прошлого и внушают массам определенную концепцию истории, легитимизирующие их политические цели и господство. В этом аспекте наиболее продуктивным является «динамически-коммуникативный подход» к изучению социальной (культурной) памяти. Акцент здесь делается на процесс социальной коммуникации, на ограничения и воздействия на участников процесса взаимодействия, желающих переинтерпретировать прошлое в своих целях.

При данном подходе важно учитывать, что память конструируется не только «сверху» (правящими элитами), но и «снизу». Каждый проект конструирования памяти о том или ином событии может столкнуться с проектами «контрпамяти», так называемой «оппозиционной памяти». Этот постмодернистский по своей природе подход ассоциируется в историографии с идеями М. Фуко о «контрпамяти» как форме сопротивления доминирующему комплексу «власти-знания», который своим следствием имеет «возникновение множества малых и мелких историй», приход на смену официальной истории, «монолога», многообразия нарративов, превращение современных обществ в сообщества «групп памяти». Историки отмечают, что негативными проявлениями мемориального поворота в историографии явились так называемые «войны памяти», которые вызвали активизацию проблематики, связанной с исторической политикой в спорах между государствами, развитие практики принятия «мемориальных законов», предполагающих административную и даже уголовную ответственность за публичное высказывание определенных взглядов на прошлое²⁸. В историографии исследований памяти подчеркивается, что все чаще в эпоху возникновения новых национальных государств мобилизуются образы исторических деятелей и конструируются мифологемы начала своей истории. В качестве примера приводятся практики «эксплуатации» «фигуры первого русского царя», которая «стала символической и связана с ролью России в судьбах народов постсоветского пространства»²⁹. По мнению историков, в подобных «проектах» образ Ивана Грозного (1533–1584) репрезентирует образ русского правителя вообще, исторический типаж, средство обличения «русского империализма» и «московского деспотизма».

²⁸ Цимбаев К.Н. Указ. соч.; Святославский А.В. Указ. соч.

²⁹ Филюшкин А.И. «Мобилизация тирана»: образ Ивана Грозного в «войнах памяти» на постсоветском пространстве // История, память, идентичность. Теоретические основания и исследовательские практики. Материалы междунар. науч. конференции. М., 2016. С.413–416.

Как видим, социально-политические и идеологические мотивы в практиках исследований исторической памяти, формирования образов прошлого и его репрезентаций усиливают значимость источниковедческих проблем для этой области исторического знания. Представляется, что введенная в практики исследований категория «источников исторической памяти» является операциональным конструктом, обозначающим весьма разнородный по своей видовой принадлежности, информативной ценности и степени надежности комплекс источников, объединенный предметным полем его использования историками. Именно это предметное поле, изучение исторической памяти, как и сформулированные историком конкретные цели и задачи, во многом определяют подходы к критике и анализу источников, составляющих эмпирическую основу исследовательских практик в данной области исторического знания. Вместе с тем, представляется важным отметить, что сами методики работы с источниками исторической памяти должны рассматриваться как продолжение, развитие, корректировка тех методов анализа определенных типов и видов исторических источников, которые имеют глубокую традицию в мировой историографии. Спасая от забвения, историк не должен позволять себе искажать и обновлять память о прошлом в его многообразных репрезентациях.

References

Andrianova E.N. *“Fotografii s natury” — istochnik po sotsial’noy istorii Rossii kontsa XIX v.* [“Photos from Nature”. A Source on the Social History of Russia at the End of the 19th Century]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 131 p.

Assman Ya. *Kul’turnaya pamyat’. Pis’mo, pamyat’ o proshlom i politicheskaya identichnost’ v vysokikh kul’turakh drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury, 2004. 368 p.

Barabash V.V., Bordyugov G.A., Kotelenets Ye.A. *Obrazy Rossii v mire* [Images of Russia in the World]. Moscow: AIRO-XXI, 2010. 296 p.

Collingwood R.G. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. Autobiography]. Moscow: Nauka, 1980. 486 p.

Filyushkin A.I. *“Mobilizatsiya Tirana”: obraz Ivana Groznogo v “voynakh pamyati” na postsovetском prostranstve* [“Mobilization of a Tyrant”: the Image of Ivan the Terrible in the “Wars of Memory” in the Post-Soviet Space] // *Istoriya. Pamyat’. Identichnost’. Teoreticheskiye osnovaniya i issledovatel’skiye praktiki. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [History. Memory. Identity. Theoretical Foundations and Research Practices. Acta of the International Academic Conference]. Moscow: Akvilon, 2016. P. 413–416.

Golikov A.G., Rybachenok I.S. *Smekh — delo ser’yeznoye. Rossiya i mir na rubezhe XIX–XX vekov v politicheskoy karikature* [Laughter is Serious Business.

Russia and the World at the Turn of the 19th–20th Centuries in Political Caricature]. Moscow: IRI RAN, 2010. 328 p.

Istochnikovedeniye istorii SSSR [Source Study of the History of the USSR] Is. 1. *S drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka* [From Ancient Times to the End of the 18th Century]. Moscow: Sotsekgiz, 1962. 319 p.

Ivanova T.N., Dmitriyeva O.O. *Yubiley 1812 goda* [Anniversary of 1812] // *Istoriya. Pamyat'. Identichnost'. Teoreticheskiye osnovaniya i issledovatel'skiye praktiki. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [History. Memory. Identity. Theoretical Foundations and Research Practices. Acta of the International Academic Conference]. Moscow: Akvilon, 2016. P. 159–161.

Kafedra istochnikovedeniya istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta [Department of Source Studies, Faculty of History, Moscow University] / Ed. by A.G. Golikov. Saint Petersburg: Aleteyya, 2019. 302 p.

Kurilla I. *Istoriya i pamyat' v 2004, 2008 i 2014 godakh* [History and Memory in 2004, 2008 and 2014] // *Otechestvennyye zapiski*. 2014. № 3 (60). P. 36–43.

Leon't'yeva O.B. *Memorial'nyy povorot* [Memorial Turn] // *Dialog so vremenem*. 2015. Is. 50. P. 59–63.

Magidov V.M. *Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniya* [Cinema-Photo-Phono Documents in the Context of Historical Knowledge]. Moscow: RGGU, 2005. 394 p.

Oexle O.G. *Kul'turnaya pamyat' pod vozdeystviyem istorizma* [Cultural Memory under the Influence of Historicism] // *Odissey. Chelovek v istorii* [Odysseus. A Person in History]. Moscow: Nauka, 2001. P. 268–285.

Repina L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.* [Historical Science at the Turn of the 20th–21st Centuries]. Moscow: Krug, 2011. 560 p.

Repina L.P. *Pamyat' i istoriopisaniye* [Memory and History Writing] // *Istoriya i pamyat': Istoricheskaya kul'tura do nachala Novogo vremeni* [History and Memory: Historical Culture before the Modern Time] / Ed. by L.P. Repina. Moscow: Krug, 2006. P. 19–46.

Rol' izobrazitel'nykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sbornik statey [The Role of Pictorial Sources in the Information Support of Historical Science: A Collection of Articles] / E.A. Vorontsova, author-compiler; A.G. Golikov, editor in chief. Moscow: Nestor-Istoriya, 2019. 1024 p.

Rostovtsev V.A., Sosnitskiy D.A. *Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii* [Directions of Historical Memory Studies in Russia] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2014. Ser. 2. Is. 2. P. 106–126.

Savel'yeva I.M., Poletayev A.V. *“Istoricheskaya pamyat’”: k voprosu o granitsakh ponyatiya* [“Historical Memory”: Concerning the Question of the Boundaries of the Concept] // *Fenomen proshlogo* [Phenomenon of the Past] / Ed. by I.M. Savel'yeva, A.V. Poletayev. Moscow: GU–VSHE, 2005. P. 170–220.

Selunskaya N.B. *Mifologema “russkiy yevropeyets” kak sub'yektivnoye izmereniye identichnosti emigrantov pervoy volny* [“Russian European” Mythologeme as a Subjective Dimension of the Identity of the First Wave Emigrants] // *Dialog so vremenem*. 2018. Is. 64. P. 179–195.

Selunskaya N.B. *Obraz svoyego/inogo kul'turno-istoricheskogo prostranstva v belletrizovannykh memuarnykh tekstakh A.I. Kuprina* [The Image of the Our/Other

Cultural and Historical Space in the Fictionalized Memoir Texts of A.I. Kuprin] // *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. 2019. № 6. P. 144–150.

Selunskaya N., Toshtendal' R. *Zarozhdeniye demokraticheskoy kul'tury: Rossiya v nachale XX veka* [The Birth of Democratic Culture: Russia at the Beginning of the 20th Century]. Moscow: ROSSPEN, 2005. 336 p.

Shepeleva V.B. *Istoriya i pamyat' v russkoy istoriosofskoy mysli i vyzov vremeni XX — nachala XXI veka* [History and Memory in Russian Historiosophical Thought and the Challenge of the Times of the 20th — Early 21st Century] // *Istoriya. Pamyat'. Identichnost'. Teoreticheskiye osnovaniya i issledovatel'skiye praktiki. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [History. Memory. Identity. Theoretical Foundations and Research Practices. Acta of the International Academic Conference]. Moscow: Akvilon, 2016. P. 437–438.

Shestopal E.B. *Obrazy rossiyskoy vlasti ot Yel'tsina do Putina* [Images of Russian State Power from Yeltsin to Putin]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 535 p.

Svyatoslavskiy A.V. *Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov* [The History of Russia in the Mirror of Memory. Mechanisms for the Formation of Historical Images]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2012. 592 p.

Timofeyev D.V. *Metodologiya istorii ponyatiy v kontekste istorii dorevolutsionnoy Rossii. Perspektivy i printsipy primeneniya* [Methodology of the History of Concepts in the Context of the History of Pre-Revolutionary Russia. Prospects and Principles of Application] // *Dialog so vremenem*. 2015. Is. 50. P. 116–138.

Tsimbayev K.N. *Rekonstruktsiya proshlogo i konstruirovaniye budushchego v Rossii XIX veka: opyt ispol'zovaniya istoricheskikh yubileyev v politicheskikh tselyakh* [Reconstruction of the Past and Construction of the Future in the 19th-century Russia: The Experience of Using Historical Anniversaries for Political Purposes] // *Istoricheskaya kul'tura imperatorskoy Rossii* [Historical Culture in Imperial Russia]. Moscow: VSHE, 2013. P. 475–498.

Tulving E. *Are There 256 Different Kinds of Memory?* // *The Foundation of Remembering*. New York: Psychology Press, 2007. P. 39–52.

Vasilenko I.A., Vasilenko E.V., Lyaporov V.N., Lyul'ko A.N. *Imidzh Rossii. Kontseptsiya natsional'nogo i territorial'nogo brendinga* [The Image of Russia. National and Territorial Branding Concept]. Moscow: Ekonomika, 2010. 222 p.

Zakharov O.I. *Zaseivaya novoye distsiplinarnoye pole* [Sowing a New Disciplinary Field] // *Dialog so vremenem*. 2013. Is. 42. P. 386–390.

Zelizer B. *Reading The Past against the Grain: The Shape of Memory Studies* // *Critical Studies in Mass Communication*. Vol. 12. № 2. 1992. P. 214–239.

Zorin V.A. *Problema vospriyatiya obraza politika v kontekste izucheniya yego lichnosti* [The Problem of the Perception of the Image of a Politician in the Context of Studying His Personality] // *Politicheskaya psikhologiya* [Political Psychology]. Moscow: Aspekt Press, 2011. P. 300–310.

Поступила в редакцию
15 февраля 2020 г.

В.Ю. Коваль

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВО-ЗЕМЛЯНОЙ ФОРТИФИКАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО СМОЛЕНСКА

V.Yu. Koval

PROBLEMS OF STUDYING THE EARTH-AND-TIMBER FORTIFICATIONS OF THE MEDIEVAL SMOLENSK

Аннотация. О фортификации средневекового Смоленска сохранилось очень мало письменных источников, а раскопки оборонительных сооружений проводились всего несколько раз. Материалы же шурфовок и наблюдений за строительными работами не предоставляют качественного источника для решения задач установления хронологии и реконструкции внешнего вида и инженерии таких сооружений. И данные письменных источников, и материалы археологических исследований рассматривались в прошлом через призму устаревшей концепции, видевшей в валах целенаправленно сооружавшиеся насыпи, поверх которых ставились частоколы или пустотелые срубы. На современном этапе появилось иное видение древней фортификации: валы являются руинами древо-земляных стен, представлявших собой цепочки дубовых срубов-городней, заполненных грунтом. Только после разрушения деревянной обшивки и высыпания из нее грунта формировались земляные гряды-валы с остатками деревянных срубных стен внутри. Новое рассмотрение материалов раскопок прошлых лет в Смоленске с этой точки зрения показывает, что открытые тут конструкции полностью ей соответствуют. Ценность смоленских материалов состоит также в том, что здесь изучались остатки стен, возведенных в XVI в., которые ни в одном другом русском городе не подвергались археологическим раскопкам. Между тем в это время, в связи с распространением огнестрельной артиллерии, шел быстрый переход от средневековых традиций строительства к новым приемам, направленным на противодействие пушечному огню. Археологическими методами установлено, что позднесредневековая стена Смоленска создавалась по нормам древнерусского оборонного зодчества, однако письменные источники свидетельствуют о наличии в этих деревянных стенах «нижнего боя» — камер для установки пушек. В Смоленске впервые в России была исследована центральная часть воротного прохода в стене XVI в., помещенного на дно естественной ложбины и снабженного дренажем. В статье рассмотрен также вопрос о датировке строительства

* Коваль Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии Института археологии РАН

Koval Vladimir Yurievich, PhD Candidate in History, Head, Department of Medieval Archeology, Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences
kavaloko@mail.ru

этой стены с привлечением всего комплекса письменных и археологических источников, что позволило допустить два варианта такой даты — около 1530-х гг. и середина 1580-х гг.

Ключевые слова: городские стены, валы, городни, археологические исследования, реконструкции средневековых фортификаций, огнестрельная артиллерия.

Abstract. Very few written sources have survived about the fortification of medieval Smolensk, and excavations of fortifications were carried out only a few times in the past. The materials of test pitting and observations of construction work are not a first-class source for solving the problems of establishing chronology and the reconstruction of the appearance and engineering of such structures. Both the data of written sources and the materials of archaeological research were considered in the past through the prism of an outdated concept, which viewed the ramparts as purposefully built mounds, on top of which palisades or hollow log cabins were placed. At the present stage, a different vision of ancient fortification has been developed: the ramparts are the ruins of earth-and-timber walls, which were chains of oak log cabins filled with soil. Only after the destruction of the wooden sheathing and the pouring out of the soil were earthen ridges-ramparts with the remnants of wooden log walls inside them formed. Within this framework, a new examination of the materials from the excavations of previous years in Smolensk shows that the structures discovered here fully correspond to this theory. The value of Smolensk artefacts also lies in the fact that the study covered the remains of the walls erected in the 16th century, which have not been an object of archaeological excavations in any other Russian city. However, that time, due to the spread of firearms, was the period of a rapid transition from medieval traditions of construction to new techniques aimed at countering cannon fire. Investigation by archaeological methods has established that the late medieval wall of Smolensk was created according to the norms of ancient Russian defense architecture, but written sources testify to the presence in these wooden walls of the “lower battle”, chambers for installing canons. Smolensk was the first case in Russia where the central part of the gateway in the wall of the 16th century was explored. The gateway was placed at the bottom of a natural hollow and equipped with drainage. The article also considers the issue of dating the construction of this wall with the involvement of the entire complex of written and archaeological sources, which allowed us to propose two versions of such a date: around the 1530s and mid-1580s.

Keywords: city walls, ramparts, gorodnyas, archaeological research, reconstruction of medieval fortifications, firearms.

* * *

Оборонительные сооружения средневекового Смоленска — тема для изучения крайне сложная, поскольку от них почти ничего не осталось. На фоне выразительных кирпичных стен достоверно реставрированной крепости, воздвигнутой в финале Средневековья (в 1596–1602 гг.), сохранившиеся остатки более ранних фортификационных сооружений выглядят как примитивные насыпи. В этом смысле Смоленск не отличается от других крупных городов Руси

(Киева, Чернигова, Минска, Москвы, Твери и др.), где к настоящему времени от древнейших укреплений не осталось уже никаких выразенных в рельефе объектов — валов или рвов.

В то же время, для перечисленных центров все же имеется большой корпус как изобразительных и письменных, так и археологических источников, позволяющих с высокой степенью достоверности реконструировать хотя бы трассировку древних оборонительных рубежей. Смоленск в значительной степени лишен этой возможности, поскольку его древнейшие укрепления всё еще не обнаружены. Поэтому до сих пор высказывались лишь осторожные предположения (и сомнения) о размещении первоначальных укреплений X–XI вв. и детинца более позднего времени на Соборной горе¹. Между тем гравюра 1611 г. отчетливо показывает на Соборной горе крепостную стену с башнями, которая не могла быть ничем иным, кроме цитадели, наследовавшей древнему детинцу (рис. 1, 1). И хотя гравюра была впервые опубликована лишь совсем недавно², ту же стену прекрасно видно на Сигизмундовой медали³, образцом для которой послужила эта гравюра, а медаль уже многократно привлекалась специалистами при изучении прошлого Смоленска⁴. Но на эту стену внимания никто не обратил (видимо, потому, что на медали разглядеть мелкую деталь было трудно). Таким образом, имеется прямое свидетельство о существовании здесь в конце XVI — начале XVII в. укреплений, подтверждаемое также упоминанием папского легата Антонио Поссевино, побывавшего в Смоленске в 1581 г., о «крепости, расположенной на вершине холма вместе с храмом»⁵. К сожалению, плотная городская застройка не позволила пока найти археологические подтверждения этому интересному факту.

Археологическое изучение ранней фортификации Смоленска проводилось в свое время Н.В. Сапожниковым⁶, много сделавшим для выявления мест, перспективных для поисков остатков городских оборонительных сооружений. К сожалению, ни в период его работы,

¹ Авдусин Д.А. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии // Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967. С. 73–85; Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Древний Смоленск // Советская археология. 1979. № 1. С. 73–88.

² Чаевски Е. Смоленские дела Иоганна Плейтнера — военного инженера короля Владислава IV Ваза // Край Смоленский. 2018. №11. С. 16.

³ Сапожников Н.В. Историческая топография Древнего Смоленска. Смоленск, 2016. С. 67. Рис. 16.

⁴ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Указ. соч. С. 77. Рис. 2.

⁵ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 46.

⁶ Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 50–79; Он же. Историческая топография Древнего Смоленска.

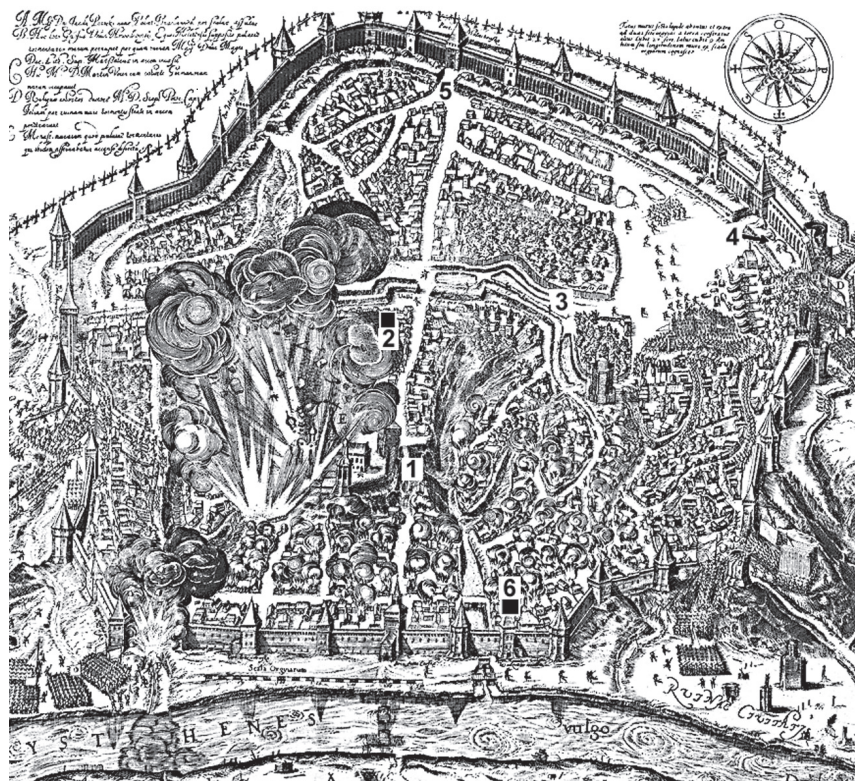

Рис. 1. Смоленск на гравюре 1611 г. 1. Стена и башни на Соборной горе. 2. Местоположение раскопа О.М. Олейникова 2005–2006 гг. 3. Трасса стены «Большого Старого города» (в XV–XVI вв.). 4. Трасса стены «Нового города» (XVI в.). Стрелкой указано место раскопок Н.В. Сапожникова у Копытецких ворот. 5. Молоховские ворота (место раскопок Г.Н. Пронина). 6. Место раскопок Г.Н. Пронина в «Пятницком конце».

ни впоследствии, вплоть до нынешнего времени, археологам ни разу не удалось выявить и изучить остатки укреплений XI–XV вв., хотя некоторые признаки былого их существования все же обнаруживаются. Так, при работах О.М. Олейникова на раскопе по адресу ул. Ленина, 8а в 2005–2006 гг. (рис. 1, 2) была зафиксирована прослойка светлой супеси, которая вполне могла сформироваться в ходе разрушения древних древо-земляных стен в 1630-е гг.⁷ Автор раскопок привел весьма убедительные аргументы в пользу размещения остатков этих

⁷ Олейников О.М. Раскоп на улице Ленина, 8-а в Смоленске (результаты охран-ных археологических исследований 2005–2006 гг.) // Материалы охранных археологических исследований. Т. 17. Чебоксары, 2015. С. 149, 150. Рис. 7, 14.

стен к югу от исследованного раскопками участка, где на планах Смоленска начала XVII в. показана линия древнего вала⁸ (рис. 1, 3). Столь же убедительно им отвергнуты допускавшиеся разными исследователями иные варианты размещения этих стен⁹.

Однако ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезу О.М. Олейникова невозможно без проведения масштабных раскопок на участке, где могли бы сохраниться хотя бы какие-то остатки древних укреплений. Тот факт, что в современном рельефе эти укрепления не прослеживаются, говорит о том, что скорее всего от той их части, что возвышалась когда-то над землей, в лучшем случае сохранились лишь очень незначительные остатки. Но перед каждой стеной должен был иметься ров — и вот он не мог не сохраниться. Поэтому в дальнейшем при городских раскопках основное внимание следует уделять поискам именно этого маркера линии укреплений. Если бы удалось изучить такой ров на значительной площади и получить несколько его разрезов, а также исследовать все стратиграфические прослойки в его заполнении, это позволило бы достоверно реконструировать как этапы строительства и перестроек стены, так и установить ее высоту на каждом из таких этапов. Методика подобных реконструкций достаточно хорошо разработана¹⁰.

Необходимо только особо выделить один принципиально важный момент: все исследователи ранней смоленской фортификации (И.И. Орловский, П.А. Раппопорт, Л.В. Алексеев, Н.В. Сапожников, О.М. Олейников) писали не о стенах, а о «насыпных валах». Причина применения такой терминологии состояла в следовании укоренившемуся стереотипу представлять фортификацию древнерусских городов в виде насыпей, поверх которых сооружались частоколы или пустотелые деревянные стены. Эта историографическая традиция сформировалась в XIX в., когда никаких археологических исследований валов еще не проводилось и историками высказывались лишь догадки, базировавшиеся на двух главных «источниках»:

1. Им были известны земляные защитные сооружения XVIII–XIX вв., широко применявшиеся военными инженерами того времени (редуты, бастионы, шанцы и т.п.).

2. Столь же хорошо были известны полностью деревянные крепости, строившиеся в Сибири русскими землепроходцами в XVII в., многие из которых сохранились даже до XX в.

⁸ Речь идет о двух гравюрах — 1611 г. (ставшей образцом для «Сигизмундовой медали» отчеканенной в память о взятии Смоленска) и анонимном плане города 1627 г. См.: Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска. Рис. 4, 16.

⁹ Там же. С. 149, 152.

¹⁰ Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М., 2009. С. 93–96.

Этих сведений казалось тогда достаточно для формирования ретроспективного представления о средневековой фортификации, включавшей земляные насыпи и деревянные стены (и башни) поверх них. При этом совершенно не учитывалось, что и земляные редуты, и деревянные крепости Сибири были конструкциями, приспособленными для ведения военных действий с самым широким использованием огнестрельного оружия. Редуты были необходимы для защиты от ружейно-артиллерийского обстрела, но они никогда не дополнялись деревянными стенами, не предоставлявшими никакого укрытия от пушечных ядер. Деревянные крепости Сибири, напротив, строились без всякого использования земли, и от них не осталось валов. Это объяснялось тем, что эти укрепления предназначались для воинов, вооруженных ружьями, которым противостояли местные племена, не знавшие огнестрельного оружия и оснащенные только копьями, луками и стрелами, от которых эффективно защищала любая, даже самая примитивная деревянная стена (в том числе обычный частокол). Поэтому переносить реалии Нового времени на Средневековье, когда использовалось совсем другое оружие и сам характер военных действий был совершенно иным, методически недопустимо. Тем не менее, такой перенос был совершен историками военного дела XIX в., не имевшими представления о защите городов средневековой Руси.

Начало этой традиции было положено военным инженером Ф.Ф. Ласковским, собравшим большой объем информации о конструкции крепостей XVII–XVIII вв.¹¹ В дальнейшем историки и археологи постоянно ссылались на его фундаментальный свод, не пытаясь критически осмыслить сделанные в нем выводы. Ярким примером механического переноса данных Ласковского на древнерусскую эпоху стала реконструкция В.В. Хвойко укреплений окольного города Белгорода Киевского в 1909–1910 гг.¹² Раскопав обширный участок вала, этот исследователь обнаружил в нем цепочки дубовых срубов, заполненных утрамбованным грунтом, у которых с напольной стороны имелся массивный приклад из сырцовых кирпичей (фактически это была стена толщиной и высотой более 2,5 м). Но археолог не смог отказаться от воспринятого уже стереотипа насыпных преград (редутов, валов) и посчитал остатки этой мощной стены конструкцией, предназначенной быть основой насыпного земляного вала. А роль городской стены он отвел легкому частоколу с откосами-подпорками,

¹¹ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. I. СПб., 1858.

¹² Полонская Н.Д. Археологические раскопки В.В. Хвойко 1909–10 г. в м. Белгородке // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911. С. 47–66.

предохранявшими от обрушения эту ничтожную ограду¹³. При этом никаких следов частокола при раскопках найдено не было — частокол был скопирован из книги Ласковского.

В дальнейшем ничем фактически не обоснованное представление о валах как основе древнерусской фортификации было воспринято без критического анализа советскими археологами — Б.А. Рыбаковым, Н.Н. Ворониным, П.А. Раппопортом и многими другими. Многолетние раскопки П.А. Раппопорта не позволили ему преодолеть безнадежно устаревший стереотип, поскольку десятки выполненных им прорезок валов были проведены узкими траншеями, причем не на полную ширину валов, не на всю их высоту и без изучения рвов перед ними. Столь фрагментарные данные не позволяли понять, что же было открыто в ходе этих раскопок. Обнаруживаемые в валах остатки деревянных срубов были осмыслены как «внутривальные каркасы», предназначенные для «укрепления» насыпи и сохранения крутизны ее склона (т.е. вполне в духе В.В. Хвойко). В качестве же городских стен было предложено рассматривать пустотелые срубы, которые «продолжали» срубы, закопанные в землю, и как бы «вырастали» из вала¹⁴. При этом ни автора данной концепции, ни других исследователей некоторое время не смущали очевидные несообразности этой не слишком стройной теории:

— по нормам и правилам строительства насыпь нельзя укрепить внутренними конструкциями из любых инородных материалов (включая камень), если, разумеется, это не плотина водохранилища, предназначенная для удержания напора тысяч тонн воды. Конечно, древние строители не имели современных знаний, но они обладали достаточным практическим опытом. Современные же строительные нормы также базируются не только на теоретических разработках, но и на практике земляного строительства;

— по тем же нормам крутизну склона невозможно сохранить при помощи любых конструкций внутри насыпи: для этой цели годны только обкладка дерном, камнем, щебнем и т.п. материалами (причем именно обдерновка является самым надежным методом). Эти нормы исходят не из умозрительных представлений, а из законов природы, которые работали тысячу лет назад точно так же, как и сегодня;

— насыпь с неизбежно пологими склонами существенно уступает вертикальной преграде (стене) в способности остановить наступающего противника,

— деревянные конструкции, зарытые в землю, гнивают быстрее, чем находящиеся поверх земли, и потому возводить стену на таком

¹³ Там же. Рис. 40.

¹⁴ *Раппопорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. № 52. 1956. С. 106–123.

потенциально гнилом «фундаменте» не пришло бы в голову ни одному строителю ни в древности, ни в наши дни;

— пустотелые стены из срубов не способны эффективно противостоять ударам камнеметной (доогнестрельной) артиллерии, и они могут быть легко сожжены благодаря свободной циркуляции воздуха внутри срубов.

Все эти вопросы к слегка обновленной (и, откровенно говоря, дилетантской) концепции историков XIX в. так и остались без ответа, более того, они даже никем не были сформулированы. Однако концепция была настолько нежизнеспособной, что очень скоро нашла критика в лице историка архитектуры Г.В. Борисевича. Впервые эта критика прозвучала в 1985 г.¹⁵, но высказана она была тезисно, без подробного разбора каждой ошибки. Поэтому честь разработки современной теории древнерусской древо-земляной фортификации в российской археологии¹⁶ по праву принадлежит Ю.Ю. Моргунову, на протяжении многих лет тщательнейшим образом исследовавшему валы и рвы южнорусских крепостей в долине реки Сулы¹⁷. В результате к началу XXI в. было четко сформулировано и аргументировано на археологическом материале обновленное понимание валов, которое кратко может быть сформулировано в следующем виде:

1. Валы являются не специально воздвигнутыми насыпями, а руинами древо-земляных стен, составленных из отдельных или взаимосвязанных срубов, заполненных грунтом, взятым из вырывавшегося перед стеной рва (нередко использовался также культурный слой с площадки города).

2. В случае разрушения таких стен из-за пожара или в ходе их перестройки прежде всего обрушивались (или разбирались) верхние их части, грунт из которых сбрасывался вниз. В результате образовывалась платформа для строительства новой стены, а остатки нижней части прежней оказывались погребены в земле и обречены на медленное тление. Именно так начиналось формирование будущего «вала» с «внутривальными каркасами». Чем больше перестроек переживала оборонительная линия, тем выше становился «вал».

3. Образующийся вал не насыпался строителями крепости специально, ими лишь использовались руины разрушенных стен для того, чтобы поднять новую стену на возможно большую высо-

¹⁵ Борисевич Г.В. Сооружения городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М., 1987. С. 180–182.

¹⁶ Речь идет именно о российской археологии, поскольку археологи западнославянских стран и Германии еще в 1950-х гг. понимали, что деревянные конструкции в валах являются ничем иным, как остатками деревянных стен с грунтовым заполнением. Интересно, что статьи с этими трактовками были прекрасно известны российским ученым, но не учитывались ими при изучении отечественных материалов.

¹⁷ Моргунов Ю.Ю. Указ соч.

ту над землей, что придавало ей дополнительный оборонительный потенциал.

4. Стены из пустотелых клеток также использовались, но лишь в тех местах, где не ожидалось прямого штурма противника и где трудно было установить камнеметную артиллерию (например, на краю высокого берегового обрыва). Во всех остальных случаях со-ружались только стены с земляным заполнением.

5. Отдельные рубы в стене (независимо от того, соединялись ли они с соседними перекрестной врубкой или нет) назывались «городнями» (летописный термин). Стена могла состоять из одной линии городней, но в крупных городах таких линий было 2–3 или еще больше. К тыльной стороне стены из городней довольно часто пристраивались пустотелые клетки, использовавшиеся как жилые или подсобные складские помещения.

Применение современных методик раскопок валов и фиксации обнаруживаемых в них конструкций позволило исследователям в разных концах Руси подтвердить адекватность концепции, разработанной Ю.Ю. Моргуновым. В частности, остатки древо-земляных стен были обнаружены Е.Н. Носовым при изучении Рюрикова городища IX–X вв.¹⁸, Г.Ю. Ивакиным при раскопках детинца X в. на Старокиевской горе¹⁹, А.В. Чернецовым и И.Ю. Стрикаловым при исследованиях вала Южного городища Старой Рязани (XII–XIII вв.)²⁰, автором этих строк при изучении вала XIII–XIV вв. Ростиславля Рязанского²¹. Остатки таких стен были открыты также при раскопках А.В. Энговатовой в Ярославле²² и С.И. Милованова во Владимире-на-Клязьме²³.

¹⁸ Носов Е.Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 34.

¹⁹ Козюба В.К. Городище на Старокиївській горі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 139–152; Михайлов К.А. Анализ первых оборонительных сооружений Киева и Новгорода на фоне фортификационных традиций раннесредневековой Европы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 269–288.

²⁰ Стрикалов И.Ю. Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011. С. 109–132.

²¹ Коваль В.Ю. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского // РА. № 1. 2015. С. 73–87; Он же. Трансформация оборонительной системы малого города средневековой Руси Ростиславля Рязанского (новые данные по археологии) // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. М., 2017. С. 15–25.

²² Энговатова А.В. Археология древнего Ярославля. М., 2012. С. 39–42.

²³ Милованов С.И. История сложения оборонительного комплекса центральной части города Владимира (к вопросу о топографии оборонительных укреплений) // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2016. С. 136–149.

Итак, фортификация древнерусского периода (до распространения огнестрельного оружия) сегодня представляется не столь примитивной, как ее видели российские ученые XIX — середины XX в. Исходя из этого нового понимания, можно с полной уверенностью утверждать, что и оборона древнего Смоленска строилась не на насыпных валах, а на древо-земляных стенах. После разрушения эти стены неизбежно превращались в валы. Именно такой вал, показанный на гравюрах начала XVII в. в виде линии, проходившей внутри городской территории, с сохранившимися в некоторых местах отрезками незасыпанного рва перед ним, исследователи Смоленска единодушно связывают с «Большим Старым городом»²⁴, упоминания которого появляются в Разрядных книгах в 1580–1582 гг. наряду с «Новым городом», о котором ранее сообщений не было²⁵. В идентификации «Нового города» с конструкцией, показанной на гравюрах начала XVII в. как стена или вал, тянувшиеся вдоль кирпичной стены Ф. Коня, также расхождений во мнениях нет (рис. 1, 4). Но вот относительно датировки «Старого» и «Нового» городов представления исследователей сильно расходятся.

Н.В. Сапожников и О.М. Олейников считали, что «Большой Старый город» мог возникнуть еще в XII в., но просуществовал до начала XVI в.²⁶ М.А. Гиршевич предполагает меньшие размеры города XII–XV вв., а строительство оборонительной линии, ставшей позже называться «Большим Старым городом», связывает с последствиями пожара 1554 г.²⁷ Строительство «Нового города» Н.В. Сапожников датировал 1534–1536 гг., т.е. вскоре после завоевания Смоленска Москвой²⁸. Этой гипотезе нельзя отказать в логике: после трех осад города, предпринятых великим князем Василием III, его укрепления были, видимо, в плачевном состоянии и требовали как минимум ремонта, а лучше — полной замены. Но письменных свидетельств о таком строительстве не сохранилось, поэтому нельзя быть уверенными в том, что «Новый город» был построен именно тогда.

А.Н. Кирпичников и Ф.Э. Модестов высказывались в пользу того, что это строительство произошло в 1550–1560-х гг., т.е. после пожара

²⁴ Сапожников Н.В. Историческая топография. С. 37–45; Олейников О.М. Указ. соч.; Гиршевич М.А. Топография средневекового Смоленска: опыт исторической ретроспективы (с начала 1600-х гг. до XI века) // Археология русского города. Т. 2. М., 2018. С. 42.

²⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 312; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. М., 1984. С. 141, 159, 214.

²⁶ Сапожников Н.В. Историческая топография... С. 45; Олейников О.М. Указ. соч. С. 152.

²⁷ Гиршевич М.А. Указ. соч. с. 43, 51.

²⁸ Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска. С. 66; Он же. Историческая топография. С. 53.

1554 г.²⁹ М.А. Гиршевич относит такое строительство к концу 1570-х³⁰, обосновывая это беспокойством центральной власти о безопасности города в условиях войны с Речью Посполитой в 1578–1581 гг. Однако военные действия между Москвией и Польско-Литовским государством велись не только в это время, а пожары в Смоленске случались неоднократно, и каждый из них мог повредить древо-земляные стены. Наконец, имеется еще мнение о постройке «Нового города» в 1580-х гг.³¹, которое анализируется ниже.

Как видим, при рассмотрении данного вопроса исследователи исходили преимущественно из общеисторической ситуации и логических допущений, а собственно археологический материал ими почти не использовался. При этом никто из них не посчитал нужным учитывать свидетельство А. Поссевино 1581 г., упоминающего в своих записках лишь городские «валы» с какими-то «спрессованными плетнями»³². Если бы в 1581 г. в Смоленске стояла новопостроенная древо-земляная крепость (а о способах строительства стен в таких крепостях Поссевино имел исчерпывающее представление³³), то римский посол, выполнявший по совместительству роль разведчика, непременно упомянул бы о ней. Но если новой стены у Смоленска в 1581 г. не было, а наблюдался только вал с какими-то неясными нам укреплениями, и в это же самое время Разрядные книги пишут о «Старом» и «Новом» городах, то получается, что «Новый город» к этому моменту уже не был вполне «новым», т.е. построен он был довольно давно, настолько давно, что иноземец смог признать его только валом с «плетнями». Но может быть «Новый город» все же возник позже 1581 г.?

Теперь пора обратиться к археологическим свидетельствам датировки остатков стены «Нового города», дошедших до наших дней в виде уже вполне обычного «вала». Н.В. Сапожников, заложивший в 1976 г. траншею на восточном фланге этой крепости, у Авраамиевского монастыря, упоминает о находке в «в непотревоженной части насыпи вала» обломка поливной турецкой керамики XVI в., а под валом на материке — трех обломков чернолощенной керамики, про-

²⁹ Кирпичников А.Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1978. С. 481, 487; Модестов Ф.Э. Смоленская крепость. Смоленск, 2003. С. 12–13.

³⁰ Гиршевич М.А. Указ. соч. С. 41.

³¹ Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Оборонительные укрепления Смоленска конца XVI–XVII вв. у Молоховских ворот. Смоленск, 2012. С. 103.

³² Поссевино А. Указ. соч. С. 44, 46. Вероятно, относительно «плетней» имеется какая-то неточность перевода.

³³ Он описывает их так: «сложенные из бревен, скрепленных четырехугольником с землей или песком посередине» (Поссевино А. Указ. соч. С. 44–45).

датированной им XIV–XVI вв.³⁴ И если последняя дата возражений не вызывает, то хронология импортной керамики не столь очевидна. Если в атрибуцию данного образца не закралась ошибка и это действительно был обломок турецкой поливной посуды, то в первой половине XVI в. такие импорты еще чрезвычайно редко попадали в Московию (их находки единичны даже в столичной Москве), а более характерны они для второй половины столетия³⁵. Поэтому данная находка не может пока как-то поддержать гипотезу о строительстве «Нового города» в 1530-х гг.

В этой связи пришло время рассмотреть гипотезу Г.Н. Пронина о постройке «Нового города» в 1580-х гг. Она базируется на небольшой серии дендродат (5 шт.), полученных по спилам с бревен «внутри-вальных конструкций» и столбов дренажа из раскопок Молоховских ворот «Нового города», попавших в узкий интервал 1584–1585 гг.³⁶ Однородность дат, конечно, подкупает, однако надо помнить, что они получены по дубу, хронологическая шкала по которому для территории Руси находится еще в стадии разработки, так что эти даты не могут пока считаться однозначно верными³⁷. Удивляет то, что в таблице дендродат не указано, по какой древесине (дуб или сосна) проводились измерения. Трудно согласиться и с утверждением о том, что названная дата подтверждается нумизматическим материалом, поскольку в нижних горизонтах раскопа, синхронных времени строительства стены, найдено всего три русские монеты второй четверти XVI в. и одна польская монета Сигизмунда II Августа чекана 1566 г.³⁸ Причем среди монет, определенных специалистом-нумизматом В.В. Зайцевым, последней нет³⁹, но даже в случае правильности ее атрибуции находка была сделана над настилом мостовой в воротном проходе, т.е. могла попасть сюда значительно позже времени строительства стены. Отсутствие московских монет, чеканенных в 1540–1570-х гг., в слое, который, как предполагается, отложился до

³⁴ Сапожников Н.В. «Литовский вал» в Смоленске // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 160. 1980. С. 104; Он же. Историческая топография. С. 49. Изображение «турецкой» керамики при этом не опубликовано.

³⁵ Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М., 2010. С. 79–81, 87; Он же. Импортная керамика Московского Кремля по материалам раскопок на Подоле в 2007 г. // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Вып. 11. М., 2015. С. 264–268.

³⁶ Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Указ. соч. Прилож. 2. № 21 раскопа 1 и № 36–39 раскопа 2. Аналитика проведена сотрудником ИГ РАН В.В. Мацковским.

³⁷ Карпунин и др. Дендрохронология средневековых городов европейской части России: анализ количественного и хронологического распределения дендродат // Естественнаучные методы исследования и парадигма современной археологии. М., 2015. С. 33–38.

³⁸ Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Указ. соч. С. 34.

³⁹ Там же. Прилож. 1.

1580-х гг., также вызывает недоумение. Поэтому время строительства «Нового города» нельзя пока считать точно установленным. Тем не менее, в очерченном интервале 1530–1580-х гг., при отсутствии надежных археологических маркеров, наиболее вероятной кажется более ранняя дата (1530-е гг.): лишь в этом случае можно совместить синхронные свидетельства разрядных книг о «Старом» и «Новом» городах при наличии ясного указания иноземного дипломата-разведчика об отсутствии в Смоленске новых деревянных стен.

Тем не менее, остается возможность строительства в середине 1580-х гг. стен третьего, «самого нового, новейшего», города, сведения о котором не попали в письменные источники. Этого нельзя исключать, поскольку под городнями Молоховских ворот удалось обнаружить линию частокола, забитого в материк, который явно предшествовал строительству древо-земляной стены. Если верить дендрохронологическим определениям (по двум образцам), этот частокол возник после 1567 г.⁴⁰ (но верны ли сделанные определения дубовых бревен?). Может быть, первоначально тут была ограда острога, позднее замененная на стену из городней. Но когда именно это произошло, пока неясно.

Теперь постараемся понять, каковы были конструктивные особенности укреплений «Нового города». Этот вопрос особенно важен, потому что русские древо-земляные крепости XVI в. практически не изучены. Между тем именно в это время происходил отказ от «древнерусской» традиции крепостного строительства и воспринимались европейские новации. Начнем с изобразительных и письменных источников начала XVII в. На гравюре 1611 г. укрепления «Нового города», протянувшиеся сразу за кирпичной стеной Ф. Коня, по большей части напоминают древо-земляную стену, сохранившую бревенчатую обшивку, но без парапета. В то же время, в некоторых местах они имеют более плавные очертания и напоминают вал. На широком плоском гребне этой «стены-вала» показаны пушки (их длина вместе с лафетом составляла 3–4 м), а, судя по пропорциям изображений, ширина этой плоскости была не менее 10 м (рис. 1). В разрядных книгах под 1582 и 1584 гг. «Новый город» назван «земляным»⁴¹, но так его называли только потому, что стеновые городни были засыпаны землей (см. выше свидетельство А. Поссевино). Тем более, что тридцатью годами позже в документах упоминается «старый деревянный город»⁴². Очевидно, к моменту

⁴⁰ Там же. Прилож. 2. № 34, 35 (вероятно, также дуб).

⁴¹ Разрядные книги 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. М., 1984. С. 191–192; Т. 3. Ч. 2. М., 1987. С. 33.

⁴² Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1841. С. 416. № 349.

польской осады «Новый» город, фигурировавший в источниках 1580–1582 гг., закономерно превратился в «Старый деревянный», а его укрепления описываются в источниках 1609–1611 гг. совершенно однозначно — «старая деревянная стена», которая включала также «старую Крылошевскую башню», очевидно, также деревянную⁴³. Степень сохранности этой стены русские письменные источники не освещают, а изобразительные, как показано выше, достаточно противоречивы. Единственным свидетельством такого рода является описание осады Смоленска гетманом Жолкевским, в котором указано, что «за стеной тут же непосредственно был старый вал...»⁴⁴. Под «стеной» в этом тексте несомненно понималась кирпичная стена Ф. Коня. Трудно сказать, почему гетман назвал «валом» сооружение, которое в русских документах именуется «старой стеной»: возможно, на некоторых участках та действительно обветшала и осыпалась настолько, что стала напоминать вал. Но, учитывая единичность этого упоминания в источнике, нельзя быть уверенным, в том, что в описание (или в память) автора не вкралась ошибка.

Имеется также два источника, упоминающих «городни» в составе стены «Нового города»⁴⁵, а городнями назывались срубы, заполненные землей, из которых, собственно, и создавалась древо-земляная стена. Правда, именно в XVI в. в русской фортификации появляются «тарасы» — древо-земляные стены, в которых заполненные землей городни стали чередовать с пустотелыми клетями с бойницами во внешних стенках. Такая конструкция древо-земляных стен позволяла максимально приблизить их устройство к каменным стенам, имевшим в нижнем ярусе «печуры» — сводчатые камеры с амбразурами для пушек. Этот оборонительный ярус назывался «нижним боем» в отличие от верхнего, размещавшегося наверху стены. Таким образом, пустотелые клетки «тарасов» копировали «печуры» каменных стен в доступном материале.

В этой связи интересно упоминание «нижнего боя в городне» рядом с Пятницкими воротами, датированное 24 сентября 1611 г.⁴⁶ Поскольку это сообщение крайне важно, следует изложить его контекст: в указанном месте ночной стражей был задержан некий «детина», который пришел ночевать в такую городню. Отсюда можно сделать два вывода:

⁴³ Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 6: Памятники обороны Смоленска (1609–1611 гг.) / Под ред. Ю.В. Готье. М., 1912. С. 167, 168.

⁴⁴ Жолкевский С. Начало и успех Московской войны в царствование короля Сигизмунда III. М., 1835. С. 168.

⁴⁵ Акты исторические. 354, 355. № 297; Смутное время Московского государства... С. 49.

⁴⁶ Смутное время Московского государства... С. 99.

1) В древо-земляных стенах-«тарасах» пустотелые клетки, в которых размещался «нижний бой», именовались «городнями», т.е. так же, как и заполненные землей настоящие городни.

2) Упомянутая городня размещалась внутри города, поскольку выйти на ночь за его ворота человек не мог, да и стража не разгуливала по ночам за стенами осажденного города.

Первый вывод важен для правильного описания русских древо-земляных стен XVI в., а второй — для исторической топографии Смоленска, поскольку дает понять, что рядом с Пятницкими воротами кирпичной крепости 1596–1602 гг. размещались остатки древо-земляной стены. Но на всех гравюрах Смоленска в этой части города позади кирпичной стены не показано никакой иной стены или хотя бы вала. Единственное оборонительное сооружение тут — вал так называемого «Пятницкого острога», но он размещался с внешней стороны кирпичной стены, на территории, контролировавшейся поляками, и в данном эпизоде речь явно идет не о нем. Следовательно, несмотря на отсутствие изображений на гравюрах, древо-земляная стена «Нового города» продолжалась и в северо-западной части Смоленска. Видимо, она проходила тут точно так же, как в других местах, т.е. параллельно кирпичной стене. На гравюры же (а все они давали вид на Смоленск с севера) древо-земляная стена не попала, видимо, потому, что высокая (до 18 м) стена кирпичной крепости практически полностью заслоняла ее. Так что гравер-художник был совершенно прав, не показав объект, который с избранной точки обзора просто не мог быть виден.

Настала пора рассмотреть и археологические свидетельства о конструкции стен «Нового города». Наиболее ценный вклад в их изучение был сделан Н.В. Сапожниковым, которым в 1978 и 1981 гг. были проведены раскопки «вала» у Копытецких ворот, т.е. в юго-западном секторе «Нового города». Согласно его свидетельству, здесь были «выявлены остатки деревянных конструкций в виде плах, бревен, жердей очень плохой сохранности. В раскопе 1981 года они прослежены на глубинах от 60 и до 420–430 см от верха насыпи. Размер бревен в длину колебался от 50 до 380 см... В профиле южной и восточной стенок раскопа при зачистке его отмечено 11 цилиндрических отверстий со следами древесного тлена, что указывает на то, что они также относились к внутривальным конструкциям. Обнаруженная конструкция представляла собой как бы чередующиеся слои отдельно лежащих бревен, идущих вдоль и поперек оси вала... она близка некоторым вариантам внутривальных конструкций, особенно часто встречаемых в Польше, — так называемым „рустовым“...»⁴⁷, называ-

⁴⁷ Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска. С. 64.

емым также «крюковыми», «хаковыми» или «перекладными»⁴⁸. Со ссылками на труды П.А. Раппопорта, были указаны и аналогии такой конструкции — в валах Минска, Твери, городища Алчедар⁴⁹.

В раскопе 1978 г., которым вскрывался внутренний скат «вала», сохранность дерева была существенно хуже. «От него остались только полости, содержащие кое-где незначительные следы древесного тлена... Размеры полостей в длину колеблются от 50 до 500 см; диаметр их 4–10 см. По существу, это были не бревна, а толстые жерди. Ориентированы они в большинстве случаев перпендикулярно продольной оси вала. Во всех стенках этого раскопа были отмечены, так же, как и в первом, отверстия от этих жердей,

но в значительно большем количестве. Например, в северной стенке их насчитывалось 37. Диаметр отверстий не превышал 9 см... Расположение полостей отверстий, их диаметр позволили предположить, что это скорее всего были какие-то плетневые конструкции... Тем не менее расположение полостей от жердей и отверстий в стенках раскопа указывает на то, что некоторые из них шли и вдоль оси вала, а это в свою очередь позволяет определить данные конструкции, скорее всего, как клетки»⁵⁰ (рис. 2).

Рис. 2. Раскоп Н.В. Сапожникова у Копытецких ворот 1981 г. Деталь северного профиля с полостями от выгнивших бревен городни (по: Сапожников Н.В. Историческая топография Древнего Смоленска. Рис. 33).

⁴⁸ Моргунов Ю.Ю. Указ соч. С. 44, 45. «Хаковой» (т.е. крюковой) такая конструкция именуется в системе терминов польской археологии, «рустовой» (т.е. решетчатой) — в германской.

⁴⁹ Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. №105. 1961. С. 110, 112; Он же. Военное зодчество Западнорусских земель X–XIV вв. // МИА. №140. 1967. С. 201.

⁵⁰ Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска. С. 65.

К сожалению, в те годы исследователю не удалось полностью разобраться с открытыми объектами, поэтому он называл их то клетями, то «плетневыми», то «рустовыми» конструкциями. Очевидно, эти колебания в интерпретации материалов, полученных фактически в одном месте на одних и тех же уровнях фиксации, показывают неуверенность Н.В. Сапожникова в своих выводах. Поэтому надо вновь обратиться к отчетным материалам, дабы разобраться в том, что же все-таки было открыто в тех раскопах.

Отчетная документация однозначно показывает, что никаких «слоев» древесины в раскопе 1981 г. выявлено не было, но на разных уровнях фиксировались бревна (вернее, полости с остатками древесного тлена), залегавшие в едином направлении одно над другим. При этом ряды полостей размещались как вдоль оси вала, так и перпендикулярно ей. Такое расположение остатков бревен характерно для городней (т.е. обычных венчатых срубов), а не для каких-то иных сооружений, в частности, стен перекладной конструкции. Перекладной способ возведения крепостных стен практиковался у западных славян в VIII–XI вв. и состоял в укладке бревен различных пород деревьев рядами перпендикулярно друг другу. Первый (нижний) ряд выкладывался с интервалом 0,2–0,5 м, комлем в сторону внешнего фаса будущей стены, причем у каждого комля оставлялся толстый обрубленный сук, развернутый вверх, который служил крюком, удерживавшим положенное сверху перпендикулярно бревно. Такие же перпендикулярные бревна укладывались, подобно лагам мостовых (с интервалом не менее 2 м), по всей ширине стены. После этого полученную решетчатую конструкцию засыпали землей, а затем вся операция по укладке бревен и засыпке землей повторялась. В результате получался древо-земляной монолит, в котором древесина составляла около половины его объема. Такую стену невозможно было ни разобрать, ни серьезно повредить стенобитными орудиями, даже сжечь ее было довольно трудно.

В сущности, перекладная конструкция представляла собой вариант кельтской фортификации, описанной в свое время Юлием Цезарем, который расценивал такой способ возведения стен как вполне эффективный⁵¹. Стены такой конструкции многократно зафиксированы в городах и городищах-убежищах на территории Польши (Гнезно, Познань, Щецин и др.), Германии (Торнов, Гамбург, Берен-Любхин, Магдебург, Ольденбург, Берлин-Шпандау, Раддуш и др.), Словакии (Нитра, Братислава и др.), Венгрии (Хонт, Шопрон,

⁵¹ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об африканской войне. М., 1948. С. 153.

Мошон, Боршоди и др.)⁵². На территории Руси подобные конструкции использовались при строительстве стен на степном пограничье (остатками которых были так называемые «Змиевы валы»), в упомянутых выше городах Минск и Тверь, а также в Витебске, Слуцке, Москве, Новгороде⁵³. В ходе археологизации таких стен действительно фиксируются «слои» бревен, однако в раскопах 1978 и 1981 гг. ничего подобного нельзя заметить. Сделанная самим Н.В. Сапожниковым трехмерная реконструкция выявленных древесных остатков убедительно свидетельствует, что им были обнаружены именно плохо сохранившиеся городни древо-земляной стены (рис. 3).

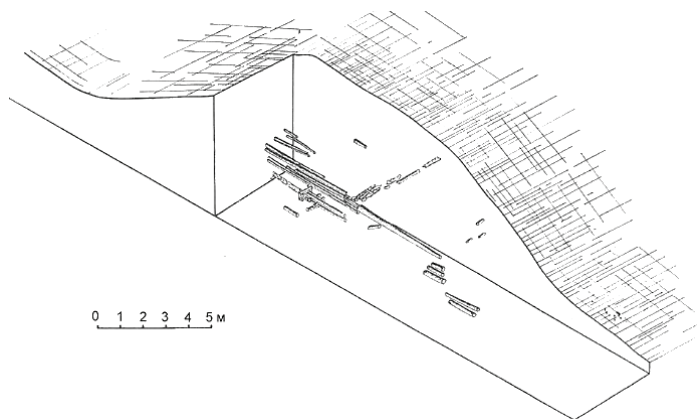

Рис. 3. Аксонометрическая модель расположения древесных остатков в «валу» по материалам раскопок 1979 и 1981 г. (по: Сапожников Н.В. Историческая топография Древнего Смоленска. Рис. 34).

⁵² Hensel W. *Archeologia I prahistoria: Studia I szkice*. Wrocław, 1971; Herrmann J. *Tornow und Vorberg: Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz* // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 21. Berlin, 1966; Schuldt E. *Behren-Lübchin, Eine spätslawische Burganlage in Mecklenburg*. Berlin, 1965; Müller A., von, Müller-Mučić K., von. *Die Ausgrabungen auf dem Burgwall in Berlin Spandau. Teil 1* // Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 3. Berlin, 1983; Fries J.E., Heine H.-W. *Der „Heidenwall“ in Oldenburg (Oldb.). Eine Burganlage des 11. Jahrhunderts Grabungsvorbericht* // Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Archäologie des Mittelalters und der Neuzeit. Bd. 20. 2008. S. 77–86; Judak V. et al. *Nitriansky hrad a Katedralny chrám — Bazilika sv. Emerama*. Nitra, 2012; Mordovin M.A. *Várszervezet Kialakulása a Középkori Magyarországon, Csehországon és Lengyelországon a 10–12. Században*. Budapest, 2016. Kép. 226, 230, 240, 248.

⁵³ Колединский Л.В. Виталиевская культура Витебска в конце XIII — середине XIV в. (по материалам раскопок Верхнего замка) // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы. Мінск, 2012. Рис. 2; Панова Т.Д., Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII — первой трети XVI века. М., 2013. Ил. 26–30; Стеценко Н.К. Раскопки в Новгородском Кремле (на месте обрушения прясла Спасская-Княжья башни) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 7. Новгород, 1993. С. 18–33.

Что касается «плетневых конструкций», то никаких их следов при раскопках Н.В. Сапожникова также зафиксировано не было. За их следы были приняты горизонтально залегавшие «жерди» (полости от бревен с уменьшившимся диаметром). Разработка этой идеи заставила автора раскопок обратиться к поиску информации о подобных конструкциях, и она была найдена в книге П.А. Раппопорта — с указаниями на Шарковское городище (под Киевом) и Переяславль Рязанский⁵⁴. Обратил он внимание и на уже цитировавшееся замечание А. Поссевино об укреплениях Смоленска, которые, якобы состояли «из земляного вала и плетней, спрессованных до твердого состояния»⁵⁵. Однако в книге П.А. Раппопорта говорилось не о плетнях внутри валов, а о следах плетней, которыми были, возможно, укреплены внешние скаты валов. При этом такие данные были извлечены из трудов В.В. Хвойко и Н.П. Милонова, где они не были проиллюстрированы и не могут быть использованы в качестве надежных свидетельств, поскольку методический уровень раскопок обоих этих исследователей был недостаточно высок. О понимании самим В.В. Хвойко конструкций, открытых им внутри валов, говорилось выше, а Н.П. Милонова неоднократно уличали в недостоверной полевой фиксации и подмене ее произвольными интерпретациями⁵⁶.

В сообщении А. Поссевино не вполне понятно (возможно, из-за недостатков перевода), что он имел в виду, говоря о «спрессованных плетнях». Надо учитывать, что дипломат-иезуит не был ни инженером, ни военным, так что о конструкции фортификационных сооружений имел довольно смутное представление. К тому же он не упомянул о том, что присутствовал при строительстве в Смоленске каких бы то ни было укреплений, так что не мог видеть использование плетней при насыпке валов. Возможно, он наблюдал плетневые конструкции, которыми ремонтировались обветшавшие части стен? Не исключен и другой вариант объяснения этого загадочного пассажа: итальянец Поссевино мог знать, что у него на родине фортификаторы при возведении укреплений, предназначенных для противостояния пушечному огню, строили насыпи с внутренними плетневыми конструкциями (о таких конструкциях имеются соответствующие руководства XVI в., например, трактат Джованни Белуцци⁵⁷). Увидев

⁵⁴ Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. С. 106.

⁵⁵ Поссевино А. Указ. соч. С. 44.

⁵⁶ Мазуров А.Б. Раскопки Н.П. Милонова в Коломне 1935–1936 гг. // Вестник государственного социально-гуманитарного университета. № 1(25). 2017. С. 56–58.

⁵⁷ Носов К.С., Медведь А.Н. Две крепости Петрока Малого: Себеж и Пронск, 1535 год. Факты и предположения // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 16. М., 2020. С. 421, 422.

в некоторых городах России остатки разрушившихся древо-земляных стен, уже принявших вид валов, он мог прийти к выводу, что это сооружения подобные тем, которые были известны ему по книгам или которые он мог сам наблюдать в Италии.

Но почему Н.В. Сапожников, открыв в своих раскопах вполне отчетливые следы городней, стал размышлять о плетневых и перекладных конструкциях? Видимо, причина кроется в том, что его удивил небольшой диаметр древесных остатков или оставленных ими полостей. Исследователь не обратил внимания на уже известные в его время и опубликованные случаи, когда, в ходе истлевания, брёвна даже большого размера сильно уменьшались в диаметре. В связи с этим надо сделать небольшое пояснение. Переработка бактериями древесной органики и вымывание остатков их жизнедеятельности грунтовыми водами нередко приводит к образованию на месте залегания бревен полостей в земляном окружении. При этом возможны четыре сценария дальнейшего развития событий:

1) Эти полости сохраняются в грунте в своем изначальном размере (наиболее редкий вариант; обычно такое происходит с вертикально забитыми или закопанными в плотный суглинистый грунт сваями).

2) Они постепенно заполняются грунтом, замещавшим исчезающий древесный тлен (примером служит городня, исследованная в Ростиславле Рязанском⁵⁸).

3) По мере потери древесиной твердости, вымывания органики и под давлением окружающей земли, диаметр бревен уменьшается, и вертикальный ряд бревен превращается тонкую (1–3 см) прослойку древесного тлена. В ряде случаев древесный тлен перерабатывается без остатка, и тогда исчезает даже такая полоска, а бывшее присутствие древесины может быть определено только по разнице в цвете грунта, заполнявшего соседние городни⁵⁹.

4) Похожий процесс в некоторых случаях превращает вертикальный ряд бревен сруба в цепочку разделенных грунтом полостей с остатками древесного тлена. Такой вариант был зафиксирован в свое время П.А. Раппопортом при прорезке «вала города Ярослава» в Киеве⁶⁰ (рис. 4). Именно он и повторился в Смоленске.

⁵⁸ Коваль В.Ю. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского. С. 76. Рис. 5, II, III.

⁵⁹ Коваль В.Ю., Русаков П.Е. Новые исследования оборонительных сооружений Ростиславля Рязанского // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 242. М., 2016. Рис. 2, 4.

⁶⁰ Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. Рис. 62.

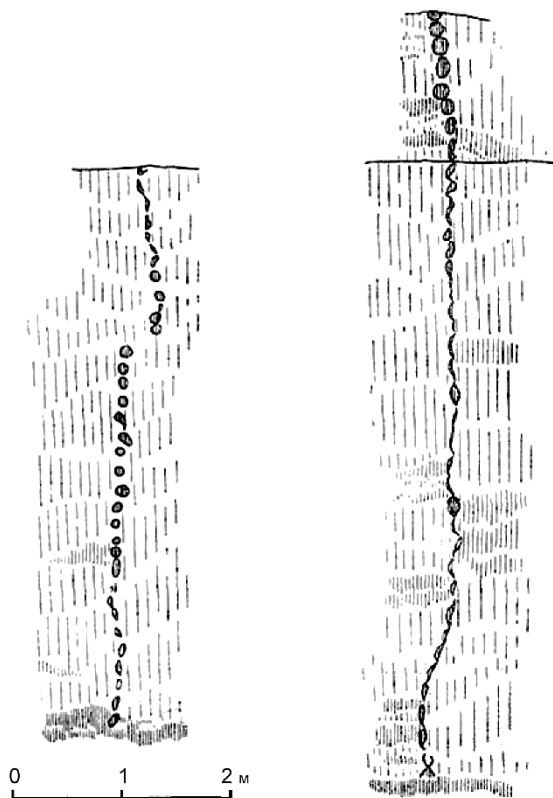

Рис. 4. Брёвна стены «города Ярослава» в Киеве в профилях раскопа (по: Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X — XIII вв. Рис. 62)

Таким образом, размеры истлевших деревянных элементов в древо-земляных стенах не всегда могут достоверно свидетельствовать об изначальных габаритах бревен, которые использовались при строительстве. Так что полости от «жердей», замеченные в раскопах 1978 и 1981 гг., вполне могли быть следами некогда лежавших здесь бревен толщиной 20–30 см и даже более.

Благодаря раскопкам Н.В. Сапожникова впервые удалось установить конструкцию стены Смоленска, построенной в XVI в., — она оказалась составлена из взаимосвязанных городней, т.е. ничем не отличалась от более ранних стен древнерусского времени. Размеры городней при раскопках установлены не были, но, судя по отчетным фотографиям, была выявлена как минимум одна городня шириной

около 1,4 м (по длине она в раскоп целиком не вошла)⁶¹. К сожалению, прорезка не охватила всей ширины вала, поэтому точно установить даже количество рядов городней в этой стене было невозможно, ясно лишь, что таких рядов было не менее трех.

Новые и чрезвычайно важные данные о стене Смоленска XVI в. дали раскопки, проведенные Институтом археологии РАН в 2010–2011 гг. у Молоховских ворот кирпичной крепости (рис. 1, 5). В два смежных раскопа тут попали не только конструкции стен, но и воротный проезд «Нового города». Были зафиксированы однозначные признаки древо-земляной стены — связанные между собой городни⁶². Размеры этих городней не были полностью одинаковыми. К востоку от воротного проема они были более стандартны и имели стороны длиной 2,0–2,3 м, но к западу от ворот при ширине 2,6 м их длина варьировал от 1,6 до 3,2 м. К сожалению, в раскоп шириной до 11 м не попали внешний и внутренний фасы стены, так что общая ее толщина осталась неустановленной, но в ней удалось зафиксировать 5 рядов городней⁶³. Правда, в траншее, прорезавшей линию укреплений к востоку от раскопа, глинистый грунт от заполнения городней был прослежен на ширину не менее 19 м, однако в этом месте не было зафиксировано никаких следов деревянных конструкций⁶⁴. А это дало повод руководителям раскопок говорить о том, что городнями был оформлен только воротный проем, тогда как далее размещалась уже насыпь без каких-либо деревянных конструкций⁶⁵. Однако, поскольку раскопочная фиксация (планы с интервалом в 10–20 см с зарисовкой каждого фрагмента древесного тлена) на траншее не проводилась, этот вывод не выглядит обоснованным. Остатки стены в траншее находились столь близко к современной поверхности, а мощность грунтов, связанных с заполнениями городней, была так мала (не более 1,5 м)⁶⁶, что следы древесного тлена тут вообще не имели шансов сохраниться.

⁶¹ Сапожников Н.В. Историческая топография. Рис. 32.

⁶² Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Указ. соч. Рис. 21, 24, 26, 29, 30.

⁶³ Там же. Рис. 26.

⁶⁴ Там же. Рис. 86–88. Кстати, точно такую же ширину имел вал у Копытецких ворот. См.: Сапожников Н.В. Историческая топография. Рис. 30.

⁶⁵ Там же. С. 103.

⁶⁶ Заметим, что чертеж профиля борта траншеи не вполне соответствует его фотографиям — на нем неверно определена поверхность материка, которая залегала на 2 м выше, чем это показано на чертеже. Массив светло-коричневой глины, принятый за насыпь вала, на самом деле был частью материка, перекрытого подзолистым горизонтом погребенной почвы (Там же. Рис. 86–88), а жесткая нижняя граница этого горизонта заставляет думать о том, что в древности он был полностью распахан.

Разница в сохранности древесины в воротном проеме, где хорошо фиксировались бревенчатые городни, и на участке всего в 7 метрах к востоку от них, где от дерева не осталось даже следов, объясняется тем, что воротный проезд был устроен на дне ложбины, спускавшейся к севера на юг и собиравшей влагу со всей окрестной территории. Дно ложбины находилось на 3 метра ниже ее бортов, поэтому даже после ее заполнения культурным слоем она оставалась естественным дренажом для данного участка, здесь постоянно скапливалась вода, предохранявшая древесину от гниения. По краям ложбины такой ситуации не возникало, поэтому там процесс тления и вымывания органики шел интенсивно и быстро привел к исчезновению остатков древесного тлена. Однако сам массив суглинка шириной 19 м является явным свидетельством существования здесь некогда мощной древо-земляной стены.

Если стена на Молоховских воротах имела только 5 рядов городней (а не более, например, 6), то ее толщина могла составлять 12 м. При расползании грунта в ходе разрушения стены как раз и мог образоваться вал с шириной по основанию в 19 м. Такая толщина стены не должна удивлять: даже в небольшом городе Ростиславле Рязанском в XIV в. толщина подобной стены достигала 10 м⁶⁷. Судя по высоте вала (= руин стены) в раскопах 1978–1981 гг. (5,5 м), высота стены в момент ее постройки была несколько больше, достигая не менее чем 7 м, без учета защитного парапета (т.е. заборол или обломов).

Весьма интересные данные были получены о конструкции Молоховских ворот. Согласно материалам раскопок, проход между городнями тут имел ширину 5,5 м и был полностью замощен. Под мостовой обнаружен дренаж в виде обшитого плахами коробового канала шириной и высотой до 1 м (глубина канала от уровня подошвы мостовой составляла 1,5 м). Дренаж обеспечивал сброс излишней влаги за пределы крепости, тем самым демонстрируя первый пример создания в России ливневой канализации. Ширина проезда столь велика, что он должен был оформляться очень мощными воротами и, вероятно, таких ворот было двое — на внешнем въезде в проход и на выходе из него. К сожалению, именно эти участки с воротами не попали в раскоп и конструктивное оформление ворот остается пока неизвестным⁶⁸.

⁶⁷ Коваль В.Ю. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского. С. 82.

⁶⁸ Известно только, что в предшествующей этой стене частокольной ограде по краям воротного проема шириной 4,8 м располагались столбы диаметром 32–34 см, на которые и могли навешиваться створки ворот. См.: Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Указ. соч. С. 35.

Важный результат дали раскопки западного склона в ложбину с воротным проездом. Здесь удалось зафиксировать, каким образом городни устанавливались на склон: это делалось при помощи трехстенных срубов, поперечные стенки которых вставлялись в наклонные канавки, врезанные в этот склон. Хотя сами эти канавки не были зафиксированы, поскольку материк разбирался массивом, до низа конструкции, но ступенчатое строение стенок (нижнее бревно самое короткое, а последующие вверх все более длинные)⁶⁹ не оставляет другого варианта для их крепления в грунте. Таким образом, в Смоленске в XVI в. был применен тот же самый прием, какой использовался в стене Ростиславля Рязанского в XIV в.⁷⁰

К сожалению, ясные признаки древо-земляных стен руководители раскопок на Молоховских воротах трактовали исходя из устаревших стереотипов — как остатки насыпных валов с «внутри-вальными каркасами», что привело их к совершенно фантастической реконструкции «вала» с почти вертикальными откосами, причем даже по обеим сторонам деревянного мощения на дне воротного проезда⁷¹. Тем не менее, благодаря этим раскопкам впервые удалось изучить способ размещения ворот древо-земляной крепости на дне ложбины. Правда, по имеющимся материалам нельзя понять, имел ли воротный проезд сверху перекрытие и был ли он оформлен башней. В данном случае башня была не нужна, поскольку мостовая воротного проезда располагалась на 2 м ниже поверхности материка и на 9 м ниже верхнего края стен (при их 7-метровой высоте от древней дневной поверхности). Это позволяло полностью контролировать передвижение противника по ложбине, подводившей к воротам. При этом высота самих ворот вряд ли превышала 3 м, а это значит, что для более надежного крепления их верхней кромки и обороны этого участка должна была существовать деревянная галерея, перекрывавшая ворота. Благодаря такой галерее можно было успешнее отражать атаки противника и быстро перемещать защитников с одного фланга ворот на другой. В то же время, в XVI в. башни над воротами уже вполне могли возводиться. По крайней мере, в «Старом городе» в начале XVI в. имелась как минимум одна башня (Крылошевская стрельница)⁷², которая, скорее всего, размещалась над Крылошев-

⁶⁹ Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Указ. соч. Рис. 9–14.

⁷⁰ Коваль В.Ю. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского. С. 81, 82.

⁷¹ Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Указ. соч. Рис. 92.

⁷² Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 194. Она упоминается при осадах Смоленска Василием III.

скими воротами. Хотя про башни-стрельницы «Нового города» никаких сведений нет, они вполне могли существовать. Однако между «могли» и «существовали» дистанция большой величины.

Надо заметить, что появившаяся недавно информация об остатках башни в раскопе на углу улиц Студенческой и Войкова, неподалеку от берега Днепра (рис. 1, б), оказалась недостоверной. Речь идет об объекте, который был представлен в публикации в качестве остатков «угловой башни земляного вала». В действительности в раскопе была зафиксирована лишь прослойка песка толщиной не более 60 см, распространявшаяся на площади около 10 кв. м, причем бревна от «башни» размещались ниже уровня залегания этой прослойки⁷³. Таким образом, стратиграфически она предшествовала моменту отложения прослойки, т.е. не была с нею связана. Песчаная прослойка могла образоваться при разрушении древо-земляной стены, располагавшейся где-то к юго-востоку от раскопа, шлейф песчаного заполнения которой мог протянуться достаточно далеко. Но в этом случае становится необъяснимым отсутствие в раскопе каких-либо следов рва, который должен был проходить перед стеной (именно он мог служить источником песка для заполнения городней). Отсутствие рва заставляет думать, что причиной появления песчаной прослойки мог быть материковый выброс из какого-то глубокого древнего котлована, находившегося к юго-востоку от раскопа. Внутри самой рассматриваемой прослойки никаких следов деревянных конструкций зафиксировано не было. Таким образом, на материалах данного раскопа ответить на вопрос, где проходила трасса стены «Нового города» вдоль Днепра, нельзя.

Мысль о «башне» появилась у авторов публикации из-за обнаружения у границы пресловутой песчаной прослойки угла сруба очень крупных размеров из толстых бревен, причем под одним из бревен были забиты сваи. Однако сваи были нужны не только башне, но любому строению, размещенному в низине с топким грунтом), а то, что одна из стен сооружения была сконструирована из двух бревен «встык» (т.е. без всякого жесткого соединения)⁷⁴ заставляет исключать любые гипотезы о «башнях», стены которых требовали повышенной прочности. Подобный прием состыковки бревен мог использоваться в погребях, подпольях и нижних венцах одноэтажных построек, но никак не в основаниях башен.

Конструкция башен в стенах типа «тарасы» остается до сих пор вообще неясной. Имели ли они в нижнем ярусе заполнение грунтом

⁷³ Пронин Г.Н., Соболев В.Е., Гусаков М.Г. Древний Смоленск. Археология Пятицкого конца. Смоленск, 2011. С. 67–73. Илл. 53, 54.

⁷⁴ Там же. Илл. 55.

(как в городнях) или были пустотелыми, неизвестно, поскольку ни одна такая башня пока не изучена археологически. Башни деревянных крепостей XVII в. были полыми, но надо помнить, что сведения о них имеются только для Сибири, где древо-земляные крепости не получили распространения, поскольку на огромных пространствах Северо-Восточной Азии у русских не было противников, обладающие артиллерией (за исключением маньчжуров). А при отсутствии у врага артиллерии грунтовое заполнение у стен и башен было излишним.

Подводя итог, надо еще раз повторить, что кирпичные стены Смоленска не сменяли примитивные насыпи (валы), а наследовали древо-земляным стенам, выстроенным в строгом соответствии с общерусской традицией оборонного зодчества. К сожалению, древо-земляная фортификация Смоленска остается еще очень слабо изученной, но даже результаты очень скромных по объему археологических исследований, которые все же имеются, позволяют частично реконструировать внешний вид городских укреплений по состоянию на XVI в. Таким образом, археология Смоленска уже внесла весомый вклад в изучение фортификации средневековой Руси.

References

Avdusin D.A. *K voprosu o proiskhozhdenii Smolenska i yego pervonachal'noy topografii* [On the Issue of the Origin of Smolensk and its Original Topography] // *Smolensk. K 1100-letiyu pervogo upominaniya goroda v letopisi* [Smolensk. To the 1100th Anniversary of the First Mention of the City in the Annals]. Smolensk: Smolgiz, 1967. P. 36–85.

Borisevich G.V. *Sooruzheniya gorodishcha Slobodka* [Constructions of Slobodka Settlement] // *Nikol'skaya T.N. Gorodishche Slobodka XII–XIII vv.* [Slobodka Settlement in the 12th–13th Centuries]. Moscow: Nauka, 1987. P. 180–182.

Chayevski E. *Smolenskiye dela Ioganna Pleytnera — voyennogo inzhenera korolya Vladislava IV Vaza* [Smolensk Pursuits of Johann Pleitner, King Vladislav IV Vasa's Military Engineer] // *Kray Smolenskiy*. 2018. № 11. P. 3–19.

Engovatova A.V. *Arkheologiya drevnego Yaroslavlya* [Archeology of Ancient Yaroslavl]. Moscow: IA RAN, 2012. 296 p.

Fries J.E., Heine H.-W. *Der "Heidenwall" in Oldenburg (Oldb.). Eine Burganlage des 11 Jahrhunderts Grabungsvorbericht // Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Archäologie des Mittelalters und der Neuzeit*. Bd. 20. 2008. S. 77–86.

Girshevich M.A. *Topografiya srednevekovogo Smolenska: opyt istoricheskoy retrospektivy (s nachala 1600-kh gg. do XI veka)* [Topography of Medieval Smolensk: the Experience of Historical Retrospective from the Early 1600s to the 11th Century] // *Arkheologiya russkogo goroda* [Archeology of the Russian Town]. Vol. 2. Moscow: Stolichnoye arkheologicheskoye byuro, 2018. P. 32–55.

Hensel W. *Archeologia I prahistoria: Studia I szkice*. Wroclaw: Polska Akademia nauk, 1971. 619 s.

Herrmann J. Tornow und Vorberg: *Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte*. Bd. 21. 1966. 199 S.

Judak V. et al. *Nitriansky hrad a Katedralny chram — Bazilika sv. Emerama*. Nitra: Bishop's Office, 2012. 159 s.

Karpukhin A.A., Tarabardina O.A., Kulakova M.I., Matskovskiy V.V., Solov'yeva L.N. *Dendrokhronologiya srednevekovykh gorodov yevropeyskoy chasti Rossii: analiz kolichestvennogo i khronologicheskogo raspredeleniya dendrodat* [Dendrochronology of Medieval Towns of the European Part of Russia: Analysis of the Quantitative and Chronological Distribution of Dendrodates] // *Yestestvennonauchnyye metody issledovaniya i paradigma sovremennoy arkheologii* [Natural Science Research Methods and the Paradigm of Modern Archeology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015. P. 33–37.

Kirpichnikov A.N. *Kreposti bastionnogo tipa v srednevekovoy Rossii* [Bastion-Type Fortresses in Medieval Russia] // *Pamyatniki kul'tury. Novyye otkrytiya* [Cultural Monuments. New Discoveries]. Leningrad: Nauka, 1978. P. 451–499.

Koledinskij L.V. *Vitalitivnaya kul'tura Vitebska v kontse XIII — seredine XIV v. (po materialam raskopok Verkhnego zamka)* [Vital Culture of Vitebsk in the Late 13th — Mid-14th Century (on the Excavations of the Upper Castle)] // *Polatsk u gistory i kul'tury Yeuropy* [Polotsk in European History and Culture]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2012. P. 237–255.

Koval V.Yu. *Glavnaya liniya oboronitel'nykh ukrepleniy Rostislavlya Ryazanskogo* [The Main Line of Defensive Fortifications of Rostislavl of Ryazan] // *Rossiyskaya arkheologiya*. 2015. № 1. P. 73–87.

Koval V.Yu. *Importnaya keramika Moskovskogo Kremlya po materialam raskopok na Podole v 2007 g.* [Imported Ceramics of the Moscow Kremlin Based on Materials from the Excavations at Podol in 2007] // *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara* [Archeology of the Moscow Region: Acta of the Academic Workshop]. Is. 11. Moscow: IA RAN, 2015. P. 254–286.

Koval V.Yu. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII vv.* [Eastern Ceramics in Russia. 9th–17th Centuries]. Moscow: Nauka, 2010. 269 p.

Koval V.Yu. *Transformatsiya oboronitel'noy sistemy malogo goroda srednevekovoy Rusi Rostislavlya Ryazanskogo (novyye dannyye po arkheologii)* [Transformation of the Defense System of Rostislavl of Ryazan, a Small Town of Medieval Russia (New Data on Archeology)] // *Pamyatniki srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Yevropy* [Sites of Medieval Archeology of Eastern Europe]. Moscow: IA RAN, 2017. P. 15–25.

Koval V.Yu., Rusakov P.E. *Novyye issledovaniya oboronitel'nykh sooruzheniy Rostislavlya Ryazanskogo* [New Research on the Defensive Structures of Rostislavl of Ryazan] // *Kratkiye soobshcheniya IA RAN*. 2016. Is. 242. P. 113–123.

Kozyuba V.K. *Horodyshe na Starokyivs'kiy hori* [Starokyivska Hill's Settlement] // *Starodavniy Iskorosten' i slov'yans'ki hrady VIII–X st.* [Ancient Iskorosten and Slavic Towns in the 8th–10th Centuries]. Kyiv: Korvin press, 2004. P. 139–152.

Laskovskiy F.F. *Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii* [Materials for the History of Engineering Art in Russia]. P. I. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1858. 315 p.

Mazurov A.B. *Raskopki N.P. Milonova v Kolomne 1935–1936 gg.* [Excavations by N.P. Milonov in Kolomna, 1935–1936] // *Vestnik gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta*. 2017. № 1 (25). P. 3–62.

Mikhaylov K.A. *Analiz pervykh oboronitel'nykh sooruzheniy Kiyeva i Novgoroda na fone fortifikatsionnykh traditsiy rannesrednevekovoy Yevropy* [Analysis of the First Defensive Structures of Kiev and Novgorod against the Background of Fortification Traditions of Early Medieval Europe] // *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and Novgorod Land. History and Archeology]. Is. 23. Velikiy Novgorod: Tipografiya "Vikont", 2009. P. 269–288.

Milovanov S.I. *Istoriya slozheniya oboronitel'nogo kompleksa tsentral'noy chasti goroda Vladimira (k voprosu o topografii oboronitel'nykh ukrepleniya)* [The History of the Formation of the Defensive Complex of the Central Part of the City of Vladimir (on the Topography of Defensive Fortifications)] // *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: Materialy nauchnogo seminara* [Archeology of the Vladimir-Suzdal Land: Materials of the Academic Workshop]. Is. 6. Moscow: IA RAN, 2016. P. 136–149.

Modestov F.E. *Smolenskaya krepost'* [Smolensk Kremlin]. Smolensk: Tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Smolenskoy oblasti, 2003. 143 p.

Mordovin M.A. *Várszervezet Kialakulása a Középkori Magyarországon, Csehszországban És Lengyelországban a 10–12 Században*. Budapest: Archaeolingua, 2016. 536 o.

Morgunov Yu.Yu. *Drevo-zemlyanyye ukrepleniya Yuzhnoy Rusi X–XIII vekov* [Earth-and-Timber Fortifications of South Russia in the 10th–13th Centuries]. Moscow: Nauka, 2009. 303 p.

Müller A., von, Müller-Muč K., von. *Die Ausgrabungen auf dem Burgwall in Berlin Spandau. T. 1 // Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte*. Bd. 3. Berlin: Verlag Volker Spiess, 1983. 170 S.

Nosov E.N. *Tridsat' let raskopok Gorodishcha: itogi i perspektivy* [Thirty Years of Excavation of the Gorodishche: Results and Prospects] // *U istokov russkoy gosudarstvennosti* [At the Origins of the Russian Statehood]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2007. P. 23–58.

Nosov K.S., Medved' A.N. *Dve kreposti Petroka Malogo: Sebezh i Pronsk, 1535 god. Fakty i predpolozheniya* [Two Fortresses of Petrok the Small: Sebezh and Pronsk, 1535. Facts and Assumptions] // *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara* [Archeology of the Moscow Region: Materials of the Academic Workshop]. Is. 16. Moscow: IA RAN, 2020. P. 415–424.

Oleynikov O.M. *Raskop na ulitse Lenina, 8-a v Smolenske (rezul'taty okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy 2005–2006 gg.)* [Excavation Site at 8 Lenin Street in Smolensk (Results of Protective Archaeological Research 2005–2006)] // *Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy*. Vol. 17. Cheboksary: Perfektum, 2015. P. 146–200.

Panova T.D. *Istoricheskaya i sotsial'naya topografiya Moskovskogo Kremlya v seredine XII — pervoy treti XVI veka* [Historical and Social Topography of the Moscow Kremlin in the Mid-12th — the First Third of the 16th Centuries]. Moscow: Taus, 2013. 416 p.

Polonskaya N.D. *Arkheologicheskiye raskopki V.V. Khvoyko 1909–10 g. v m. Belgorodke* [Archaeological Excavations by V.V. Khvoiko in 1909–1910 in Belgorodka Village] // *Trudy Moskovskogo predvaritel'nogo komiteta po ustroystvu XV Arkheologicheskogo s'yezda* [Proceedings of the Moscow Preliminary Committee on the Arrangement of the 15th Archaeological Congress]. Moscow: Tipografiya Lissnera i Sobko, 1911. P. 47–66.

Pronin G.N., Sobol' V.E. *Oboronitel'nyye ukrepleniya Smolenska kontsa XVI–XVII vv. u Molokhovskikh vorot* [Defensive Fortifications of Smolensk at the Molokhov Gate in the Late 16th — 17th Centuries]. Smolensk: Svitok, 2012. 120 p.

Pronin G.N., Sobol' V.E., Gusakov M.G. *Drevniy Smolensk. Arkheologiya Pyatnitskogo kontsa* [Ancient Smolensk. Archeology of the Pyatnitsky End]. Smolensk: IA RAN, 2011. 298 p.

Rappoport P.A. *Ocherki po istorii russkogo voyennogo zodchestva X–XIII vv.* [Essays on the History of Russian Military Architecture of the 10th — 13th Centuries] // *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. № 52. 1956. 182 p.

Rappoport P.A. *Ocherki po istorii voyennogo zodchestva Severo-Vostochnoy i Severo-Zapadnoy Rusi X–XV vv.* [Essays on the History of Military Architecture in North-Eastern and North-Western Russia of the 10th–15th Centuries] // *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. № 105. 1961. 246 p.

Rappoport P.A. *Voyennoye zodchestvo Zapadnorusskikh zemel' X–XIV vv.* [Military Architecture of the Western Russian Lands of the 10th — 14th Centuries] // *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. № 140. 1967. 240 p.

Sapozhnikov N.V. *Istoricheskaya topografiya Drevnego Smolenska* [Historical Topography of Ancient Smolensk]. Smolensk: Svitok, 2016. 192 p.

Sapozhnikov N.V. "Litovskiy val" v Smolenske ["Lithuanian Shaft" in Smolensk] // *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. Is. 160. 1980. P. 101–107.

Sapozhnikov N.V. *Oboronitel'nyye sooruzheniya Smolenska (do postroyki kreposti 1596–1602 gg.)* [Defensive Structures of Smolensk (before the Construction of the Fortress in 1596–1602)] // *Smolensk i Gnezdovo* [Smolensk and Gnezdovo]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1991. P. 50–79.

Schuldt E. *Behren-Lübchin, Eine spätslawische Buranlage in Mecklenburg*. Berlin: Akademie-Verlag, 1965. 252 S.

Smutnoye vremya Moskovskogo gosudarstva. 1604–1613 gg. [Time of Troubles of the Moscow State. 1604–1613]. Is. 6: *Pamyatniki oborony Smolenska (1609–1611 gg.)* [Sites of the Defense of Smolensk (1609–1611)] / Ed. by Yu.V. Got'ye. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1912. 282 p.

Stetsenko N.K. *Raskopki v Novgorodskom Kremlе (na meste obrusheniya pryasla Spasskaya-Knyazhiya bashni)* [Excavations in the Novgorod Kremlin (at the Spot of the Collapsed Spasskaya-Knyazhya Tower)] // *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and Novgorod Land. History and Archeology]. Is. 7. Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 1993. P. 18–33.

Strikalov I.Yu. *Oboronitel'nyy kompleks Yuzhnogo gorodishcha Staroy Ryazani v svete novykh issledovaniy* [The Defensive Complex of the Southern Settlement of Old Ryazan in the Light of New Research] // *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminar* [Archeology of the Moscow Region: Materials of the Academic Workshop]. Is. 7. Moscow: IA RAN, 2011. P. 109–132.

Voronin N.N., Rappoport P.A. *Drevniy Smolensk* [Ancient Smolensk] // *Sovetskaya arkheologiya*. 1979. № 1. P. 73–88.

Zholkevskiy S. *Nachalo i uspekhi Moskovskoy voyny v tsarstvovaniye korolya Sigizmunda III* [Beginning and Success of the Moscow War during the Reign of King Sigismund III]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1835. 348 p.

Т.В. Юденкова*

**«ЭРА ПЕРЕДВИЖНИКОВ»:
ВЗГЛЯД ИЗ XXI в.**

T.V. Yudenkova

**“THE ERA OF THE WANDERERS (PEREDVIZHNIKI)”:
A TWENTY-FIRST CENTURY LOOK**

Аннотация. В центре внимания автора — искусство передвижников и история Товарищества передвижных художественных выставок, требующие сегодня определенного переосмысления. Передвижничество — магистральное явление русской культуры XIX столетия, тесно связанное с развитием реалистических традиций, близкое по духу творчеству Толстого и Достоевского. Лучшие полотна передвижников составили национальную художественную школу, способствовали формированию национальной идентичности. В первые три десятилетия существования Товарищества художники были законодателями вкуса и моды, посещаемость их выставок росла в столицах и в провинции. Эти выставки изменили состояние художественной жизни, заставили общество пересмотреть отношение к современному искусству и к коллекционированию. Они подняли статус художника, однако мечты посредством выставок не только просвещать публику, но и зарабатывать (как было заявлено в Уставе ТПХВ) не были реализованы. Период расцвета передвижничества закономерно сменился периодом упадка, когда деятельность ТПХВ продемонстрировала консерватизм его старейших членов. Тем не менее, передвижники стоят у истоков тех процессов, которые впоследствии определили пути развития русского искусства, — импрессионизма, символизма, модерна. Передвижничество было одним из центральных предметов исследования советской искусствоведческой науки, однако в последней трети XX в. в среде критиков и специалистов начался процесс погружения в изучение искусства последующих десятилетий — Серебряного века и авангарда, что привело к падению интереса к творчеству передвижников, являвшемуся частью пропаганды марксистско-ленинской эстетики. Сегодня новейшее искусство, тяготеющее к концепту, к постановке серьезных вопросов бытия, находит самые неожиданные

* Юденкова Татьяна Витальевна, доктор искусствоведения, заведующая отделом живописи второй половины XIX — начала XX в. Третьяковской галереи, ведущий научный сотрудник НИИ Российской Академии художеств

Yudenkova Tatiana Vital'yevna, Doctor in Art History and Criticism, Head, Department of Painting of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries, The State Tretyakov Gallery; Leading Research Fellow, Research Institute of the Russian Academy of Arts
+7-985-998-26-27; udenkovatv@mail.ru

данные аналогии в искусстве передвижников, несмотря на существующий разрыв между классическим и ультрасовременным видением. Популярность передвижнических картин была использована и в массовой культуре XX в. Такой интерес к передвижникам объясняется тем, что на их полотнах было воспитано не одно поколение наших соотечественников, многие превратились в своего рода культурный код русской нации.

Ключевые слова: русская живопись второй половины XIX в., Товарищество передвижников, искусство русского реализма, передвижная выставка, Устав ТПХВ, культурный код русской нации.

Abstract. The author focuses on the art of the Wanderers (Peredvizhniki) and the history of the Society for Traveling Art Exhibitions (TPKhV), which need nowadays certain reconsideration. The Wanderers movement is the main phenomenon of the 19th-century Russian culture, associated with the development of realistic traditions in the spirit of Tolstoy and Dostoevsky's writings. The best works of the Wanderers made up the national art school and contributed to the formation of national identity. During the first three decades of the society its artists were trendsetters of style and fashion and the popularity of their exhibitions grew steadily in the capitals and provinces. These exhibitions changed the Russian art life and significantly influenced the development of the art market. They forced society to reconsider the attitude towards contemporary art and collecting. They raised the status of artists, but their dreams to not only educate the public, but also to earn money (as stated in the TPKhV Charter) through exhibitions never came true. The heyday of Wanderers movement was naturally replaced by a period of decline, while its oldest members displayed their conservatism. Nevertheless, the Wanderers stand at the origins of the fundamental processes that determined the path of the further development of Russian art, i. e. impressionism, symbolism, modernism. For a long time, the Wanderers movement was one of the principal subjects of study of Soviet art history. In the last third of the 20th century, many critics and specialists were immersed in the study of the art of the subsequent decades, i. e. the Silver Age and avant-garde, while the Wanderers' art was neglected as part of Marxist-Leninist aesthetics. The contemporary art inclining towards the concept and posing questions of being reveals the most unexpected analogies within the Wanderers' art, despite the gap between the classical and ultramodern views. The popularity of the Wanderers' paintings was also exploited in the 20th-century mass culture. This interest is explained by the fact that more than one generation of our compatriots was brought up on them and many of them are part of the cultural code of the Russian nation.

Keywords: Russian painting of the second half of the 19th century, the Society of the Wanderers (Peredvizhniki), the art of Russian realism, traveling exhibition, Charter of the TPKhV, the cultural code of the Russian nation.

* * *

Судьбы русского искусства второй половины XIX в. оказались неотвратимо связаны с ярким художественным явлением, которое вошло в историю отечественной культуры под названием «передвижничество». Для своей эпохи передвижники выступили безус-

ловными лидерами в развитии художественного процесса в России. Они быстро завоевали симпатии публики, заняли важное место в культурной жизни. Они подняли уровень осмысления современности на новые рубежи по сравнению с предшествующим временем, они первые начали говорить о наболевшем, остром, актуальном.

Передвижники создали полновесный образ России; русское искусство им обязано открытием новых тем и сюжетов; развитием «критически мыслящего» жанра; высокими достижениями в области психологического портрета. Они переосмыслили отношение к национальному ландшафту, сделали попытки по-новому взглянуть на ход российской истории. Их лучшие полотна составили национальную художественную школу, они во многом способствовали процессу формирования национальной идентичности. Именно передвижники стояли у истоков тех направлений, которые впоследствии определили пути развития русского искусства, — импрессионизма, символизма, модерна.

С передвижниками закономерно ассоциируется понятие «реализма» и «реалистического искусства», хотя термин «реальное направление» возник раньше, на рубеже 1850–1860-х гг., в связи с назревшей потребностью искусства стать необходимым обществом, раскрыть правду жизни посредством живописных образов. Великие реформы 1860–1870-х гг., преобразившие не только политическую и социальную жизнь страны, но и серьезным образом отразившиеся на состоянии умов и настроений, придали импульс поиску нового содержания и адекватных ему формальных приемов в русском искусстве.

Период наиболее активной и плодотворной деятельности Товарищества с полным правом может быть назван «эрой передвижничества» в русском искусстве. Конечно, речь идет не о «численном превосходстве» представителей данного направления, но о масштабах влияния их живописи, последовательно развивавшей реалистические традиции в искусстве. Этот импульс был таким мощным, продолжительным и востребованным, что, несмотря на закономерное падение интереса на рубеже XIX–XX столетий и в первые послереволюционные годы, традиции передвижников возрождались и переплавлялись на протяжении XX в. в советском фигуративном искусстве, являясь для него образцом для подражания. Позже совершенно закономерно наступил период, когда мастера современного актуального искусства стали иронизировать над творениями передвижников, предлагая свое видение, цитируя шедевры классиков, трансформируя их в жанр «интеллектуального примитивизма» или «художественного наива».

Сегодня к передвижникам установилось далеко неоднозначное отношение. Их искусство продолжает притягивать широкую публику, выставки-блокбастеры, посвященные творчеству передвижников, начиная с Серова и Левитана и кончая Поленовым, Репиным и др., вызывают большой интерес у посетителей, получают высокие рейтинги телепередачи, фильмы, ролики, рассказывающие о том или ином художнике-передвижнике. Но в среде искусствоведов, музейщиков, экспертов и преподавателей по русскому искусству XIX в. установилась определенная традиция некоторого снисходительного, порой ироничного, отношения к искусству этого направления. Считается хорошим тоном изобличать передвижников в литературщине, повествовательности, недостаточной живописности, неумении созерцать и восхищаться красотой окружающего мира, природой, человеком. Их упрекают в ограниченности, под которой понимается литературоцентричность, сосредоточенность на социальной проблематике, на выявлении общественных язв и пороков, избыточной любви к миру униженных и оскорбленных, предпочтении мрачных колористических сочетаний и т.д. По существу, их обвиняют в том, что в действительности составляло «сердцевину» их искусства, отражало их художественную и гражданскую позиции. По мысли передвижников, именно искусству отведена преобразующая, созидательная функция, призванная удовлетворить общественный запрос — отразить правду жизни. Они затрагивали социальные проблемы, интересовались последними достижениями в области психологии и науки, но наиважнейшими оставались этические и философские вопросы. Широта творческих возможностей простиралась от бытового воспроизведения действительности до бытийного осмысления жизни. Многие сознавали свое творчество пророческим, а общество свято хранило отношение к ним как к прорицателям и духовидцам.

Истоки подобного отношения лежат в совершенно логичной и справедливой реакции специалистов на активное навязывание эстетики передвижников, в конечном итоге — весьма поверхностную интерпретацию их искусства в период развития идеологизированной искусствоведческой науки в СССР и господства марксистско-ленинской пропаганды. В период «оттепели» (с начала 1960-х) начался обратный процесс — отторжения этого искусства, инерция которого продолжается до сих пор¹.

¹ Справедливости ради следует упомянуть имена тех специалистов, которые начали процесс осмысления искусства этого времени на новом уровне в 1970-е гг.: Д.В. Сарабьянов, Г.Ю. Стернин, Г.Г. Поспелов, В.А. Леньшин и др.; их последователей и учеников: О.С. Давыдова, Н.А. Дмитриева, Т.Л. Карпова, П.Ю. Климов, М.В. Москалюк, Е.В. Нестерова, С.В. Кривонденченков, Э.В. Пастон, С.С. Степанова и др.

На рубеже XX–XXI столетий обнаружилась еще одна особенность российского художественного мышления, связанная с искусством той поры. Влияние некоторых полотен передвижников, во многом представлявших определенную оппозиционность существующему строю, на глубинном уровне считаются сегодня в новейшем концептуальном искусстве, искусстве модернизма, как примета той константы, которая всегда отличала русское художественное сознание, устойчиво тяготеющее к смыслам. Определенное родство русского искусства XIX в. и российского современного актуального искусства, *contemporary art*, тяготеющего к концепту, к постановке важных вопросов бытийного основания, оказывается неискоренимо для русской ментальности, несмотря на, казалось бы, видимый разрыв культурных связей между классическим, традиционным видением и актуальным, ультрасовременным, создающим арт-объекты, инсталляции, компьютерную графику, сетевое искусство, перформансы, художественные акции и прочее, но главное, заставляющее задуматься зрителя над серьезными, волнующими вопросами жизни человека и общества. Самые неожиданные, но очевидные сопоставления и аналогии обнаруживают единство русской ментальной традиции, берущей свое начало в XIX столетии, когда художники ставили перед собой задачу, выражаясь словами Федора Достоевского, «мысль разрешить»². При таком подходе русское искусство XIX и XX–XXI столетий предстает единым, цельным явлением, а не как два разных и чуть ли не противостоящих друг другу этапа его развития³. Названная тема является отдельной исследовательской задачей, которую еще предстоит проанализировать.

Популярность передвижнических картин была использована и в массовой культуре XX в. посредством производства сувенирной продукции — грандиозных тиражей дешевых репродукций, наборов открыток, календарей, также изготовлением ковриков и ковров, коробок конфет, фантиков, вазочек и флаконов духов, лаковых шкатулок, насаждая дурноту эстетического вкуса⁴. В XXI в.

² Одна из главных установок художественного сознания XIX столетия.

³ Интервью с молодой художницей, представительницей современного арт мира / Таисия Короткова: «В картине мне важно правильно поставить вопрос. — URL: https://artandyou.ru/interview/artists/taisia_korotkova_interview/ (дата обращения: 28.08.2020).

⁴ Любопытно, что подобная продукция изменила не только «лицо» произведений, но были изменены их названия, данные самими художниками и опубликованные в каталогах на, так сказать, вошедшие в повседневный обиход, укорененные в народном «фольклоре». Так, «Утро в сосновом лесу» Ивана Шишкина приобрело народное звучание «Мишки в лесу», «Неизвестную» Ивана Крамского скрестили с блоковской героиней, и она превратилась в таинственную «Незнакомку», «Иван Грозный и сын его Иван» работы Репина стал именоваться «Иван Грозный убивает своего сына».

производство сувенирной продукции трансформировалось в иной формат, но существо дела не изменилось. Майки, толстовки, платки, тарелки, сервизы, постельное белье, сумки и магниты и прочее так называемое «украшение красивого» наполняет музейные магазины, продолжая политику производства безвкусовых предметов серийного производства, ориентированных на потребности обывателей.

Несомненно, описанные процессы далеко неслучайны. На передвижных полотнах было воспитано не одно поколение советских людей. Многие из них впитаны с детских лет, превратившись в своего рода культурный код русской нации.

Что считать искусством передвижников?

До сих пор в научной литературе границы искусства передвижников размыты и осмысляются по-разному. В последнее время весь период искусства второй половины XIX столетия, начиная с 1860-х гг., принято именовать «передвижничеством», игнорируя этапы развития художественного процесса — утверждение устава Товарищества передвижных художественных выставок (ТПХВ) в ноябре 1870 г. и открытие первой передвижной выставки в ноябре 1871 г. Конечно, с расстояния десятилетий различия становятся все менее заметны, большинство художников получили свое образование в Академии художеств и Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В результате, живописцы, творившие в это время, включая и тех, которые не являлись членами ТПХВ⁵, вводятся в «стан передвижников». При определении рамок передвижничества искусства возможен и чисто формальный подход: строгое деление мастеров на «чистых», т.е. членов ТПХВ, и экспонентов, которые периодически представляли свои картины на передвижные выставки, но членами ТПХВ не являлись. Среди них есть мастера, которые по тем или иным причинам выходили из Товарищества или их исключали общим собранием его членов или они участвовали только в одной-двух выставках. Так, в поздние годы на передвижных выставках однократно появлялись картины М. Ларионова и Д. Бурлюка, М. Веревкиной и А. Головина, однако этот факт не означает их идейной причастности к объединению⁶. Как с ними поступать? Можно пойти еще дальше и к передвиж-

⁵ Часто возникает путаница с художником А.И. Корзухиным, живопись которого по духу близка традиционным представлениям о передвижниках, но он никогда не состоял в ТПХВ, однако даже В.В. Стасов, критик наиболее близко стоявший к передвижникам, причислял его к членам ТПХВ в своих статьях.

⁶ Товарищество передвижных художественных выставок: Перечень произведений и библиография / Г. Бурова, О. Гапонова, В. Румянцев. В 2 т. Т. 1. М., 1952. С. 396, 406.

ничеству причислить лишь те картины, которые экспонировались на выставках ТПХВ, а, например, картины, написанные В. Перовым или А. Куинджи после их выхода из членов ТПХВ, не рассматривать в кругу произведений передвижников, что, по-видимому, все же неверно. Образный строй пейзажей Федора Васильева⁷, ни разу не составлявшегося на передвижных, тем не менее, несомненно близкого передвижнической традиции в жанре пейзажа, мысленно позволяет подключать его к эстетическому сообществу его товарищей.

Независимо от подходов, изучение передвижничества как художественного явления предполагает исследование двух больших разделов. Первый связан с историей Товарищества, структурой и уставом объединения, деятельностью по организации передвижных выставок. Здесь основательным подспорьем являются протоколы общих собраний и заседаний правления, переписка художников, которые приоткрывают множество фактов, до сих пор не введенных в научный оборот. Второй — с искусством передвижников, особенностями их творческих устремлений, формированием нового взгляда на искусство живописи.

Новый тип корпоративной институции — новизна творческой проблематики

Русское искусство и культура обязаны передвижникам рождением новой корпоративной институции по типу общины, вовлекшей в свои ряды ведущих мастеров эпохи⁸, составивших ее силу и цвет и просуществовавшей более 50 лет (1870–1923).

Деятельность выставочного объединения передвижников не была ровной. Товариществу приходилось держать удары, как говорится, изнутри и снаружи. Оно прошло все стадии — от рождения до расцвета и угасания, пережив внутрикорпоративные дискуссии, конфликты отцов и детей — старого и молодого поколений живописцев, противостояние с главным художественным учреждением страны — Академией художеств, а затем и слияние с ней в результате академической реформы.

Появление ТПХВ серьезным образом изменило «соотношение сил» на столичном и провинциальном рынке искусства. С самого основания Товарищества его отношения с Академией художеств

⁷ Вероятно, болезнь Васильева, его пребывание в Крыму и смерть в начале 1870-х помешали его участию в передвижных выставках.

⁸ В.В. Верещагин, единственный из ведущих художников эпохи, не стал членом ТПХВ, но как экспонент участвовал в 3-й и 4-й передвижных выставках. См.: Товарищество передвижных художественных выставок. 1869–1899: письма, документы. В 2 кн. Кн. 2. М., 1987. С. 557.

приобрели конкурентный характер, составили один из важных контрапунктов художественной жизни. С этого момента «мир искусства стал двуполярным»⁹. Факт образования Товарищества, несомненно, повлиял на создание в 1876 г. аналогичного объединения — Общества выставок художественных произведений (ОВХП), а затем и на устройство академических передвижных выставок (с 1884 г.).

Членами и экспонентами ТПХВ были все ведущие художники эпохи. Творческий подъем Товарищества счастливо совпал с годами жизненной зрелости ведущих мастеров передвижничества первой волны — В.Г. Перова, И.Н. Крамского, А.К. Саврасова, И.И. Шишкина, А.П. Боголюбова, И.Е. Репина, В.М. Васнецова, В.Д. Поленова, Н.Н. Ге, Н.Д. Кузнецова, Н.Н. Дубовского, И.И. Левитана и др. Их творчество составило магистральное направление отечественного искусства второй половины XIX столетия, отразив важнейшие проблемы как живописного, так и содержательного свойства. Оно таило в себе огромный потенциал, который раскрылся именно в период подъема их движения в 1870–1880-е гг. Затем, в 1890-е и последующие годы этот потенциал проявился через конфликт с молодым поколением привел к кристаллизации новых стилей и образованию новых художественных группировок, двинувших русское искусство к «Серебряному веку» и авангарду.

Парадоксальным образом, в XX–XXI вв. восприятие передвижников по большей части сопряжено с жанровой живописью Г.Г. Мясоедова, И.М. Прянишникова, Вл.Е. Маковского, К.А. Савицкого, В.М. Максимова, Н.А. Ярошенко и др., и в меньшей степени — с творчеством перечисленных крупнейших художников, неизменных членов Товарищества.

Созданное объединение отвечало прежде всего интересам его членов. В Уставе Товарищества была прописана структура объединения, базировавшаяся «на началах справедливости». Сегодня устав воспринимается документом весьма демократичным, защищавшим права художников. Членом ТПХВ мог стать только «действующий» профессиональный художник, прием в члены решался голосованием на общем собрании. Передвижники были обязаны предоставлять ежегодно на выставки произведения, которые прежде нигде не экспонировались. Невыполнение этого условия означало исключение из Товарищества. Есть мнение, что в этом пункте устава передвижники сознательно бросали вызов Академии

⁹ *Верецагина А.Г.* Академия художеств и Товарищество передвижников // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы: сб. ст. / Ред.-сост. И.В. Рязанцев. Вып. 10 : Императорская Академия художеств. Дела и люди. М., 2006. С. 216.

художеств¹⁰, однако в уставе не сказано, что членам ТПХВ запрещено показывать свои работы где-либо еще¹¹ (более того, в одном из писем Мясоедов прямо говорит о праве каждого выставиться в Академии художеств). Все произведения, которые экспонировались на передвижных, должны были быть специально писаны для выставок ТПХВ. Такого рода условие устава, надо думать, решало вопрос о составе выставок — он всегда был новым и уже этим привлекательным для зрителя. Жюри, состоящее из авторитетных мастеров, отбирало картины. А художники, авторы полотен, сами определяли их стоимость. Учредители Товарищества выставляли свои полотна без предварительного обсуждения, однако, если они не представляли работы в срок и, соответственно, не принимали участия в выставке, то и они автоматически выбывали из ТПХВ.

Первое выставочное объединение художников ставило перед собой задачи эстетического просвещения и воспитания столичной и провинциальной России. В последнее время появились исследования (в частности, монография А.Е. Шабанова), в которых иерархия ценностей Товарищества передвижников смещена в сторону их коммерческих интересов. Подобная постановка вопроса представляется необходимой и должна быть исследована. Избранная передвижниками юридическая форма объединения, по мнению автора монографии, объясняет во многом направленность их стремлений: «Цель товарищества непременно должна быть торговая или промышленная. Наше законодательство не признает существования товарищества там, где нет этой цели. Если несколько человек соединяются с другой целью, например, благотворительною, то происходит общество, но не товарищество»¹². Совершенно справедливо заключение автора, что устав ТПХВ представлял собой «гибрид»¹³, соединивший традиционные для благотворительных обществ намерения и коммерческие интересы художников. Однако в ряде документов, предшествующих уставу, а также в личной переписке доминирование финансовых вопросов, на наш взгляд, объяснимо житейскими трудностями и тяжелым бытом художников, описанным в воспоминаниях, но не означает исключительности коммерческих целей в угоду иным. В официальных, печатных документах

¹⁰ Экштут С.А. Шайка передвижников. История одного творческого союза. М., 2008. С. 166.

¹¹ Ф.А. Бронников, М.К. Клодт выставлялись одновременно на двух выставках — ТПХВ и ОВХП.

¹² Шабанов А.Е. Передвижники: между коммерческим товариществом и художественным движением. СПб., 2015. С. 38.

¹³ Там же.

приоритеты расставлены в пользу просвещения русской провинции посредством искусства живописи, в пользу нравственных императивов, что подтверждается и уставом.

Согласно Уставу ТПХВ, главные цели передвижники видели в эстетическом образовании российского зрителя, расширении круга любителей искусства и уже потом в организации сбыта произведений, то есть самофинансировании¹⁴. Средством для реализации поставленной цели стало утверждение художниками своего права на организацию передвижных, или подвижных (первоначальное название), выставок в столицах и провинции.

Создание новой формы художественной корпорации в России открыло следующую страницу в истории художественной культуры XIX в. Передвижные выставки, вдохновленные просветительской миссией, продвигали развитие художественного рынка, который на тот момент был крайне узок. Они прививали широкому зрителю понимание того, что каждая передвижная выставка является образцом социально ответственного присутствия людей искусства в мире провинциальной городской культуры той поры. Они также демонстрировали пример нового отношения художника к возможностям своей профессиональной реализации. Всё это несомненно стало весьма знаменательным явлением тех лет.

Более чем за полстолетия существования объединения передвижники организовали 48 выставок. География их деятельности охватывала все самые крупные города российской империи и постреволюционной России, начиная с двух столиц, Санкт-Петербурга и Москвы, и далее — от Киева, Харькова, Полтавы, Елизаветграда, Одессы, Кишинева до Риги, Вильно, Варшавы, Тамбова, Воронежа, Нижнего Новгорода, Казани, Саратова, Самары, Пензы и т. д. Следует обратить внимание, что передвижники выбирали города, в которых были университеты, гимназии, в которых сформировались эстетические сообщества образованных людей. Эти выставки способствовали распространению знаний, расширению «класса» любителей живописи, театра, музыки и, конечно, коллекционеров, что впоследствии привело к формированию музейных коллекций в провинции. Они же содействовали организации художественных школ, училищ. Сегодня задачи, поставленные передвижниками, воспринимаются как весьма дерзкие и амбициозные.

Если организация выставок в столицах и провинции стала реальностью, то мечты об устройстве выставок в Париже, Лондоне и Константинополе, продвигающие отечественное искусство за рубежи страны, остались романтической утопией. Для этого требовалось не

¹⁴ Цели перечислены в той последовательности, как записаны в уставе.

только преодолеть формальные препоны (изменить устав), но и обладать огромными финансовыми средствами. Определенный процент от полученных доходов передвижники планировали ежегодно отчислять на покупку «хороших картин» с целью создания впоследствии постоянной экспозиции — музея русской школы в Санкт-Петербурге, который стал бы продолжением Эрмитажа и который на тот момент отсутствовал в северной столице.

С конца 1870-х гг. члены Товарищества лелеяли «золотой проект об устройстве благополучия передвижников» — так они его называли между собой. В нем определили ряд задач, главная из которых — приобрести землю и построить собственный павильон в бойком месте Санкт-Петербурга. На первом этаже этого здания планировалось разместить торговые лавки для сдачи в наем и получения дохода, на других этажах — организовать постоянную и временные выставки, устроить открытые мастерские с живописными классами, учредить собственную краскотёрню (с целью освобождения красок от вредных химических примесей под постоянным надзором художников), возродить Общество русских офортисов, а также организовать «сухой клуб без водки, то есть читальню или говорильню». К сожалению, все это осталось мечтой.

Передвижникам в значительной мере удалось поднять статус художника, деятеля искусства в России, отныне получившего возможность самостоятельно зарабатывать деньги посредством организации выставок, без вмешательства чиновников от искусства или посредников. Они дерзнули освободиться от более чем вековой академической опеки — вслед за учениками Академии художеств, которые в 1863 г. покинули ее. И они продвинулись дальше на этом пути, учредив организацию, которая не только достигла финансовой независимости от Академии художеств, но и явила реальную общественную инициативу в сфере искусства. Ни до ТПХВ, ни после ни одно художественное объединение — «Мир искусства» или «Союз русских художников»¹⁵ — не возило выставки по России, не ставило перед собой подобных просветительских задач. По-прежнему остается большим вопросом, насколько передвижникам удавалось успешно решать свои финансовые задачи. Предварительный анализ показывает, что продажи в провинции были более чем скромными (исключение, быть может, составили первые выставки). Основные приобретения с выставок происходили в Петербурге и Москве.

¹⁵ Некоторое исключение составил Союз русских художников, дважды вывозивший в полном составе свои выставки за пределы Москвы и Санкт-Петербурга: в 1910 г. — в Киев, в 1914-м — в Казань. См.: *Лапшин В.П.* Союз русских художников. Л., 1974. С. 180.

Передвижение выставок по стране было необычайно хлопотным мероприятием, затратным для организаторов, опасным для произведений, волнительным для владельцев полотен. Начиная с первой передвижной выставки был установлен следующий порядок, который нарушался крайне редко. Сначала передвижная открывалась в Санкт-Петербурге, затем она обязательно направлялась в Москву, а далее выбор маршрута определялся правлением ТПХВ и зависел от возможности того или иного города принять «путешествующие картины», разместить в хорошем светлом помещении на одной из центральных улиц. Обычно экспозиции устраивали в университетах, гимназиях, дворянских собраниях. Картины перевозили по железной дороге в товарных вагонах, в деревянных ящиках, которые изготавливали очень экономно, но с учетом длительных, обычно продолжающихся целый год странствий.

Передвижники добились льгот на снижение тарифов на транспортировку и страховку произведений. Конечно, им приходилось сталкиваться с совершенно непредвиденными ситуациями — задержкой поездов, непогодой и снежными заносами, непониманием со стороны провинциальных властей, случались и порчи картин. Со временем участились случаи недовольства и даже отказов владельцев, не желающих отпускать только что приобретенные картины в долгое путешествие.

Первые три десятилетия передвижники лидировали на художественном рынке, были законодателями вкуса и моды, их имена не сходили с полос газет и журналов, год от года посещаемость их выставок росла не только в Санкт-Петербурге и Москве, но и в провинции. Именно они заставили общество пересмотреть отношение к современному искусству, в собрание которого включалось все больше коллекционеров. В конце 1870-х гг. император Александр II посетил передвижную выставку и приобрел несколько картин, а с середины 1880-х частым гостем, а потом и первым посетителем передвижных выставок стал император Александр III, приступивший к созданию Музея русской живописи — будущего Русского музея в Санкт-Петербурге.

В 1870–1890-е передвижники чувствовали свой мощный художественный потенциал, и это ощущение, несомненно, передавалось современникам. Их выставки были самими живыми и интересными. А.Н. Бенуа писал, что передвижные рождали ощущение выхода «за город в деревню, на простор, на свежий воздух, к народу»¹⁶, в то время как академические выглядели вяло и нелепо.

¹⁶ Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке. М., 1995. С. 264–265.

Русское искусство: на путях независимого развития

ТПХВ не имело единой творческой платформы, эстетическая программа передвижников так и не была нигде письменно заявлена. Тем не менее, анализ живописных полотен выявляет общие признаки их искусства: примат правды жизни в ущерб красоте, приятной глазу; интерес к социальным и этическим вопросам, к проблеме личности и жизни простого человека, к психологизму в бытовой, исторической живописи и в портрете; доминирование в сюжетах будней, а не праздников; предпочтение в пейзаже русской неяркой природы, стремление к сдержанной колористической гамме, к сознательному минимализму художественных приемов.

Начало общественного признания Товарищества связано с громким успехом первой передвижной выставки, открывшейся 29 ноября 1871 г. в Санкт-Петербурге, в залах Академии художеств. Она получила огромный резонанс в печати и привлекла большое число зрителей. «Самой большой новостью Петербурга», «небывалым событием» назвал ее ведущий критик той поры В.В. Стасов, ставший главным пропагандистом передвижников на протяжении нескольких десятилетий.

Уже на первой выставке передвижники явили достойное соцветие ярких творческих индивидуальностей. Из 47 произведений несколько полотен оказались настолько значительными, что сразу вошли в большую историю русского искусства. В картине «Петр Первый и царевич Алексей» (1871) Н.Н. Ге, представив прошлое России через драматический конфликт царя и наследника, через противопоставление наступающего нового мира реформ и мира «благословенной старины», наметил дальнейшие пути русской исторической картины. В жанровых полотнах В.Г. Перова «Охотники на привале» (1871), И.М. Прянишникова «Порожняки» (1871), в фантастической на свой лад картине И.Н. Крамского «Русалки» (1871), написанной по мотивам повести Н.В. Гоголя, обнаружилось новое художественное мировоззрение. Сохраняя верность «правде жизни», явленной в прежнее десятилетие, живописцы в жанровой картине 1870-х отказались от «лобового» обличения. Теперь они были заняты поиском нового героя, смело открывали свежие темы и сюжеты, искали в искусстве жизнеутверждающие смыслы и поэтические образы. В портрете они устремились к психологизму и индивидуальным характеристикам, размышляя о роли человека в обществе и шире — о значении человеческой личности.

В тонком лиричном полотне А.К. Саврасова «Грачи прилетели» (1871), панорамном — М.К. Клодта «На пашне», эпическом — И.И. Шишкина «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии»

(1872) был задан новый вектор искусству пейзажа. Художники отдали предпочтение скромной природе среднерусской полосы, отказались от романтической приподнятости итальянских пейзажей, лунных ночей и эффектных марин формата Айвазовского (который, кстати, не вошел в ТПХВ). Таким образом, первая же передвижная выставка 1871 г. продемонстрировала общественности, что русское искусство наконец вступило на независимый путь развития, обретая новые интонации.

Картины, которые экспонировались на передвижных выставках, впоследствии получили еще одно общее наименование — демократический, или передвижнический реализм. Ему обычно противопоставляли салонную академическую живопись, приятно ласкающую глаз, пренебрегающую задачами трезвого анализа действительности, лишенную остроты восприятия жизни. Подобное противопоставление академизма и реализма сегодня уже не выдерживает критики, как не выдерживает критики и строгая классификация мастеров по направлениям. В последнее время привилось понятие «демонстративный реализм», прямо выражающее революционно-демократические и политические настроения эпохи. Думается, что художники второй половины XIX в. в большинстве своем были менее политизированы и скорее умеренно-либеральны по своим взглядам, нежели, например, бунтующее студенчество или участники народнического движения. Искусство живописи держалось в целом более консервативных позиций.

Поставив целью представлять русское искусство на передвижных выставках «полно и широко», художники видели задачу в обращении к народной, крестьянской жизни. «Судья теперь мужик, — характеризовал Репин своего зрителя, — а потому надобно воспроизводить его интересы»¹⁷. Крамской полагал, что искусство должно удовлетворять «простого, но умного мужика и человека высокопросвещенного»¹⁸, другими словами, оно должно разработать доступный язык, несущий в себе «зерно здорового идеала». Потому в 1870-е гг. обретение тем и мотивов, близких и понятных широкому зрителю, а стало быть актуальных, было первоочередным.

Пути сближения искусства и жизни предполагали поиск способов изживания академизма. Академическая школа, из лона которой вышли почти все передвижники, стала «отправной точкой и объектом преодоления»¹⁹ в эти годы. Академическая система преподавания

¹⁷ И.Е. Репин и В.В. Стасов: переписка: в 3 т. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 37.

¹⁸ Крамской И.Н. Письма. Статьи: в 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 301.

¹⁹ Сарабьянов Д.В. Творчество Н.Н. Ге и развитие русской живописи второй половины XIX века // Русская живопись. Пробуждение памяти. М., 1998. С. 177.

выглядела устаревшей в глазах учеников, о чем свидетельствуют воспоминания Крамского или Репина о годах обучения в Академии художеств, а также история знаменитого «бунта 14». Тогда, осенью 1863 г. ученики Академии последовательно добивались права свободного выбора актуального сюжета для академической программы, понимая, что выражение подобной позиции грозило им отказом от участия в конкурсе на Большую золотую медаль, а значит и потерей возможности получить право на пенсионерскую поездку за границу для совершенствования своего мастерства. Академическое начальство на уступки бунтовщикам не пошло, и протестанты дружно лишились полагающихся им привилегий. Но они не отчаялись и образовали Санкт-Петербургскую артель художников, материально обеспечивавшую их независимое существование.

Для выпускников Академии или Московского училища живописи, ваяния и зодчества представлялось насущным найти приёмы, которые позволили бы отойти от устаревших позднеклассицистических нормативов и штампов. Им было важно проявить собственную оценку происходящего, художественно высказаться и таким образом обрести свой индивидуальный путь в искусстве.

Десятилетие 1870-х гг. в жанровой живописи открывает знаменательное полотно «Бурлаки на Волге»²⁰ (1870–1873) И.Е. Репина, в ту пору еще ученика Академии художеств. Оно экспонировалось на академической выставке, а не на передвижной, но именно эта картина Репина стала символом передвижнического реализма, несмотря на то что художник вступил в члены ТПХВ только спустя шесть лет после ее написания, в 1878 г., а в период работы над картиной он и не помышлял о членстве в Товариществе.

Репин предложил путь, по которому дальше двинулась русская живопись. Со временем картина вошла в ряд шедевров передвижничества, изначально не имея к нему отношения. Этот факт свидетельствует еще и о том, что не важно, к какому объединению принадлежал художник: если он попал в такт со своей эпохой, выразил волнующие общество проблемы, создал произведение, заставившее задуматься о главных вопросах бытия, то его вклад в развитие искусства состоялся. «Решительно, русская школа становится серьезной», — заключил Крамской, увидев «Бурлаков»²¹. К большой досаде главного собирателя музея национального искусства Павла Михайловича Третьякова,

²⁰ Картина предшествовало множество натурных этюдов, привезенных художником из путешествия по Волге в 1870 г. и представленных на академической выставке, на которой ученик ИАХ сразу получил заказ великого князя Владимира Александровича.

²¹ Крамской И.Н. Письма. Статьи. Т. 1. С. 173.

основателя Третьяковской галереи эта картина Репина была приобретена вел. кн. Владимиром Александровичем, заказавшим полотно молодому художнику.

В жанровой живописи 1870-х гг. Репин открыл нового героя, который, в его представлении, отнюдь не является жертвой. Новаторство Репина — в смене акцентов. Рабский труд бурлаков не уничтожил человеческое достоинство, не сломил их духа. Они смиренно принимают свой «крест», вместе с тем художник дает почувствовать мощь и глубокий потенциал каждого. В картине рождается новое видение народа. Общественный резонанс от репинской работы продолжился в 1870-е гг. в Европе, картина с успехом экспонировалась на международной выставке в Вене (1873), на всемирной выставке в Париже (1878).

Сегодня можно говорить об определенной кинематографичности некоторых реалистических композиций второй половины XIX в. Картина «Ремонтные работы на железной дороге» К.А. Савицкого (1874) представляется неким кадром, выхваченным из кажущейся хаотичной жизни рабочего люда. Такой прием создавал впечатление реальности происходящего и демонстрировал стремление к преодолению академических штампов. А избранная тема строительства железной дороги знаменовала продвижение новой цивилизации в глушь России силами простых русских людей.

Остросоциальные ноты слышатся в картине В.М. Максимова «Семейный раздел» (1876)²². Драматическая сторона пореформенной жизни крестьян — распад больших семейств, свидетелем чего неоднократно являлся сам художник, представлена как психологически конфликтное событие дележа имущества между близкими людьми. Автор с болью предупреждал о неумолимом наступлении новой жизни, ведущей к разложению устоев, прежде казавшихся незыблемыми...

В жанровой живописи передвижников советская историография выделяла группу полотен, связанных с темой арестантов, ссыльных, каторжан, которые «подпитывали» тезис о политизированности этого искусства (полотна Репина, Ярошенко, В. Маковского и др.). В самом деле, некоторые художники не смогли пройти мимо различных явлений, связанных с радикальным общественным движением, столь волновавшим русское общество в 1870–1880-е и более поздние годы. Нельзя не отметить народническую серию картин И.Е. Репина, которую художник не мог экспонировать по соображениям цензуры на передвижных выставках. Исключением стала большая картина «Не ждали» (1884–1888), другие же полотна серии он хранил в мастерской.

²² За картины «Приход колдуна» и «Семейный раздел» В.М. Максимов в 1878 г. был удостоен звания академика.

В конце 1870-х гг., когда общественное внимание было приковано к судебным процессам над участниками движения, Репин, как многие представители либеральной интеллигенции, симпатизировал просветительским устремлениям народников. Но когда их деятельность приобрела кровавую окраску террористических актов и политических убийств, художник изменил к ним отношение, декларируя в своих картинах неприятие любого насилия. Репин сознательно использовал иконографические схемы старых европейских мастеров, в которых современники узнавали евангельские прототипы, что добавляло неоднозначности и глубины картинам этой серии, посвященным судьбе личности, жертвенности, психологии подвига²³.

В современном представлении передвижничество в первую очередь связано с развитием бытового «критически мыслящего» жанра, который актуализировал наиболее животрепещущие вопросы дня через обращение к новым сюжетам и темам. Однако его популярность среди зрителей еще не означала главенства в творчестве ведущих художников. Н.Н. Ге полагал, что в этом жанре невозможно выразить серьезные проблемы человеческого бытия. Почти не работал в нем И.Н. Крамской. В.М. Васнецов, начав с произведений бытового жанра («С квартиры на квартиру», 1876), очень скоро стал, по его собственному выражению, «из жанриста историком (несколько на фантастический лад)» и создал ряд картин на темы русской народной сказки («Три царевны подземного царства», 1879–1881), нащупывая подступы к модерну. На стыке двух жанров, бытового и пейзажного, работал В.Д. Поленов, став одним из первых отечественных мастеров, обозначившим путь к пленэру и импрессионизму, и далее к Серебряному веку. И только И.Е. Репин активно и с равным успехом писал во всех жанрах — бытовом, портретном, историческом, экспериментируя и пробуя свой талант в разных направлениях.

В творчестве художников, для которых бытовой жанр стал определяющим, в 1870-е гг. намечилось нечто вроде специализации. Возникло негласное разделение по интересам: Ярошенко, Вл. Маковский становятся летописцами в основном городской жизни, а Максимов, Мясоедов, Савицкий — сельской. И.М. Прянишников в 1870-е примкнул к группе жанристов-передвижников, создавая преимущественно картины из жизни городского мещанства, в 1880-е он обращался также к темам больших народных праздников и к охотничьим сценам. Разумеется, названные художники работали не только в бытовом жанре, многие из них пробовали свои силы в портрете, исторической картине, пейзаже.

²³ Юденкова Т.В. Илья Репин: от народнической серии к революции 1917 года // Русское искусство. I. Норма и разрыв / Науч. ред. Вл.В. Седов. СПб., 2019. С. 73–87.

Если посмотреть на состав передвижных выставок 1870-х гг., то соотношение жанров окажется не в пользу бытового: картины такого рода составляли (подсчет приблизительный) одну пятую или одну шестую от общего числа экспонируемых, но, притягивая увлекательным сюжетом, доступным для понимания неискушенного зрителя, они становились весьма популярными. Художники понимали, что тонко выстроенная интрига в живописном произведении, подобно сложной режиссерской постановке, может обеспечить успех у публики. Достаточно было показать на выставке два-три «острых» произведения, чтобы о них заговорил весь Петербург, написали ведущие критики, а в залах толпились любопытные посетители...

В жанровой живописи передвижников безусловные преимущества получали картины, в которых первенство отдано мужицким, крестьянским «устоям», стихии народной жизни. В них раскрывалась природная сила и мудрость русского человека, но наряду с этим — поднимались вопросы социальной несправедливости в пореформенной России. Их новаторство виделось современникам в выявлении подлинного, достоверного облика общества, его социального среза. Своими полотнами художники предлагали осмыслить происходящее, призывали к уважению человека любого сословия, к состраданию. Изображая будни и праздники, наполненные глубоким смыслом и связанные с вековыми традициями, отражающими живительную силу народного сознания, передвижники определили ведущее направление отечественного искусства на несколько десятилетий. Все это, так или иначе, привело к сложению нового типа бытовой картины, с легкой руки В.В. Стасова, получившей название «хоровой» картины, восходящей к славянофильской идеологии. Классическим типом такого произведения является многофигурное полотно «Встреча иконы» К.А. Савицкого (1878), а ее вершиной, несомненно, стала картина «Крестный ход в Курской губернии» И.Е. Репина (1881–1883), в которой народное шествие не имеет ни начала, ни конца, кажется неостановимым, как неостановимо само течение жизни. В конечном счете, в этих многофигурных картинах закреплён облик России второй половины XIX столетия, они дают возможность увидеть национальную картину мира, ее сложное развитие, погрузиться в органичное народное бытие.

В 1880-е гг. вопросы самоопределения личности, темы жертвенности как в современной России, так и в ее историческом прошлом казались как никогда актуальными (Репин «Не ждали»). Эта тема будет блестяще разрешена и в исторических полотнах В.И. Сурикова, прежде всего в его знаменитой трилогии «Утро стрелецкой казни» (1881), «Меншиков в Березове» (1883), «Боярыня Морозова» (1887).

На суд зрителя выносились историософские вопросы, связанные с оценкой последствий деяний человеческой личности в прошлом и будущем России. Так подвиг или преступление были совершены стрельцами Сурикова, отстаивавшими свой мир, казнившим их Петром Первым, поднявшей их на бунт царевной Софьей, так и не смилившейся боярыней Морозовой? Вопросы, многие из которых и по сей день остаются нерешенными...

Каждое большое, узловое, этапное произведение русского искусства XIX в. погружало в философские и нравственные проблемы эпохи, давало «сгущенную реальность мысли», по Крамскому. В эру передвижников родился характерный тип произведения — картины-раздумья, которому внутренне присущи вопросительные интонации. Они не предлагают однозначных и прямолинейных ответов. Им свойственно переживание «драмы жизни», будь то живая современность, исторический или евангельский сюжет. Каждое несло в себе разнонаправленные токи, они, несомненно, были порождены эпохой, историко-культурным контекстом, иногда и помимо воли их автора. К этому кругу произведений можно отнести «Христа в пустыне» И.Н. Крамского, «Не ждали» и «Крестный ход в Курской губернии» И.Е. Репина, «“Что есть истина?” Христос и Пилат» и «Голгофа» Н.Н. Ге, «Боярыню Морозова» и «Утро стрелецкой казни» В.И. Сурикова, «Над вечным покоем» И.И. Левитана и т. д. К этому кругу произведений несомненно относится картина покинувшего ТПХВ в 1877 г. В.Г. Перова «Христос в Гефсиманском саду» или запрещенные цензурой картины «страстного» цикла Н.Н.Ге.

Обычно всё русское искусство второй половины XIX в. рассматривали в рамках бытового реализма, в категориях социально-психологической характерности. Передвижникам приписывали исключительно однобокий взгляд на мир, обращенный только к вопросам социальной справедливости. Однако, как выясняется, принципиальным для них все же был не житейский смысл, быстро считываемый с полотна, а создание новой метафорической реальности. Именно к такому воздействию на зрителя и стремились русские художники позапрошлого столетия, от искусства «представления» двигаясь к созданию «искусства переживания». Важная, а может быть и главная, особенность русского художественного сознания не прерывалась и в последующие десятилетия. Тема завуалированного, скрытого смысла была продолжена в эпоху Серебряного века — в эпоху модерна, символизма и неоклассики русской культуры.

Судьба простого человека — одна из главных тем в литературе, поэзии, драматургии, живописи второй половины XIX в. Портреты-типы отличались выразительно точными и конкретными

психологическими характеристиками. Жизнь людей из народа, их личностные качества покоряют художников. В 1870–1890-е гг. «героя времени» по-своему открывают все виды искусства. В центре внимания художников оказывается тема личности, ее нравственной ответственности и роли в обществе. Именно в портрете происходил поиск духовного начала модели, национального идеала, выявление черт подвижничества и праведничества, необходимое для раскрытия мировоззренческих основ человека эпохи. Расцвету жанра во многом способствовала портретная серия, собранная (и заказанная) П.М. Третьяковым. В ее создании участвовали ведущие мастера-передвижники — Крамской, Перов, Репин, Ярошенко, Серов и др. Модели, с пристрастием отобранные коллекционером для портретов, были, по словам Репина, «первыми лицами нации». Они могли занимать совершенно разные мировоззренческие позиции, однако было нечто, что их объединяло: служение обществу, защита униженных и обездоленных, отказ от собственного благополучия, взыскательность и требовательность к себе, подчас бескомпромиссность. Третьяков включил их портреты в один ряд «по плодам их», по делам, направленным на благо Отечества и культуры (В.Г.Перов. Портрет Ф.М.Достоевского, (1872); И.Н. Крамской. Портрет писателя Л.Н.Толстого, (1873). Особо выделяется портрет «без глаз» Л.Н. Толстого работы Н.Н. Ге (1884).

Портрет 1870–1890-х гг. по праву считается вершинным достижением этого жанра. Более того, именно в искусстве передвижников «портретная установка» обретает определяющую роль при решении сложной драматургии жанровых и исторических полотен. На выставках ТПХВ экспонировались портреты не только представителей демократической культуры, но и придворной аристократии (например, И.Е.Репин. Портрет великого князя Константина Константиновича, 1891).

Наибольшей популярностью у любителей искусства и коллекционеров пользовался пейзаж, характерной чертой которого на протяжении 1870–1890-х гг. был поиск национальной идентичности. Два главных пейзажиста — А.К. Саврасов и И.И. Шишкин, антиподы в русской пейзажной традиции, заявили о себе как серьезные мастера задолго до основания ТПХВ. Саврасов, представитель московской живописной школы, искал лирические состояния природы, предпочитая «изменчивую» раннюю весну или позднюю осень «устойчивому» лету. Шишкин, напротив, любил эпический размах и большие пространства, проявления полнокровности бытия. Для многих людей с творчеством именно этого художника связан идеал силы и красоты русской земли. Взгляд Шишкина на природу — взгляд научного ис-

следователя, отвечающего потребностям «позитивистского» века. Несмотря на использование естествоиспытательского метода при построении картинного образа, Шишкин подчеркивал «витальную энергию природы».

Незатейливый среднерусский ландшафт стал притягательным для А.К. Саврасова. Созерцая обыденное и неброское в родных пейзажах, художник обретал искомый идеал. «Грачи прилетели» (1871) — самое известное произведение мастера, воплотившее лучшие достижения лирико-поэтической линии передвижнического пейзажа. Рождая щемящее чувство, этот, на первый взгляд, простой мотив открывает тему созвучия природы душевному состоянию человека, являющегося неотъемлемой частью большого мира. Так происходило художественное постижение реальности земной жизни. Однако некоторые критики оценивали новации передвижников как «приземление» искусства.

А.К. Саврасов преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, в пейзажном классе. Своей тонкой живописью он одухотворял самые скромные и непритязательные мотивы. Его пейзажи неизменно воспринимаются через эмоциональный строй. В них человек всякий раз присутствует незримо. Более 10 лет преподавал в МУЖВЗ друг А.К. Саврасова, профессор В.Г. Перов, также воспитавший не одно поколение талантливых художников. Среди них — А.Е. Архипов, С.В. Иванов, Н.А. Касаткин, М.В. Нестеров, А.П. Рябушкин и др. Насыщая свои картины светом и разнообразными цветовыми нюансами, его ученики намечали одно из главных направлений в развитии русского искусства — путь от тональной живописи к пленэру, заложив прочную основу для последующего развития московской живописной традиции.

Петербургскую школу живописи представляет М.К. Клодт. В 1870–1880-е гг. он был тесно связан с Академией художеств (с 1871 г. преподавал в ней, а с 1873-го руководил пейзажным классом), что не помешало ему выступить на 1-й передвижной выставке с картиной «На пашне» (1872). Свежевспаханная земля на первом плане не противоречит общему впечатлению торжественности и величавости, благодаря разлитому в пространстве спокойствию и высокому голубому небу, занимающему большую часть полотна.

Примечательно, что картины ряда художников не замыкались исключительно на русских темах и мотивах. П. Брюллов и В. Поленов некоторое время жили в Европе: Брюллов в середине 1860-х учился в Школе изящных искусств в Париже; Поленов вместе с Репиным находился в пенсионерской поездке от Академии художеств в середине 1870-х, как раз, когда во Франции выступили импрессионисты.

Переписка многих русских художников сохранила их живой интерес к новаторству французских мастеров²⁴.

Со второй половины 1880-х гг. на арену вступило следующее поколение художников, призванное решать уже иные пластические задачи. Перед русским искусством открылись новые горизонты: возникла потребность в обогащении художественного языка и началось движение от социального и трезвого подхода к жизни к поискам «отрадного», к преобразованию видимого мира (В.А. Серов. «Девочка с персиками», 1887). В перспективе стояли задачи выхода к новым «рубежам» Серебряного века, к импрессионизму, символизму, модерну, к защите чистоты искусства, его самоценности. Этот путь занял несколько десятилетий, прежде чем русское искусство подошло к рождению новой реальности авангарда.

На рубеже 1880–1890-х современники уже констатировали ситуацию «распутья». Наиболее точно это выразила Е.Д. Поленова: «Вера в идеалы и вера в правоту своего дела слаба у нынешних художников... Ищем ощупью, врассыпную, всякий по-своему... тем не менее на это нельзя сетовать, это все-таки самый верный, хотя и очень тягостный способ искания»²⁵. А молодые художники, бывшие экспонентами ТПХВ, активизировались: они хотели участвовать в передвижных выставках, получить статус членов Товарищества, сами отбирать произведения и назначать цены на картины. В 1890 г. был утвержден новый устав ТПХВ, который отличался ужесточением некоторых позиций, прежде всего в отношении молодежи. Он противоречил изначальной демократичности принципов Товарищества и устанавливал «диктатуру» старейших членов. Протестуя против нововведений, из ТПХВ вышли И.Е. Репин и В.М. Васнецов, собрался покинуть объединение Н.Д. Кузнецов. «Тягостные и скорбные столкновения» среди передвижников, приводившие к ссорам и выходу из Товарищества, случались и ранее. Причины были различны: несогласие с действиями общества, дискуссии вокруг картин, требования выработки более широких критериев оценки... Уже тогда И.Н. Крамской писал о «коре рутины художественных вкусов» среди передвижников.

В 1891 г. 13 экспонентов отправили письмо в Товарищество об уравнивании в правах экспонентов и членов ТПХВ. Его подписали В.А. Серов, К.А. Коровин, А.Е. Архипов, С.В. Иванов, И.И. Левитан, Л.О. Пастернак и др. Общее собрание к письму отнеслось как к «не-

²⁴ Крамской И.Н. Письма. Статьи. Т. 1. С. 204. Однако влияния европейского плэнэра и импрессионизма, перенесенные на отечественное художественное поле, в 1870–1880-е гг. были не сразу восприняты общественностью, вызывали открытое эстетическое неприятие, а порой и отторжение.

²⁵ Сахарова Е.В. Василий Дмитриевич Поленов. Елена Дмитриевна Поленова: Хроника семьи художников. М., 1964. С. 476.

доразумению», молодых поддержали только Н.Н. Ге и В.Д. Поленов. Конфликт «отцов и детей» отражен в документах, письмах и воспоминаниях, с годами он только нарастал, обнаруживая косность структуры и консерватизм старейших членов ТПХВ. В качестве примера отношения старых передвижников к молодым можно привести следующий факт: картина С.А. Виноградова, изображающая деревенских баб, греющихся на солнце («Бабы (Подруги)», 1893) была написана для 21-й передвижной выставки, однако решением жюри ТПХВ она была отвергнута. Мягкая световоздушная атмосфера заливает все пространство полотна, человеческие фигуры отбрасывают цветные тени. Работу отличает гармоничное растворение человека в окружающем мире природы.

Одновременно начали происходить серьезные изменения в художественной жизни. С середины 1880-х становятся очевидны сдвиги в культурной политике императора Александра III. «Распространение искусства есть дело государственной важности», — заявил он в начале своего царствования²⁶. Царь интересуется происходящим на ниве искусства, собирает будущий Русский музей в Петербурге, широко поощряет передвижников приобретениями и заказами. В его действиях заметна очевидная тенденция на сближение Академии и Товарищества, вероятно, не без влияния А.П. Боголюбова, близкого императору²⁷. Результатом вмешательства государя в художественные дела стала подготовка академической реформы, принятой в 1893 г. согласно царскому указу. В реформированную Академию художеств вошли Репин, В. Маковский, Шишкин, Киселёв, Куинджи и др. Произошедшее вызвало долгие неутихающие споры и по существу углубило раскол в рядах Товарищества, «новоявленных» профессоров Академии упрекали в измене передвижническим идеалам.

Принято считать, что передвижники противостояли Академии. Это и так, и не так одновременно. Академия еще долгое время продолжала оставаться главным художественным учреждением страны, хранительницей традиций классической системы образования и профессионального мастерства. А взаимоотношения двух институций на протяжении нескольких десятилетий имели свою непростую историю, переживая периоды то явного сближения, то серьезных разногласий. Первые передвижные выставки проходили в залах Академии художеств, потом произошел разрыв по причине отказа Товарищества от слияния с академическими выставками. Передвиж-

²⁶ Прахов А.В. Александр III как деятель русского художественного просвещения // Художественные сокровища России: ежемесячный сборник, издаваемый Обществом поощрения художеств. СПб., 1903. № 4–8. С. 148.

²⁷ О слиянии Товарищества и Академии мечтали в разные годы Крамской, Репин, Боголюбов и др.

ники настаивали на своем завоевании — сохранении финансовой независимости. Тем не менее, на Всемирных, международных, все-российских выставках они вынуждены были экспонироваться вместе с художниками академического салонного направления. Последних больше привлекали античные, мифологические или исторические сюжеты, они отвергали эстетические установки передвижников, называя их «грязистами».

Всё сказанное не мешало многим живописцам получать звания от Академии, невзирая на членство в ТПВХ. В 1876 г. Академия создала Общество выставок художественных произведений (ОВХП), вступившее в конкуренцию с ТПВХ. Оно также устраивало передвижные выставки в столице и провинции, причем преимущественно в тех же городах (Петербурге, Одессе, Харькове, Киеве и др.), хотя уже в 1884 г. прекратило свое существование. Справедливости ради следует сказать, что некоторые передвижники порой обращались к приемам академического салонного искусства, «ласкающего глаз», в особенности в портрете. Иногда в качестве экспонента на передвижных появлялись художники академического толка (К. Маковский). Все это свидетельствует о сложности происходящих художественных процессов. В 1890-е гг., когда началось осмысление истории Товарищества и возник спор о том, каковы истоки передвижничества, Мясоедов решительно доказывал Стасову, взявшему на себя роль первого летописца ТПВХ, что передвижники «гораздо ближе к Академии, чем к Артели»²⁸.

Между тем искусство, которое рождалось молодым поколением живописцев, всё более уходило от повествовательности, занятое поиском созерцательного начала и выражением непосредственных чувств, индивидуального мировосприятия. Серов, Левитан, Коровин — первые среди представителей нового поколения художников — развивали традиции своих предшественников, изучали наследие европейской живописной школы. Их полотна не сразу встретили понимание среди старших передвижников, а их пластические поиски были восприняты в лучшем случае равнодушно, а то и негативно.

И.И. Левитан, утвердивший в русском искусстве пейзаж-настроение, все же тяготел к произведениям, так или иначе затрагивающим философскую бытийную проблематику, что связывало его в большей степени с передвижнической традицией. В это же время К.А. Коровин, друг и соученик Левитана по Московскому училищу, одним из первых начал осваивать путь легкого, звучного импрессионистического мировосприятия, лишённого драматического переживания. С конца 1880-х гг. он обрел живописную свободу и «случайность»

²⁸ ОР ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 1. Ед. хр. 398. Л. 12 об. — 13.

взгляда, освобождаясь от отягощавшей искусство картинности. Коровин — ученик Саврасова и Поленова, и от последнего к нему перешла любовь к этюду, в котором выражение жизни натуры в ее сиюминутном состоянии являлось основополагающей задачей. Отношение к этюду, рожденное в творчестве Коровина, заставило переосмыслить характер живописи. В дальнейшем такое пристрастие к этюдному творчеству станет одной из особенностей русского импрессионизма. Его работы казались настолько смелыми, что на выставки ТПХВ попадали лишь единичные полотна.

Со второй половины 1880-х гг. новые горизонты перед русским искусством открывает исполненное тихой созерцательности творчество В.А. Серова. Ученик Репина и Чистякова, он решительно настаивал на важности смены акцентов в отечественной живописи. Солнечный свет, радость, молодость, гармония, лиричность бытия, лишенного груза страданий и печали, стали на несколько десятилетий определяющими в русском искусстве. В этом состояла новизна художественной концепции Серова этого времени. Если сам художник от приемов пленэрной и импрессионистической живописи быстро перешел к поиску большого стиля в портрете, то современники продолжали разрабатывать открытые им приемы — свободу письма, безыскусность мотивов, интерес к индивидуальной интерпретации импрессионизма, поиски его национального варианта. На выставках ТПХВ Серов появлялся как экспонент крайне нерегулярно, показывая портреты, которые программно не противоречили строгой передвижнической атмосфере.

Уже с конца 1880-х гг. многие полотна живописцев следующего поколения утрачивают остроту обличения современных нравов. Каждый из них прошел свой путь — путь поиска выхода из реалистического мировосприятия через пленэр к импрессионизму и модерну. Некоторые из них покинули ТПХВ, но большинство выставлялись лишь в качестве экспонентов и не были допущены до членства. Настала пора, когда молодые новаторы перестали показывать свои картины у передвижников, предпочитая вступать в Союз Русских художников, Мир искусства и т.п....

* * *

«Эра передвижников» давно стала историей, хотя отзвуки той поры звучат сегодня и встречаются в несколько «перелицованном» виде, что свидетельствует о том, что настала пора поговорить о них снова, задать себе вопрос: чем является для нас искусство передвижников в нашем настоящем? Сохраняет ли их наследие свою значимость в культурной истории современного общества или оно безнадежно отошло в прошлое?

References

Benua A.N. *Istoriya russkoy zhivopisi v XIX veke* [The History of Russian Painting in the 19th Century]. Moscow: Respublika, 1995. 448 p.

Ekshtut S.A. *Shayka peredvizhnikov. Istoriya odnogo tvorcheskogo soyuza* [A Gang of the Wanderers. The Story of One Creative Union]. Moscow: Belyy gorod, 2008. 464 p.

Lapshin V.P. *Soyuz russkikh khudozhnikov* [The Union of Russian Artists]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1974. 420 p.

Prakhov A.V. *Aleksandr III kak deyatel' russkogo khudozhestvennogo prosveshcheniya* [Alexander III as a Figure of Russian Artistic Enlightenment] // *Khudozhestvennyye sokrovishcha Rossii: yezhemesyachnyy sbornik, izdavayemyy Obshchestvom pooshchreniya khudozhestv* [Artistic Treasures of Russia: A Monthly Collection Published by the Society for the Encouragement of Arts]. Saint Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, 1903. № 4–8. P. 121–229.

Sarab'yanov D.V. *Tvorchestvo N.N. Ge i razvitiye russkoy zhivopisi vtoroy poloviny XIX veka* [N.N. Ge's Works and the Development of Russian Painting in the Second Half of the 19th Century] // *Russkaya zhivopis'. Probuzhdeniye pamyati* [Russian Painting. Awakening Memory]. Moscow: Iskustvoznaniye, 1998. P. 176–185.

Shabanov A.E. *Peredvizhniki. Mezhdru kommercheskim tovarishchestvom i khudozhestvennym dvizheniyem* [The Wanderers. Between Commercial Partnership and Art Movement]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peteburge, 2015. 336 p.

Vereshchagina A.G. *Akademiya khudozhestv i Tovarishchestvo peredvizhnikov* [The Academy of Arts and the Society of the Wanderers] // *Russkoye iskusstvo Novogo vremeni. Issledovaniya i materialy: Sb. statey* [The Russian Art of the Modern Time. Research and Materials: Collected Articles] / Ed. by I.V. Ryazantsev. Is. 10: *Imperatorskaya Akademiya khudozhestv. Dela i lyudi* [The Imperial Academy of Arts. Activities and People]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2006. P. 216–228.

Yudenkova T.V. *Il'ya Repin: ot narodnicheskoy serii k revolyutsii 1917 goda* [Ilya Repin: From the Narodniks' Cycle to the 1917 Revolution] // *Russkoye iskusstvo. I. Norma i razryv* [Russian Art. I. Normalcy and the Gap] / Ed. by V.I. Sedov. Saint Petersburg: Aletea, 2019. P. 73–87.

Поступила в редакцию
16 июня 2020 г.

А.П. Салиенко*

**РОМАН А. БАРТЭНА «ТВОРЧЕСТВО» (1952)
КАК ПРИМЕР ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ
И ДОГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИСКУССТВУ**

A.P. Salienko

**A. BARTEN'S NOVEL TVORCHESTVO (CREATIVITY, 1952)
AS AN EXAMPLE OF IDEOLOGICAL MANIPULATION
AND DOGMATIC APPROACH TO THE ARTS**

Аннотация. Статья посвящена малоизвестному и давно забытому роману советского писателя А. Бартэна «Творчество» (1952). Специфика подхода в данном случае заключается не в литературоведческой интерпретации текста, а в попытке осмысления историком искусства литературного произведения, посвященного изобразительному искусству и художникам. Роман «Творчество» интересен тем, что не только представляет своеобразную летопись искусства эпохи соцреализма 1930-х гг. (действие романа происходит в 1935 г.), но является отражением времени, когда он был написан, — периода идеологических кампаний 1946–1953 гг. Слабое в художественном отношении произведение (очевидно, поэтому не привлекавшее внимания литературоведов), являясь типичным конъюнктурным продуктом эпохи, непосредственно и «плакатно» воплощает природу тоталитарной культуры. В статье рассмотрены отраженные в романе коллизии искусства 1930–1950-х гг. (борьба с «формализмом» и «натурализмом», «безыдейностью» и «аполитичностью»), созданные писателем образы художников и сложности их взаимоотношений («передовой художник», «чиновник от искусства», гений социалистического реализма Веденин, «реалист, да не тот» Симахин, бездарный копиист и ремесленник Никодим Никодимович, художник «от станка» Семен, «импрессионист-космополит» Ракиitin и, наконец, «формалист, приходящий к сознанию своего абсолютного творческого бессилия», Векслер), проблемы творчества («счастье быть в шеренгах» или «творческая свобода») и стремление к созданию «шедевра» в условиях «социалистического строительства». Обнаруживая неумение говорить об изобразительных средствах искусства, А. Бартэн наполняет

* Салиенко Александра Петровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Salienko Aleksandra Petrovna, PhD Candidate in Art History and Criticism, Associate Professor, Department of History of Russian Art, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-916-825-89-12; alsalienko@mail.ru

речь героев своего романа газетной лексикой, клишированными фразами и пропагандистскими штампами, кочующими из журнальной и газетной периодики в художественную литературу. В большей степени агитационно-административный, чем художественный, роман А. Бартэна, в сочетании с критической статьей Т. Головановой и Ю. Непринцева «Без знания жизни», является наглядным образцом идеологической демагогии, далекой от реальных проблем литературы и искусства, типичным примером манипулирования читателями, направленного на формирование извращенных художественных вкусов.

Ключевые слова: Александр Бартэн, образ художника в литературе, художественная жизнь 1930–1950-х гг., советское искусство 1930–1950-х гг., социалистический реализм, идеологические кампании 1946–1953 гг.

Abstract. The article discusses the little-known and long forgotten novel *Tvorchestvo* (Creativity, 1952) by the Soviet writer A. Barten. It is not an attempt at literary interpretation of the text, but rather the art historian's analysis of a literary work dedicated to the fine arts and artists. The novel *Tvorchestvo* chronicles the art life in the era of socialist realism in the 1930s as the novel takes place in 1935, and reflects the spirit of the time when it was written — the period of ideological campaigns in 1946–1953. The artistically weak work did not attract the attention of literary critics, since it is a typical product of that time, direct and “poster-like” embodiment of the nature of totalitarian culture. The article examines collisions of art in the 1930s–1950s revealed in the novel: the fight against “formalism” and “naturalism”, against “bezydeynost” (idealessness) and “apolitichnost” (apoliticality). It analyses the characters of artists and complexity of their relationships (an “advanced” artist, an art bureaucrat, the genius of socialist realism Vedenin, “not that” realist artist Simakhin, incompetent copyist and artisan Nikodim Nikodimovich, artist “from the machine tool” Semyon, “impressionist-cosmopolitan” Rakitin and, finally, “formalist, who comes to the consciousness of his absolute creative impotence”, Veksler), problems of creativity (“delight to be in ranks” or creative freedom) and craving for producing a “masterpiece” in the conditions of “socialist building”. A. Barten displays his inability to talk about visual means of art and lards the characters' speech with newspaper words, clichéd phrases and propaganda clichés that migrate from magazines and newspapers to fiction. The novel by A. Barten, an agitational and administrative work rather than a fictional one, in combination with a critical article by T. Golovanova and Yu. Neprintsev “Without knowledge of life” is an obvious piece of ideological demagoguery, far from the real problems of literature and art; it is a typical example of manipulating readers, implanting perverted artistic tastes.

Keywords: Aleksandr Barten, an image of the artist in literature, artistic life in the 1930s–1950s, Soviet art in the 1930s–1950s, socialist realism, ideological campaigns of 1946–1953.

* * *

Действие созданного в 1947–1952 гг. романа Александра Александровича Бартэна (1908–1990) «Творчество» происходит в 1935 г. Настоящим или придуманным поводом для его написания стало

датированное августом 1935 г. открытое письмо инженеров Сталинградского тракторного завода им. Ф. Дзержинского, обратившихся к советским художникам с призывом, вынесенным в эпиграф романа: «Мы ждем от вас больших полотен. Мы хотим, чтобы они не были простыми фотографиями. Мы хотим, чтобы в них была вложена страсть. Мы хотим, чтобы они волновали нас и детей наших. Мы хотим, чтобы они вселяли в нас радость борьбы и жажду новых побед. Мы хотим, чтобы они открыли новое лицо нашей страны, преобразенное тяжелой индустрией. Мы хотим, чтобы они показали наши края и республики, где царили раньше глушь и невежество и где сейчас цветет радость творческого труда. Мы хотим, чтобы вы показали людей нашей страны — героев и рядовых участников нашей стройки».

Название романа «Творчество» многозначно: в центре внимания писателя — такой специфический и не во всем подвластный контролю со стороны разума процесс, как творчество художника, а также изображение художественной действительности середины 1930-х гг. в «свете поставленных партией задач» и «великих преобразований». Учитывая годы написания романа, не вызывает удивления восторженная патетика А. Бартэна («Летел над советской землей дерзновенный и радостный, не желающий знать никаких преград девятьсот тридцать пятый год!»), с которой он предается славословиям в адрес вождей и восхвалению счастливых будней рядовых тружеников, сознательно игнорируя историческую реальность. Изданный в 1952 г., насчитывающий 570 страниц, роман «Творчество» представляет собой сводную летопись искусства эпохи соцреализма, являясь типичным конъюнктурным произведением, включающим в себя все необходимые компоненты: превознесение власти и народа, патриотические призывы и социалистические лозунги, нравоучительные наставления, разоблачение инакомыслящих и веру в «светлое будущее».

Появление книги А. Бартэна, очевидно, обусловлено идеологическими кампаниями 1946–1953 гг. (роман был сдан в издательство «Советский писатель» в марте 1950 г., а потом дважды подверглся доработке), затронувшими все сферы советской жизни, включая изобразительное искусство. К принявшим в них участие искусствоведам и художникам присоединяются писатели, выступающие в роли пристрастных критиков, освещающих важные события художественной жизни страны. Так, выдержанные в рамках официальной идеологии тех лет, критические статьи Бориса Лавренева направлены на воспевание метода социалистического реализма как генеральной линии советской художественной культуры. В статье, посвященной открытию Всесоюзной художественной выставки 1950 г., Б. Лавренев с упоением

цитирует «Правду»: «Воодушевляемый идеями коммунизма, советский художник в своих произведениях стремится правдиво отобразить социалистическую действительность, раскрыть идейный смысл событий и работы людей сталинской эпохи. Его жизнеутверждающее творчество развивается и крепнет в борьбе с формализмом и натурализмом, в борьбе с безыдейностью и аполитичностью»¹. Дискуссии 1930-х гг. о соотношении реализма и натурализма в художественной среде были продолжены во второй половине 1940-х. Выступая против «эпигонского, слепого натурализма, который кое-кому из ахрровцев² представлялся почти что генеральной творческой линией», через центрального персонажа своего романа Бартэн выражает позицию теоретиков и критиков тех лет, своей главной задачей считавших борьбу против натурализма и модернизма в искусстве.

Давно забытый, скучный и слабый в художественном отношении роман утратил свою актуальность сразу после выхода в свет, оставшись для будущих поколений лишь образцом ничем не прикрытого сервиллизма и стремления сделать «большую карьеру» любой ценой. Историк искусства прочтет его лишь для того, «чтобы понять природу тоталитарной культуры», для чего необходимо «посмотреть на созданное ею ее глазами»³, не игнорируя в том числе и роман А. Бартэна, читать который без специального интереса теперь едва ли возможно.

Проблемы искусства 1930-х — 1950-х гг. и их отражение в романе

Если в советской литературе 1920-х гг. уделялось внимание политическим и социальным конфликтам, то в 1930-е — начале 1950-х гг. ведущей темой литературы и искусства становится тема социалистического строительства, интерес для авторов представляют в основном конфликты, возникающие на основе «трудовых процессов». Взлелеянной романтиками теме «героя и толпы», которая еще затрагивалась в 1920-е гг., теперь противопоставляется тема коллектива. Понятно, что художник с прочно закрепившейся репутацией «безумного мечтателя» или «паяца мечты», не являлся тем героем, который мог бы представлять интерес в литературе 1930-х — начала 1950-х, одним из лозунгов которой был «Ударники — в литературу». Особенность, если не сказать уникальность романа Бартэна в том, что он единственный в границах обозначенной хронологии посвя-

¹ Лавренев Б.А. Идеичность и мастерство. Художественная выставка 1950 г. (Москва) // Огонек. 1951. № 3. С. 2

² АХРР — Ассоциация художников революционной России, с 1928 г. АХР — Ассоциация художников революции (1922–1932).

³ Голомшток И.Н. Тоталитарное искусство. М., 1994. С. 201.

щен изобразительному искусству, его главными героями становятся художники, и это не может не привлечь наше внимание. Надо полагать, обращение писателя к проблемам искусства и художника объясняется его искусствоведческим образованием (в 1929 г. Бартэн окончил Театроведческое отделение Высших курсов искусствоведения при Институте истории искусства в Ленинграде), «Творчество» стало его первым опытом как романиста.

Драматург и режиссер, автор эстрадных скетчей, поднимая важные для жизни изобразительного искусства первой половины 1930-х гг. проблемы, А. Бартэн сталкивается с непреодолимыми трудностями в их осмыслении, ограничиваясь готовыми клише, что было очевидно даже современникам и критикам его «Творчества». Критическая литература о романе немногочисленна и сводится лишь к нескольким статьям, опубликованным в периодической печати, причем соавтором самой реакционной является лауреат Сталинской премии художник Юрий Непринцев. В то время как литературоведы справедливо отмечали профессиональную и творческую неудачу писателя, важнейшим недостатком романа называли его схематизм и верно упрекали автора в том, что в его книге «упрощенно отражается реальная действительность»⁴, ангажированные критики обвиняли его в «идейно-теоретической незрелости»⁵.

В августе 1934 г. состоялся Первый съезд советских писателей, совершивший переворот в советской культуре и определивший сценарий ее дальнейшего развития. Сопоставляя Первый и Второй (1954) съезды писателей, В. Каверин отмечал, что «на Первом ... (при всех отклонениях) речь шла все-таки о “собственно литературе”, а на Втором — о ее вторичном, агитационно-административном существовании»⁶. Как известно, многие талантливые произведения искусства и литературы 1930-х — начала 1950-х гг. существовали вне художественного и литературного процессов, обнаруживая себя лишь за пределами официальной художественной жизни. Принадлежность Бартэна официальной литературной элите обусловила его позиция категорического неприятия любых проявлений творческой свободы. Убежденно разделяя господствующее мировоззрение, главный герой романа «Творчество» Веденин с программным пафосом критикует «натюрморты» и «нейтральные пейзажики», с пренебрежением говорит о всех новаторских начинаниях современных ему художников. Рассуждая о методе социалистического реализма, по-

⁴ Галанов Б. Два романа о творчестве // Знамя. 1953. № 10. С. 184–188.

⁵ Голованова Т., Непринцев Ю. Без знания жизни // Пропагандист. 1953. № 5. С. 75.

⁶ Каверин В.А. Эпилог. М., 1989. С. 324.

ставившего во главу угла принципы «идейности, партийности и народности», А. Бартэн придерживается правительственной позиции, поддерживая тезис А. Жданова — «видеть жизнь в революционном развитии»: «Иные пытаются представить дело так, будто наш метод подменяет реальную жизнь утопическим изображением будущей жизни», но «Как может наш художник стать утопистом, если наше завтра зреет в сегодняшнем дне ...?», «... цель, которую поставил перед собой наш народ, коммунистическое наше завтра — разве эта цель не высшая определенность, ведущая каждого...?».

Рассуждая об изобразительном искусстве, писатели А. Бартэн и Б. Лавренев, как и большинство литературных и художественных критиков тех лет, руководствуются готовыми идеологическими клише. Нетрудно заметить, что набор штампов кочует из газетной и журнальной периодики в художественную литературу. Не чуждый проблем искусства и советской художественной жизни, Б. Лавренев делится с читателями журнала «Огонек» своими впечатлениями о Всесоюзной художественной выставке 1950 г., открывшейся в Третьяковской галерее: «По значительности темы и по живописному мастерству на первое место следует поставить работу бригады художников во главе с народным художником СССР Б. Иогансоном... “Выступление В.И. Ленина на III Съезде комсомола”». Серьезной удачей писатель считает также работу В. Серова «Ходоки у В.И. Ленина»: «впечатляющее жизненной правдой и блестящей техникой письма... это маленькое полотно вызывает живое волнение и может быть поставлено в один ряд с работами лучших мастеров живописи». Поразила литератора и картина Л. Шиповского «Выступление А.А. Жданова на совещании деятелей советской музыки»: «полотно пленяет хорошо переданным обликом А.А. Жданова, в котором есть прекрасная светлая озаренность мыслью, внутреннее горение человека, глубоко любящего и понимающего искусство, с огромной убедительностью передающего свою большую мысль слушателям»⁷. Понятно, что названные полотна, восхитившие Б. Лавренева (а ведь писатель разбирался в искусстве), неравнозначны, а картина Шиповского едва ли вообще имеет художественную ценность. Любование образом партийного идеолога объясняется отнюдь не искусностью мастера. После скандального доклада 1946 г. А. Бартэн на страницах своего романа с той же льстивой угодливостью говорит о Жданове, как о «человеке с удивительно спокойной, простой манерой держаться. И с такой заразительной улыбкой, — невольно хотелось дружески улыбнуться в ответ...».

⁷ Лавренев Б.А. Указ. соч. С. 2.

Проблемы творчества и образ художника

Вероятно, А. Бартэн был знаком и с повестью Б. Лавренева «Гравюра на дереве» (1928), и с романом В. Каверина «Художник неизвестен» (1931)⁸ — произведениями, в свое время вызвавшими широкую полемику в среде литераторов и критиков, а надо сказать, что об изобразительном искусстве и художниках написано было мало. Не случайно центральный персонаж романа Бартэна принимает эстафету от главного героя повести Б. Лавренева «Гравюра на дереве» Федора Кудрина. Веденин, как и Кудрин, некоторое время жил и учился в Париже, где «в пику зыбким, подсознательным ощущениям» создал «полотно», на котором изобразил «голодных детей предместья, копошащихся на городской свалке». Потом боролся с «левыми» художниками (футуристами и конструктивистами), а также «с различными обществами» («Бытие», «Круг художников», «Цех живописцев»), считая, что «они не смотрели вперед, вчерашний день тяготел над ними»⁹. Размышляющий о месте художника в общественной жизни, лавреневский Кудрин пришел к выводу, что «партийная работа художника в его полотнах». Бартэновский Веденин убежден, что «жизнь требует, чтобы художник... занял место в боевой разведке, а не в обозе». О том же писал И. Эренбург (что выявляет тенденцию): «Место писателя не в обозе, он похож скорее на разведчика, чем на штабного писаря. Он не переписывает, он излагает, он открывает»¹⁰. Задачи, поставленные перед художником в открытом письме инженеров тракторного завода, сформулированы в восклицании одного из героев романа «Творчество», искусствоведа Бугрова: «Трудно стать инженером человеческой души»¹¹... но есть ли для художника большее счастье».

В прозе 1930-х — начала 1950-х гг. фигурирует новый герой как литературный тип — некий «проработчик», носитель главных, «правильных» идей. Поэтому, несмотря на большое количество действующих лиц в романе А. Бартэна, психологическими чертами

⁸ Подробно об этом см.: Салиенко А. Образ художника в прозе 1920-х годов. «Гравюра на дереве» Б. Лавренева (1928) и «Художник неизвестен» В. Каверина (1931) // Артикульт. 2019. № 2. С. 108–118.

⁹ В упомянутые Бартэном «Бытие» и «Цех живописцев» входили молодые художники, наследующие традиции «московской школы живописи», заложенные мастерами «Бубнового Валета» (их учителя — П. Кончаловский, И. Машков, А. Шевченко). Ленинградское объединение молодежи «Круг художников» сочетало приверженность традициям ленинградской школы (среди «круговцев» — ученики К. Малевича, К. Петрова-Водкина, П. Филонова) с устремленностью к «новому стилю эпохи».

¹⁰ Эренбург И.Г. О работе писателя // Знамя. 1953. № 10. С. 181.

¹¹ После произнесения И. Сталиным выражения «инженеры человеческих душ» оно обрело почти сакральное значение

наделен лишь главный герой — Веденин. Творческий напор Веденина направлен на утверждение идеалов и норм, внушаемых средой. «Говорящая» фамилия центрального персонажа определяет его основную функцию — вести за собой: «По широкому большому пути ведет нас Коммунистическая партия. Этот путь, озаренный ленинским светом, прекрасен в своей прямоте. Счастье быть в шеренгах идущих по этой великой дороге. И нет предела расцвету искусства, рассказывающему о людях, которые проложили эту дорогу и идут по ней в светлое будущее»¹².

Судьба Веденина складывалась успешно и гладко: «В обществе живописцев занимал ведущее положение»; ощущая «потребность жить интересами сегодняшнего дня», «Веденин перешел в ряды АХРР — и там незыблемым авторитетом пользовался... теперь ... Член правления Союза... Каждая новая работа встречается с одобрением, а некоторые... почитаются уже почти за классику», благодаря тому, что он «всегда отстаивает один и тот же тезис — что художник обязан ощущать себя работником жизни, что самый труд художника должен быть жизненным поступком, деянием, вмешательством в жизнь». Состоявшийся художник, Веденин искренне считает, что его «кисть принадлежит новым, законным хозяевам жизни» и смиренно ставит себя в положение, зависимое от них. Его кисти принадлежат картины «Первый выход комбайна», «На ударной стройке», «Лесорубы соревнуются», он свято верит, что «... цель, которую поставил перед собой наш народ, коммунистическое наше завтра — ... эта цель ... высшая определенность, ведущая каждого».

Кроме главного героя, Веденина, в романе А. Бартэна фигурируют другие художники, отчетливо делящиеся на «положительных» и «отрицательных» персонажей и вместе составляющие целую галерею образов. Андрей Симахин — «реалист, да не тот» — под влиянием центрального персонажа перестроится и прозреет. Никодим Николаевич — помощник Веденина и преданный почитатель его таланта — «стал неплохим исполнителем: грамотно копировал, знал рецептуру красок, способы грунтовки... Но и только». Тем не менее «... упорное трудолюбие, безупречное старание не могли заменить талант»; сыграв свою роль агрессивной бездарности, он, наконец, находит собственное призвание, преподавая в детском кружке. Семен — «молодой рабочий», для которого «рисунки неотделимы ... от работы на станке» — идеальный вариант художника будущего — достойный герой: настоящий ударник — бодрый, крепкий физически, лишенный всяких предрассудков, с надеждой и оптимизмом устремляющий свой взгляд в «счастливое завтра». Кроме того, Семен — не-

¹² Бартэн А.А. Народ и творчество // Советская культура. 1956. №131. С. 1.

паханая целина, обучить его берется сам Веденин, внося свой вклад в воспитание «молодой смены». Некий Ракитин, по определению критиков «импрессионист-космополит», или «замаскировавшийся формалист», который подстраивается под бег времени, халтурит на потребу дня, однако, в финале терпит фиаско: созерцая гениальное творение Веденина, признаёт его справедливость, несмотря на то, что сам, благодаря ему, не допущен к участию во Всесоюзной выставке. И, наконец, бывший авангардист Петр Аркадьевич Векслер, агонизирующий на протяжении всего романа и поверженный в самом финале, стал наиболее ярким антагонистом главного героя книги, в которой четко выделяются два противоположных полюса: на положительном находится «передовой художник» Веденин, на отрицательном — формалист Векслер, «сам приходящий к сознанию своего абсолютного творческого бессилия».

Используя доступную пониманию массового читателя примитивную символику, Бартэн делает расчет на элементарное впечатление: в то время как Веденин создал портрет молодой работницы — образ нового советского человека, Векслер, подобно лавреневскому Шамурину («Гравюра на дереве»), пытался изобразить болезненную девочку («Человек растворяется в безбрежности, а краски и свет продолжают бессмертную игру»), которой, однако, «врачи правильно поставили диагноз», и в результате она выздоровела, не дав художнику дописать портрет: картина не удалась. Остальные действующие лица занимают скорее пограничные, чем нейтральные позиции. Условно их можно разделить на две основные группы: «начальство» и «народ» — и те, и другие выполняют руководящие роли по отношению к художнику — помогают ему поучениями и наставлениями.

Особое внимание уделяется в романе речевому поведению героев: все они театрально жестикулируют и декламируют, пребывая на грани вдохновенного экстаза и одержимости. Немецкий культуролог Э. Кассирер, вскрывая основные механизмы техники политических мифов, указывает на то, что первым шагом было изменение языка: «Весь упор теперь перешел на эмоциональную функцию языка; слово описательное и логическое было превращено в слово магическое»¹³. Работа И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», вторгаясь в семантику русского языка, претендовала на создание совершенно нового филологического явления. «Будущим историкам искусства придется научиться распознавать эти словесные аберрации, эти пересаженные лозунги и игрушечные мысли», — писала Л. Гинзбург¹⁴. Бартэновский Веденин произносит взволнованные речи, не обладая

¹³ Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. 1993. № 7. С. 158.

¹⁴ Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. Ленинград, 1989. С. 109.

при этом даром «красноречивого прорабатывания» (пользуясь метким выражением той же Л. Гинзбург): как и лавреневский Кудрин, герой Бартэна не отличается выразительностью языка, его речь изобилует газетной лексикой, клишированными фразами и готовыми пропагандистскими штампами. Именно поэтому доводы Веденина, хотя и не лишённые эмоциональной горячности (на что указывает, в частности, обилие в тексте восклицательных знаков), кажутся не такими убедительными, как хотелось бы автору романа. Должно быть, против воли писателя гораздо выразительнее и доказательнее «звучат» главные оппоненты центрального персонажа — Векслер и Ракитин, с их куда более правдоподобными и живыми репликами.

В то же время отрицательные персонажи в книге Бартэна напоминают «опереточных злодеев», традиционно вызывающих брезгливость и отвращение, причем писатель не скупится на изобразительные средства: Векслер — «обрюзглый, задыхающийся толстяк», с «озлобленным, вражеским лицом» (надо полагать, фамилия Векслер дана писателем отрицательному персонажу «с вражеским лицом» в разгар борьбы с космополитизмом не случайно). Точнее, «это было лишь физическое подобие лица — маска, лишённая и мысли, и волнения. У этой маски были пустые глаза, губы, готовые сложиться в протяжную зевоту». Произносятся «фальшивые, наигранные речи», он «обдаёт Веденина... свистящим дыханием». Улыбку Ракитина портили «маленькие, острые зубы». Разумеется, такие бутафорские страшили выглядели смешно и нелепо. Неудивительно, что критики обвинили А. Бартэна в том, что он «не справился и с отрицательными образами художников-формалистов»¹⁵. Литературовед Б. Галанов проницательно отметил, что «с помощью приемов, идущих от литературной схемы, писатель стремился восполнить недостатки своих героев. Но следование литературным штампам ещё никогда не способствовало успеху произведения»¹⁶.

Принципиальное значение в романе имеет сцена объяснения и ссоры Веденина и Векслера — людей одного поколения, состоявших когда-то в дружбе, но теперь имеющих разные судьбы, социальный статус и творческие устремления. Идеалист Векслер «верует» в «живопись, которая не знает слова “зачем”, которую никто не смеет спросить “почему”... Она приходит и всё вбирает в себя, растворяет в себе художника... и тогда он творит, забыв обо всем, забыв о себе, зная не желая о тех, кто увидит его творение!». «Проклятая жизнь! — негодует Векслер, — ... Грубыми лапами вмешивается в творчество. Заставляет художника рассчитывать, калькулировать, угождать...»,

¹⁵ Голованова Т., Непринцев Ю. Указ. соч. С. 73.

¹⁶ Галанов Б. Указ. соч. С. 185.

тогда как «Искусство... Оно безбрежность, поток, а вам бы его запрягать в канал, пропускать сквозь шлюзы!.. Сегодня терпят хоть жалкое подобие искусства, а завтра и оно будет растоптано солдатскими сапогами». Защищая «то искусство, которое они втихомолку протаскивают как тайный грех», Векслер страдает от того, что «Веденин продолжает растлевать искусство...»: «Кончился Константин Веденин, с которым мы делили молодость, остался лишь тов. Веденин, чиновник от искусства». Веденин, в свою очередь, выступает за искусство, которое «участвует в битвах на правах оружия». Для него Векслер — «ископаемое существо». «Я сделаю все, что могу, чтобы ты и тебе подобные не отравляли живых своим гниением», — обещает он бывшему другу.

«Замаскировавшийся формалист» Ракитин выдвигает идею «творческой свободы» и восприимчивости «всего накопленного в искусстве»: «Какое имеете право требовать, чтобы я, как живописец, видел окружающее такими же глазами, как и вы?». «Жизнь! ... в советских условиях она диктует определенную тематику, обуславливает направленность содержания... но кто может мне помешать пользоваться теми изобразительными средствами, которые мне близки?». Давно привыкший распознавать между строк «подводные течения», читатель уже готов видеть в книге А. Бартэна не льстивую угодливость, а отважную борьбу. Но надежды исчезают, едва успев появиться: писатель сокрушает их своим «каменным словом». Аргументы, выдвигаемые Ведениным против Ракитина, выдержаны в духе газетной и журнальной критики тех лет. Кроме «холодного равнодушия к теме», Веденин упрекает коллегу в том, что его занимает «эстетское любование формой», «холодный изыск» и «самоцельная игра светотени». Ракитин считает, что «нельзя творить, не ощущая глубокого единства формы и того содержания, которое она должна воплотить». Не в силах что-либо возразить, Веденин в традициях полемики тех лет использует демагогический прием: «истинная творческая свобода» приходит к живописцу, когда он «черпает образы, формы, краски в самой жизни».

В своей статье, посвященной творчеству Василия Яковлева, Б. Лавренев осуждает «приверженцев живописного распада» за «грязную и зачастую полуграмотную мазню, разведенную в годы реакции “Бубновыми валетами”, “Голубыми розами” и прочими декадентами от живописи, пытавшимися сохранить господствующие позиции в нашем искусстве и после Октября»¹⁷. Создавая образ Ракитина, А. Бартэн так характеризует его творческий путь: Ракитин получил известность в последние предреволюционные годы, первые

¹⁷ Лавренев Б.А. В. Яковлев // Огонек. 1948. № 27. С. 27.

его полотна появились на выставке «Аполлона». Однако в картинах «импрессиониста» Ракитина и после Октября «проступали иногда черты эстетской живописи... Критика замечала это, но проявляла снисходительность: художник находится на трудном пути пересмысления своего творчества, следует поддержать стремление к новой, советской тематике».

Веденин солидарен с другим романным персонажем — художественным критиком Бугровым, статья которого поразила его: «Рассматривая творчество ряда художников, отмечая их пагубную приверженность новейшей французской живописной школе, автор статьи резко ставил вопрос о несовместимости советской живописи с формалистическими тенденциями, идейной опустошенностью импрессионизма». С точки зрения Веденина, Бугров «весьма доказательно вскрывает реакционную сущность декадентства», «его перо ... направлено против тех, кто все еще тяготел к эстетским позициям “Мира искусства”, “Аполлона”, “Бубнового валета”, прочих дореволюционных художественных объединений».

Смело, но безуспешно А. Бартэн берется за разрешение таких сложных проблем, как влияние импрессионизма и «формализма» на развитие советской живописи, его рассуждения зачастую сводятся к банальным разоблачениям, аккомпанементом к которым отчетливо слышится стук кулака: «Есть еще живописцы, для которых отвлеченный этюд дороже тематической картины, которые все еще рассматривают советскую тему как нечто чужеродное, заданное извне».

Призывая к повышению созидательной активности художника, Веденин в то же время отрицает роль творческих дискуссий. Для него больше не существует вопроса, который мучил лавреневского Федора Кудрина: «Дурак или враг?». Споры Веденина с коллегами сводятся к угрозе: «стены станут тесными, тогда вам придется уйти. Не только из Союза — из искусства», хотя история показала, что «уходили» не только из искусства — из жизни. Уверенный в своей правоте, А. Бартэн открыто демонстрирует механизмы расправы с «неудобными». О таких «ведениных» писал в воспоминаниях художник А.А. Лабас: «...они цепки, и, главное, во все времена они спекулировали на политике, демагогически, грубо-изощренно обвиняли, стараясь унижить художника»¹⁸.

Создавая образ Векслера как квинтэссенцию творчества художников, отвечавших за судьбу авангарда в России¹⁹, А. Бартэн отчасти

¹⁸ Лабас А.А. Из воспоминаний // Творчество. 1990. № 4. С. 18.

¹⁹ Не имея никаких доказательств, мы можем только предположить, что Петр Аркадьевич Векслер стал собирательным образом, у которого есть прототипы — братья Михаил Соломонович (Монаш Шлёмович) и Абрам Соломонович (Абрам Шлёмович) Векслеры, в свое время учившиеся в Витебском художественно-прак-

дает ответ на вопрос, что стало бы с каверинским Архимедовым («Художник неизвестен») в 1930-е гг. На «выставке левых течений искусства» 1923 г. (вероятно, речь идет о «Выставке картин петроградских художников всех направлений. 1918–1923») Векслер, наряду с соратниками — супрематистами, «орфеистами» (Бартэн искажает слово «орфисты») и другими новаторами, возмущившими Веденина, выставлял свое полотно «Вселенская буря»: «огромный холст, испещренный рыжими и багровыми мазками. К плоскости этого холста были прикреплены ножка венского стула, велосипедное колесо, куски изогнутой жести» (обращение к футуристическим выставкам 1915 г. «Трамвай В» и «0.10», «Велосипедное колесо» — к Марселю Дюшану). Предполагая косвенные ассоциации, напомним, что эпиграфом к эпилогу романа В. Каверина «Художник неизвестен» служила цитата из В. Хлебникова: «Это сквозь живопись прошла буря»²⁰.

Сущность борьбы с «формализмом» отражает припадок еще одного героя романа — Никодима Николаевича, посетившего выставку «работников левого фронта»: «Прекратите!.. Прекратите издевательство!..», — кричал он. «Два распорядителя подхватили его под руки... Никодим Николаевич (волосы растрепались, галстук съехал на бок) почти висел на руках сумрачно-деловитых распорядителей», продолжая всхлипывать: «Как они смеют!.. Как смеют!.. Ведь еще жив Репин!». Читателю непросто согласиться с тем, что перед ним не комический герой эстрадного скетча, шарж на художника-неврастеника, а образ истинного борца за подлинное, реалистическое искусство. Веденин «тростью начертил на песке размашистое “Правильно!” и с удовлетворением отметил: “Хорошо помянул он Илью Ефимовича”».

Илья Ефимович помянут не случайно, хотя и не для 1923 г.: в середине 1930-х гг. советская культура вновь обратилась к классике, авторитет которой был объявлен непоколебимым. В 1936 г. в Государственной Третьяковской галерее состоялась масштабная выставка Репина, творчество которого использовалось, как «могучее средство поднятия культуры трудящихся и орудие борьбы за социалистический реализм в изобразительном искусстве»²¹. Возвращение к традиции сопровождалось очередным поворотом к реализму и по-

тический институте (1918–1922), испытывавшие влияние М. Шагала и К. Малевича, входившие в группу УНОВИС («Утвердители нового искусства»). В 1922 г. вместе с Малевичем и его учениками переехали в Петроград, учились в петроградском-ленинградском ВХУТЕМАСе. Жили и работали в Ленинграде, как и А. Бартэн. Однако в упомянутой далее «Выставке картин петроградских художников всех направлений. 1918–1923» братья Векслеры не участвовали.

²⁰ Хлебников В. Закон множеств царил... 1916. 1921.

²¹ Каталог выставки произведений И.Е. Репина. Государственная Третьяковская галерея / Сост.: О. А. Ляковская и др. М., 1936. С. 21.

следующим искоренением альтернативной художественной формы в литературе и искусстве. Если авангард вступал в борьбу с традицией, рождая и закрепляя свои «стереотипы отрицания», то соцреализм, вступая в борьбу с авангардом, категорически не желал спорить, безапелляционно отвергая его право на существование, создавая свои «методы подавления». Полемический пафос критиков, лишенный живой интонации, агрессивное неприятие всего «непонятного», неумение говорить об изобразительных средствах и творчестве художника вызывают у читателя чувство неудовлетворенности и раздражения. Разговор о «формалистическом» искусстве в романе сводится к примитивному отрицанию: «Смотри, не смотри — толк один», — проворчала «сторожиха в углу», выражая отношение к авангардному искусству как самого автора романа, так и широкого круга зрителей. «Экие разбойники», — сокрушается Веденин, — «бесноватые», «этих искусных фокусников гнать надо помелом». Нина Павловна «издала приглушенный стон». «Ну, ну, потерпи немало», — утешает жену Веденин.

Поиски «калибра» и создание шедевра

Обвиняя А. Бартэна в том, что он не сумел «жизненно правдиво показать борьбу передовых советских художников за социалистический реализм», критики отмечали, что «в описываемый автором период борьба с формализмом, как идеалистическим течением в искусстве, приобрела особое значение. Формалисты не желали сдавать своих позиций, всячески пытались разложить творческие союзы писателей, художников, композиторов, опорочить реалистическое искусство. В 1936 году газета “Правда” выступила с рядом статей, разоблачавших подрывную, антинародную деятельность формалистов. Статьи “Правды” оказали большую помощь работникам советского искусства в борьбе с этим реакционным течением. Борьба с пережитками формализма в искусстве, в т.ч. и в живописи, продолжается и в наши дни. Но Бартэн, игнорируя жизненную правду, решения ЦК нашей партии и выступления партийной печати, проявляет идейную слепоту, изображая представителей реакционного искусства уже в 1935 году бессильными, ушедшими от активной борьбы. Этим он искажает историческую действительность, приглушает политическую бдительность советских людей»²². В романе Бартэна «подрывник-формалист» Векслер, «почитавшийся жрецом живописности, искусства, поднятого над прозаической жизнью», закончил службой в «ОСВОДе» (Общество содействия спасению на водах) — «... но что же делать, — рассуждает он, — нет у меня

²² Голованова Т., Непринцев Ю. Указ. соч. С. 74.

соответствующего дыхания...». «Соответствующее дыхание» есть у Веденина, иступленно возглашающего: «Каким же оружием, раз-ящим врагов, должен стать сегодня труд художника!». Его обуревают подобающие художнику муки творчества, вместе с тем, он ищет свое место в жизни социума: «Ну а наш труд, наше творчество — где, в чем его мерило?», — спрашивает себя Веденин, огорченный тем, что в условиях «социалистического строительства» токарю повезло гораздо больше, чем художнику, так как он «может проверить свою работу по калибру».

Как и лавреневский Кудрин («Гравюра на дереве»), призывавший художника «каждый штрих, каждый замысел» выносить на проверку народа, творить с ним вместе, Веденин придает «контролю масс» первостепенное значение: мнение зрителя способно не только повлиять на его работу, но и в корне изменить его художественный замысел. «Обманул меня художник, — жалуется партийный работник Рогов, — ... ничего мне художник не дает, меня самого повторяет», так как «столько же видит, сколько и я», или еще хуже — «меньше меня и видит, и знает. И чувствует меньше». Убедительным подтверждением творческой удачи Веденина является реакция матери, рыдающей у его картины в Государственной Третьяковской галерее, на которой изображен боец, умирающий на руках товарищей: «Алешенька!.. Сыночек! Родимый сыночек!».

Предположим, полотно, приписываемое А. Бартэном своему любимому герою, —вольная интерпретация картины К. Петрова-Водкина «Смерть комиссара» (1928, Государственный Русский музей), наводящей на иные размышления: стоила ли подобная жертва той «великой идеи», во имя осуществления которой она была принесена, и что есть общее дело в сравнении с личной трагедией. Однако героическая эпоха выдвигала тезис: человек не может умереть, если жизнь его вошла в бессмертное дело. Охваченный патриотическим пафосом Рогов ликует: «В той картине вам удалось воспеть человека, отдавшего личную жизнь за огромную жизнь народа. Теперь же задача еще прекраснее. Вы создадите картину о человеке, который рожден огромной жизнью победившего народа».

«Калибр» найден: «Человек. Наш человек. Всё от него, и всё для него!..» («Советский человек! Поистине гигантская тема!», — не раз провозглашает А. Бартэн, уточняя, что речь идет о человеке с «советским характером», «собственным, советским взглядом на жизнь»). «Я хотел написать картину о советском человеке. О человеке, который приходит на землю, чтобы преобразить ее в свободное свое обиталище», — признается Веденин, восклицая в творческом экстазе: «Мы — хозяева жизни». В интерпретации, предложенной мастером эстрадного жанра А. Бартэном, картина, созданная Веде-

ниным, могла бы служить иллюстрацией к популярной советской «Песне о Родине» на слова В. Лебедева-Кумача (1936): «А над землей, обернувшись к ветру лицом, стоял человек. Горделивая радость хозяина озаряла его лицо. Он стоял, подняв над миром руку — тяжелую и легкую руку творца». Указывая на «сложность живописного задания» полотна, предназначенного для «большой советской выставки», А. Бартэн обращает внимание читателя на колорит картины Веденина, в котором преобладают ликующие цвета — «алая, синяя, изумрудная краски».

О том, что «формирование в массовом масштабе личности нового, коммунистического типа... стало ныне практической задачей и прямой целью»²³, писали идеологи и психоаналитики, предлагая формулу «сверхчеловека». Приверженцы тоталитаризма ставили задачу сознательной переделки человеческой природы. Образ героя «наших великих дней» стал главной темой советского искусства и литературы конца 1920-х — 1930-х, второй половины 1940-х — начала 1950-х годов. Образцовые герои представлялись в заведомо типичных обстоятельствах, оказывались в похожих ситуациях, задавались вопросами, получающими одинаковые ответы. На словах художественный идеал должен был соответствовать жизненному, а на деле рождался образ идеального героя, заключающего в себе тождество типичного и сверхъестественного.

Призывы к единству творческих устремлений и общности идейно-художественных задач, направленные в адрес творческой интеллигенции, к рубежу 1940-х — 1950-х гг. способствовали возникновению тенденции «ложной идеализации, парадности и помпезности» в изображении советского человека, критики обвиняли писателей и художников в «отвлеченности от действительности». Герои романа «Творчество» рассуждают: «Мне, признаться, дороже обыкновенная, простая наша земля» (Александра, провинциальная учительница); «Бывают такие сказки — волшебные земли, молочные реки, кисельные берега...» (Зоя, дочь Веденина); «Не то декорация какая-то, не то икона!» («ударник»). Для литературы и искусства обязательным становится принцип «подобия жизни»: «Сила рисунков Семена (“Сила!” — повторил про себя Веденин) была... в умении видеть жизнь очень ясной, доподлинной, осязаемой. При всех своих ученических погрешностях, эти рисунки как бы приближали жизнь, делали ее привычность непривычно свежей, значительной», — восхищается Бартэн.

²³ Ильенков Э.В. Что же такое личность? // Философия и культура. М., 1991. С. 387.

Освещая Всесоюзную выставку 1950 г., Б. Лавренев сожалеет, что «не все еще из участников выставки в достаточной мере осознали свою ответственность, необходимость серьезного отношения к труду художника», в качестве яркого примера он приводит «полотно» Серафима Зверева²⁴ «Слава защитникам родины»: «Это неудачное произведение показывает, к каким роковым результатам может привести художника отсутствие мысли, серьезного, творческого отношения к решению задачи, слепое копирование натуры, лишенное вдохновения»²⁵. В борьбе с «безыдейностью и аполитичностью» А. Бартэн полностью солидарен с Б. Лавреневым, на что указывает поразительное сходство реплик героев романа и высказываний Б. Лавренева. Разоблачая Ракитина, Веденин ставит в вину художнику то, что его «картина не несет в себе мысли. Этой мыслью — новым, социалистическим отношением к труду — художник не горел». «Где же жизнь?.. Разве хоть одну фигуру на этом полотне можно назвать живой? Разве эти мертвенно-условные лица могут выразить духовный мир нашего человека?..». Устами центрального персонажа романа А. Бартэн упрекает «формалиста» Ракитина в том, что «художник... подменил живых людей статическими фигурами натурщиков»: «образы советских людей вы хотите выразить в омертвелой стилизованной форме». К безрадостному выводу приходит и Б. Лавренев: «Всё вместе производит угнетающее впечатление. На полотне не живые советские люди, а экспонаты из паноптикума восковых фигур»²⁶.

Картина, создаваемая Ведениным в 1935 г., по своему замыслу больше соответствует художественной программе второй половины 1940-х — начала 1950-х гг., когда, согласно наблюдению знатока советской портретной живописи Л. Зингера, в партийной печати «все чаще... появляются статьи, призывающие к углубленному раскрытию духовной красоты современника», «с новым энтузиазмом» продолжавшего «строительство социализма»²⁷. Если для портретной живописи 1930-х гг. характерными были «обильные поиски нового типажа, нежели стремление углубиться в духовный мир конкретного человека»²⁸, доминирующее положение занимал портрет-тип, то уже в конце 1940-х гг. наблюдается новая тенденция — обращение к портрету рабочего как конкретной личности. Такие психологи-

²⁴ Серафим Александрович Зверев (1912–1979), ученик М. Нестерова и П. Кона.

²⁵ Лавренев Б.А. В. Яковлев. С. 24.

²⁶ Лавренев Б.А. Идейность и мастерство. С. 4.

²⁷ Зингер Л.С. Советская портретная живопись 1930-х — конца 1950-х годов. М., 1989. С. 171.

²⁸ Там же.

ческие качества, как «пытливость ума», «живость воображения», «напряженная работа мысли», которыми наделялся портретируемый, должны были демонстрировать «незаурядный интеллект», «красоту духовного взлета» советского рабочего, что, в свою очередь, способствовало «стиранию граней ... между людьми умственного и физического труда»²⁹ (так, внутренний мир героини портрета В. Ефанова — заместителя секретаря комсомольской организации Метростроя Т.К. Рожковой (1949) — «весел, ясен, светел, ... но отнюдь не бездумен»³⁰).

Итогом долгой и напряженной работы Веденина стало «прекрасное полотно», поразившее его коллег из Союза художников, отборочная комиссия признала его почти шедевром и рекомендовала отправить на выставку «Индустрия социализма»³¹: «коренастая девушка в синем рабочем халатике» стоит на фоне цеха, «озаренная, пронизанная светом». «Похожий на ветер» воздух врывается «сильным потоком, окружает девушку, сдвигая складки халатика, откидывая прядь волос..., подчеркивая резкий, напряженный поворот тела. Точно сопутствуемая светом и ветром, девушка стоит, преградив дорогу второй фигуре. Эта вторая фигура — черная, в черной, мешковато обвислой спецовке, с головой, словно вдавленной в плечи, с кулаками, сжатыми за спиной — эта фигура в тени. Лица не видно, но по тому, как пригнулась фигура, намереваясь и не смея совершить прыжок, по тому, как сжаты кулаки за спиной, — читается темная, густая злоба». «Вспыхнул поединок — тот, кто пытался ей угрожать, должен отступить в бессильной злобе». «В ее глазах зреет и мужает сильная мысль», «рука протянута в гневном и утверждающем жесте».

Характер творческих исканий Веденина не нов — он продолжает выполнять программу, предложенную Федором Кудриным (Б. Лавренев. «Гравюра на дереве»), который еще только мечтал «с карандашом, с альбомчиком» пойти «туда, в мастерские, в цеха, в самую гущину, в самый центр» к «массам» и «низам»: «Так вот, если мне удастся за всю мою жизнь его одного (заводского изобретателя “глиномешалки” старика Королева. — А.С.) в ту минуту, когда он об этой самой мешалке своей говорит и думает, так написать, чтоб люди почувляли, что это наш Королев, что всю жизнь, все чаяния свои, все торжество свое он в эту мешалку вложил, — вся моя задача выполнена», — еще

²⁹ Там же. С. 173.

³⁰ Там же. С. 251.

³¹ Выставка «Индустрия социализма» открылась в марте 1939 г., но задумана была раньше — в 1935 г. (когда происходит действие романа А. Бартэна), как рапорт о высших достижениях советского государства (индустриализация) и искусства (утверждение метода социалистического реализма).

только размышлял Кудрин. Работая над образом «нового человека», Веденин тоже тщательно изучает натуру: посещает заводской цех, внимательно наблюдает за работой своих героев, даже принимает участие в спорах на собрании заводчан в «Красном уголке». Герою романа А. Бартэна удалось воплотить замысел предшественника: олицетворением идеи «нового человека» для Веденина стала Ольга Власова — девушка, работающая на Машиностроительном заводе токарем: «Воплощенная молодость. Молодость нашей страны. Молодая сила нашего труда». А. Бартэн акцентирует внимание читателя на ее «молодом, упорном, горделивом лице», на котором отражается «пытливая прикованность мысли, даже сама мысль, делающая лицо красивым», на «порывистой подвижности фигуры, устремленной вперед».

Несмотря на искреннюю страстность замысла Бартэна, его благие намерения потерпели фиаско, столкнувшись с непоколебимыми доводами критиков: «Ольга должна быть носителем идеи социалистического творческого труда на производстве», — отмечали Т. Голованова и Ю. Непринцев, спрашивая: «Какими же чертами награждает А. Бартэн свою героиню? Она беспрестанно углублена в мелочный самоанализ, все время находится в состоянии нездоровой, истерической экзальтации, ее преследуют “видения”»³², к тому же «Ольга много говорит о себе и выглядит из-за этого нескромной, позирующей»³³. Рядом с гневно настроенными рецензентами А. Бартэн кажется только наивной жертвой собственного невежества. В процессе работы над романом писатель публикует короткие рассказы в литературных журналах. В частности, в 1948 г. в журнале «Звезда» печатается его рассказ «На красном треугольнике», посвященный труду «галошниц». Вероятно, находясь под впечатлением от создаваемого им объемного романа об искусстве, писатель время от времени задается вопросом: «какие же краски понадобились бы художнику в этом цехе?». Увлеченный популярной темой «труда, который становится искусством и в мастерской художника, и в цехе завода», о художественном творчестве Бартэн пишет с тем же вдохновением, с каким воспекает «красоту галоши». В сущности, героиня романа «Творчество» Ольга Власова ничем не отличается от «галошницы, комсомолки Раисы Толок» — «лучшей стахановки конвейера». Не впадая в идеологические крайности пропагандистского толка, Б. Галанов остроумно заметил: «... есть определенное сходство между абстрактными, отвлеченными фигурами молодой,

³² Голованова Т., Непринцев Ю. Указ. соч. С. 74.

³³ Терентьев Г. Умозрительный изыск // Ленинградская правда. 1953. 30 января. С. 3.

“озаренной светом” стахановки, притаившимся в тени “злодеем” и столь же отвлеченными, условными персонажами романа самого Бартэна. Пройдя мучительно трудный путь, художник Веденин “открыл” для себя всего лишь ... творческий метод Бартэна, воспользовался его художественными приемами»³⁴.

Вместе с тем, обвиняя писателя в неумении говорить об искусстве, его критики сами показывают неуверенность в понимании проблем современного искусства. «Какова же эта “подлинно реалистическая” картина, созданная художником? ... Эта картина безусловно очень далека от реализма. Писатель заставляет своего героя создать какой-то чудовищный гибрид, поместив реальный образ девушки в композицию декадентски-символистского толка, и скомпоновав этот образ с уже совершенно непонятной символической фигурой, напоминающей о “некто в сером” из заумных произведений буржуазного декадента Леонида Андреева. ... Мы знаем, что типический образ может быть дан только в типических ситуациях. Но разве можно назвать типическим обстоятельством встречу у дверей цеха передовой стахановки с каким-то привидением, олицетворяющим некое абстрактное зло? ... И этот бред по воле Бартэна был признан художниками, как указывается в романе, образцовым произведением социалистического реализма», — продолжают негодовать Т. Голованова и Ю. Непринцев, в то же время внушая читателю конъюнктурные художественные пристрастия: «Эта картина направляется в советский музей с тем, чтобы в дальнейшем ее отправить на выставку “Индустрия социализма”, на которой в действительности были представлены такие высокоидейные и подлинно реалистические произведения, как “Старый Уральский завод” Б. Иогансона, “Незабываемая встреча” В. Ефанова и ряд других картин, вошедших в золотой фонд советской живописи»³⁵.

Уже с позиций конца 1940-х — начала 1950-х гг. писатель пытается дать ответы на вопросы, волновавшие художников и критиков 1920-х — 1930-х, в частности, о роли романтизма и символизма в советском искусстве. В конце 1930-х гг. ответы на эти вопросы еще не получили достаточной аргументации. В статье, посвященной выставке «Индустрия социализма», Н. Щекотов писал: «Художник-поэт, художник-философ, стремится предугадать в современности наше будущее и выразить его в своей картине. Но это уже побуждает его преступить за границы данного факта, это побуждает его внести в искусство фантазию, игру воображения. Соответствуют ли подобного рода отступления “от натуры” принципам социалистического

³⁴ Галанов Б. Указ. соч. С. 186.

³⁵ Голованова Т., Непринцев Ю. Указ. соч. С. 78.

реализма? Можно ведь таким образом и до символизма дойти. Допустим ли символизм? Допустим ли романтизм?»³⁶.

Стремясь дать ответ на вопрос о том, как уживаются символические образы с пониманием социалистического реализма, критики романа Бартэна рассуждают: «Казалось бы, позиция автора ясна: он рассматривает символ как средство типизации в реалистическом искусстве и на этом основании доказывает, что картина Веденина реалистична в высшем значении этого слова, является образцом социалистического реализма. Однако, убоившись ответственности за эту мысль, автор несколькими строками ниже, устами... Бугрова доказывает, что система контрастов на полотне, световая характеристика — совсем не символ. Путаница во всех этих теоретических рассуждениях А. Бартэна очевидна»³⁷. Глобальность замысла Веденина омрачает то, что образ созданного им «злодея» близок скорее к карикатурной интерпретации, чем к символической трактовке и способен вызвать лишь смех, тогда как согласно намерению художника, должен был олицетворять собой вражеские силы, мешающие социалистическому строительству, но все же отступающие «в бесильной злобе». Надо думать, именно этим обусловлена агрессивная позиция Т. Головановой и Ю. Непринцева, так как обвинять писателя в идеологической неграмотности вряд ли уместно: «Что отличает символизм как реакционное, глубоко чуждое нам течение? — задается вопросом А. Бартэн, сразу давая ответ: мистицизм, бегство от жизни, уход в потусторонний, вымышленный мир...», отмечая при этом, что «... только начетчики и спекулянты могут смешивать символизм с понятием символа как типизированного, обобщенного образа».

Смысл литературно-художественного мира, созданного автором романа «Творчество», заключается в его приверженности догмам и послушности директивам. Невнимание к живописным, пластическим, колористическим достоинствам произведений полностью компенсировалось извращенными идеологическими интерпретациями, в результате чего складывалась определенная программа, влияющая на формирование художественных вкусов зрителей. Роман А. Бартэна в сочетании с критической статьей Т. Головановой и Ю. Непринцева стал всего лишь одним из образцов идеологической демагогии, далекой от реальных проблем литературы и искусства. Дезориентирующая путаница, царящая в текстах ангажированных литераторов, сопровождаемая подменой понятий, наставительный тон, громкие

³⁶ Щекотов Н. Выставка «Индустрия социализма». Живопись // Искусство. 1939. № 4. С. 70.

³⁷ Голованова Т., Непринцев Ю. Указ. соч. С. 78.

слова и пафосные фразы — типичные приемы манипулирования читателем. Книга А. Бартэна стала одной из тех, что первые «канули в Лету», оставшись лишь курьезом. Однако, явившись в свое время одним из многочисленных «винтиков» в машине тоталитарного советского режима, для историков роман А. Бартэна «Творчество» останется одним из компонентов, формировавших сознание наших соотечественников, участников и свидетелей событий эпохи.

References

Cassirer E. *Tekhnika politicheskikh mifov* [The Technique of Political Myths] // *Oktyabr*. 1993. № 7. P. 153–164.

Galanov B. *Dva romana o tvorchestve* [Two Novels on Creativity] // *Znamya*. 1953. № 10. P. 184–188.

Ginzburg L.Ya. *Chelovek za pis'mennym stolom* [The Person behind the Writing Desk]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1989. 768 p.

Golomshtok I.N. *Totalitarnoye iskusstvo* [Totalitarian Art]. Moscow: Galart, 1994. 296 p.

Golovanova T., Neprintsev Yu. *Bez znaniya zhizni* [Without Knowledge of Life] // *Propagandist*. 1953. № 5. P. 73–79.

Il'yenkov E.V. *Chto zhe takoye lichnost'*? [So What is Personality?] // *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. Moscow: Politizdat, 1991. P. 387–414.

Lavrenev B.A. *Ideynost' i masterstvo. Khudozhestvennaya vystavka 1950 g. (Moskva)* [Ideological Commitment and Skills. 1950 Art Exhibition (Moscow)] // *Ogonek*. 1951. № 3. P. 2–4.

Zinger L.S. *Sovetskaya portretnaya zhivopis' 1930-kh — kontsa 1950-kh godov* [Soviet Portrait Painting of the 1930s — Late 1950s]. Moscow: Izobrazitel'noye iskusstvo, 1989. 319 p.

Поступила в редакцию
6 июля 2020 г.